

008
5675

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Н. Я. БИЧУРИН И ЕГО ВКЛАД В РУССКОЕ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

(К 200-летию со дня рождения)

Материалы конференции
Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1977

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Н. Я. БИЧУРИН И ЕГО ВКЛАД В РУССКОЕ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

(К 200-летию со дня рождения)

Материалы конференции
Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1977

008 469842
БГ75 Н. Я. Бичурин и
его вклад в русское
востоковедение. Ч. 2.

1977

ТОК

Чодураев

д. 3

в 1390 аб

469842

008(06)
5675

ОТВ. РЕДАКТОР И СОСТАВИТЕЛЬ
А.Н. ХОХЛОВ

В подготовке сборника к печати принимали участие Э.С. Дубасова, Н.Б. Занегина, Н.И. Фомина, Т.А. Фролова и Б. Базарова

Отдел Китая Института востоковедения АН СССР публикует доклады и тезисы, представленные в Оргкомитет конференции, в сокращенном виде

© Институт востоковедения АН СССР, 1977

Л. И. ДУМАН

Институт востоковедения
АН СССР

О ТРУДЕ Н.Я. БИЧУРИНА "СОБРАНИЕ СВЕДЕНИЙ О НАРОДАХ,
ОБИТАВШИХ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В ДРЕВНИЕ ВРЕМЕНА"

О Н.Я. Бичурине написано немало как в дореволюционной России, так и в советское время. Однако всякий раз, когда исследователи обращаются к наследию великого русского востоковеда, раскрываются новые грани его научного подвига, не имеющего себе равного в мировой синологии.

Н.Я. Бичурин был основоположником научного китаеведения в России, так как до него русская синология находилась в зачаточном состоянии. Поэтому не случайно известный советский китаевед академик В.М. Алексеев назвал его "первым крупным русским синологом".¹ Труды Н.Я. Бичурина по Китаю, Центральной, Средней и Восточной Азии считались в его время лучшими в Западной Европе, пользовались всеобщим признанием как русских, так и иностранных ученых, опиравшихся на них в своих исследованиях.

На основе широкого круга китайских источников Н.Я. Бичурин детально исследовал историю, философию и культуру Китая, его внутреннее устройство и внешнеполитические связи. Он первым в мировой науке поставил вопрос о самобытности китайской культуры, разоблачив широко распространенные тогда в Западной Европе "теории" египетского и вавилонского происхождения китайцев и их цивилизации. Вместе с тем он высмеял тех католических миссионеров, которые "хотели в китайских преданиях найти тождество с древними событиями библейской истории, не имевшими никакой связи с Востоком Азии".² Н.Я. Бичурин резко критиковал и тех западноевропейских ученых, которые писали о варварстве и невежестве китайцев, о преимуществах "христианских" народов.³ Русский востоковед неоднократно подчеркивал, что Китай — страна древней цивилизации и по своей культуре не уступает другим странам. Характеризуя государственное

использованы современные сведения о Китае. Н.Я. Бичурин отмечал, что это "... государственное устройство и благоустройство не по азиатскому, а по европейскому порядку".⁴

В своем стремлении взглянуть Китай от многочисленных нападков и неудач русских ученых он всегда допускал ошибки, чрезмерно идеализируя китайские государственные институты. Он, например, так писал о китайских законах: "... Они сохранились в точности, как будто о китайских законах: стали бы они к истинным началам правосудия (подчеркнуто мною - Л.Д.), что даже образованнейшие государства могли бы по-что заметить на них".⁵

Нельзя, однако, утверждать, что Н.Я. Бичурин абсолютно идеализировал все китайское, не видел теневых сторон жизни страны и ее населения. Он подметил, например, одну характерную черту, свойственную преимущественно господствовавшим классам Китая и его чиновной интеллигенции: "... Китайцы имеют свою словесность и науки, и думают, что они просвещение всех народов на свете...".⁶ В другом месте Н.Я. Бичурин отмечал: "Китаец, по странному народному самолюбию, ничего не хочет знать, да и не знает ничего, что находится и что происходит за пределами его отечества".⁷

Эти слова относятся к тому периоду, когда Китай находился под властью чужеземной, маньчжурской, династии Цин, проводившей политику самоизоляции в области внешних сношений. Между тем вся древняя и средневековая история свидетельствует о том, что Китай имел тесные связи со своими близкими и дальними соседями - народами Юго-Восточной и Центральной Азии, проводил широкую экспансионистскую политику. Это наглядно подтверждает последний труд Н.Я. Бичурина - "Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена".⁸

Создание этого беспримерного по своей трудности научного труда относится к последнему периоду творческой жизни ученого. Сам автор в предисловии указывает, что он по возвращении из Пекина в течение почти 25 лет занимался собиранием сведений о древних связях Китая с сопредельными народами.⁹ Но непосредственно к подготовке данного труда Н.Я. Бичурин приступил лишь в начале 1846 г. Закончил он его в 1850 г., а издал в 1851 г.¹⁰

Несомненно, столь быстрой подготовке "Собрания сведений" способствовали длительный сбор материалов, начатый еще в Китае, а также перевод Н.Я. Бичуриным много-томного китайского сочинения "Цзи-чжи тун-цзинь ган-му" - летописи, составленной сунским ученым Чжу Си и его учениками, охватывавшей историю Китая с У в. до н.э. до XII в. н.э.¹¹

Перевод "Цзи-чжи тун-цзинь ган-му" со всеми продолжениями Н.Я. Бичурин закончил, по-видимому, в 1825 г.¹² Следовательно, к этому времени в его распоряжении уже были подробные сведения о сопредельных с Китаем народах, о связях китайского государства с ними. Правда, Н.Я. Бичурин использовал эти данные в небольшом объеме, в виде дополнительных кратких справок к основным материалам, взятым из других источников.

Следует сказать, что перевод "Цзи-чжи тун-цзинь ган-му" не был окончательно отработан Н.Я. Бичуриным и не предназначался к печати: в нем много пропусков и неточностей. Об этом, впрочем, писал сам Н.Я. Бичурин, указывавший на предварительный характер перевода данного источника.

В письме к ректору Казанской духовной академии от 13 января 1849 г. Н.Я. Бичурин сообщал: "История¹³ была переведена для собственного употребления при справках, тот перевод вообще не полон, не обработан и без пояснений".¹⁴ Тем не менее даже в таком виде перевод имел для русского ученого большое значение и немало способствовал подготовке им ряда ценных трудов, в том числе "Собрания сведений".

Этот последний труд Н.Я. Бичурина, завершивший его творческую деятельность, был лучшим среди его многочисленных творений. Его основу составили многочисленные китайские источники, главным образом династические истории, о которых упоминает и сам автор.¹⁵ Кроме того Н.Я. Бичурин использовал "Исторические записки" ("Шицзи") Сыма Цяня, освещающие древнюю историю Китая, начиная с легендарных времен и до конца II в. до н.э.

Из династических историй¹⁶ и "Исторических записок" Сыма Цяня Н.Я. Бичурин использовал лянчжуань (описание), касающиеся племей и народов, с которыми Китай имел те или иные связи.

устройство современного ему Китая, Н.Я.Бичурин отмечал, что это "... государство образованное и благоустроенное не по азиатским, а по европейским понятиям".⁴

В своем стремлении защитить Китай от многочисленных нападок лжеученых великий русский ученый сам иногда допускал ошибки, чрезмерно идеализируя китайские государственные институты. Он, например, так писал о китайских законах: "... Они сорок веков проходили горнило опытов, и вылились столь близко к истинным началам народоправления (подчеркнуто мною - Л.Д.), что даже образованнейшие государства могли бы кое-что заимствовать из них".⁵

Нельзя, однако, утверждать, что Н.Я.Бичурин абсолютно идеализировал все китайское, не видел теневых сторон жизни страны и ее населения. Он подметил, например, одну характерную черту, свойственную преимущественно господствовавшим классам Китая и его чиновной интеллигенции: "... Китайцы имеют свою словесность и науки, и думают, что они просвещеннее всех народов на свете...".⁶ В другом месте Н.Я.Бичурин отмечал: "Китаец, по странному народному самолюбию, ничего не хочет знать, да и не знает ничего, что находится и что происходит за пределами его отечества".⁷

Эти слова относятся к тому периоду, когда Китай находился под властью чужеземной, маньчжурской, династии Цин, проводившей политику самоизоляции в области внешних сношений. Между тем вся древняя и средневековая история свидетельствует о том, что Китай имел тесные связи со своими близкими и далекими соседями - народами Юго-Восточной и Центральной Азии, проводил широкую экспансионистскую политику. Это наглядно подтверждает последний труд Н.Я.Бичурина - "Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена".⁸

Создание этого беспримерного по своей трудности научного труда относится к последнему периоду творческой жизни ученого. Сам автор в предисловии указывает, что он по возвращении из Пекина в течение почти 25 лет занимался собиранием сведений о древних связях Китая с сопредельными народами.⁹ Но непосредственно к подготовке данного труда Н.Я.Бичурин приступил лишь в начале 1846 г. Закончил он его в 1850 г., а издал в 1851 г.¹⁰

Несомненно, столь быстрой подготовке "Собрания сведений" способствовали длительный сбор материалов, начатый еще в Китае, а также перевод Н.Я.Бичуриным много-томного китайского сочинения "Цзы-чжи тун-цзянь ган-му" - летописи, составленной сунским ученым Чжу Си и его учениками, охватывавшей историю Китая с У в. до н.э. до XII в. н.э.¹¹

Перевод "Цзы-чжи тун-цзянь ган-му" со всеми продолжениями Н.Я.Бичурин закончил, по-видимому, в 1825 г.¹² Следовательно, к этому времени в его распоряжении уже были подробные сведения о сопредельных с Китаем народах, связях китайского государства с ними. Правда, Н.Я.Бичурин использовал эти данные в небольшом объеме, в виде дополнительных кратких справок к основным материалам, взятым из других источников.

Следует сказать, что перевод "Цзы-чжи тун-цзянь ган-му" не был окончательно отработан Н.Я.Бичуриным и не предназначался к печати: в нем много пропусков и неточностей. Об этом, впрочем, писал сам Н.Я.Бичурин, указывавший на предварительный характер перевода данного источника.

В письме к ректору Казанской духовной академии от 13 января 1849 г. Н.Я.Бичурин сообщал: "История"¹³ была переведена для собственного употребления при справках, тот перевод вообще не полон, не обработан и без пояснений".¹⁴ Тем не менее даже в таком виде перевод имел для русского ученого большое значение и немало способствовал подготовке им ряда ценных трудов, в том числе "Собрания сведений".

Этот последний труд Н.Я.Бичурина, завершивший его творческую деятельность, был лучшим среди его многочисленных творений. Его основу составили многочисленные китайские источники, главным образом династийные истории, о которых упоминает и сам автор.¹⁵ Кроме того Н.Я.Бичурин использовал "Исторические записки" ("Шицзи") Сыма Цяня, освещающие древнюю историю Китая, начиная с легендарных времен и до конца II в. до н.э.

Из династийных историй¹⁶ и "Исторических записок" Сыма Цяня Н.Я.Бичурин использовал лешуань (описания), касающиеся племен и народов, с которыми Китай имел те или иные связи.

Аналогичным образом был использован им "Цзы-чжи тун-цзянь ган-му", в котором хотя и отсутствуют тематические разделы и специальные главы о соседних народах, но имеется богатый конкретно-исторический материал о внешних связях Китая, расположенный в хронологическом порядке.

Конкретные данные многочисленных китайских источников, тщательно отобранные Н.Я.Бичуриным, образовали костяк весьма ценного труда - "Собрание сведений". Многочисленные названия племен и народностей, термины, обозначавшие титулы, должности, исторические факты, не всегда известные даже специалисту, потребовали пояснений, комментария, что и было сделано Н.Я.Бичуриным в меру его сил и объективных возможностей.

Оценивая труд Н.Я.Бичурина - "Собрание сведений", мы, естественно, должны учитывать уровень науки XIX в., масштабы развития востоковедения того времени и степень разработанности тех проблем, которые были выдвинуты и исследованы знаменитым русским синологом. Безусловно, работа, выполненная Н.Я.Бичуриным, была уникальной для своего времени и по своему научному уровню превосходила труды его предшественников. Прежде всего следует иметь в виду, что он перевел основные китайские источники, причем несмотря на некоторые пропуски и неточности перевод его стоит значительно выше, чем у авторов XVIII в. - Дегиня, Висделу, которые давали пересказ китайских источников. Уступают труду Н.Я.Бичурина и переводы авторов XIX в., главным образом французских сиологов, по точности и полноте использованных материалов. Мы имеем в виду работы Абель-Ремюза¹⁷ и Юлиуса Клапрота,¹⁸ из них последний опирался на работы других авторов, включая Н.Я.Бичурина.

Достоинством "Собрания сведений" является не только то, что в него вошли переводы оригинальных китайских источников в таких больших масштабах, которые были не под силу его предшественникам - синологам других стран мира. Труд Н.Я.Бичурина охватывает по своему содержанию и большой исторический период - свыше тысячи лет: основные переводы по истории сопредельных с Китаем народов и их связей с ним освещают период с II в. до н.э. до середины IX в.н.э. В отдельных случаях данные касаются более раннего времени.

Так, о сюнну приводятся свидетельства, правда весьма отрывочные, относящиеся к легендарному периоду Яо и Шуня (по старой китайской традиции, их правление относится к третьему тысячелетию до н.э.). Наиболее поздние материалы китайских источников о киданях, помещенные в "Собрании сведений", датируются X в. н.э.

Другими достоинствами "Собрания сведений", выгодно отличающими этот труд от подобных работ предшественников и современников Н.Я.Бичурина, равно как и более поздних авторов XIX и XX вв., переведивших китайские тексты о различных народах, являются полнота исторического материала и не превзойденная еще никем географическая масштабность. В "Собрании сведений" помещены уникальные данные китайских источников о племенах и народностях, обитавших в древности и раннем средневековье в основном на территории современной Монгольской Народной Республики и Внутренней Монголии (автономный район КНР) (сюнну, сяньби, ухуань, кидань, кумоси, жуань-жуань, тюрки-тутю или тукюэ, уйгуры-хойху, гаогуй и др.), советского Дальнего Востока и Маньчжурии (фуцзи, илоу, моха, частично сяньби, ухуань и др.), Кореи (владения Боцзи, Гао-гуй-ли, Синьло и др.) и Японии, Восточного Туркестана (современ. Синьцзян-уйгурский автономный район КНР) и Средней Азии. (Повествование о Западном крае, в котором дано описание многих оседлых оазисов, городов-государств и различных кочевых народностей), Южной Сибири (главным образом о хакасах-кыргызах) и Западного Алтая (карлуки-галолю и др.). Мы упомянули лишь основные племена и народности, проживавшие в Средней Азии и Сибири, которые в дальнейшем вошли в состав России. Труд Н.Я.Бичурина содержит, правда в меньшей степени, данные по истории народов Афганистана, Ирана, Малой Азии и Северной Индии.

Не приходится говорить, сколь ценными являются китайские материалы, переведенные Н.Я.Бичуриным, по истории народов нашей страны - Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока. Так, для Южной Сибири в период древней истории и раннего средневековья китайские данные являются единственными письменными источниками. Велико значение китайских источников и для истории Средней Азии периода VI в. до н.э. - VIII в. н.э., так как известные ныне материалы на других языках весьма

кратки, немногословны (ахеменидская клинопись, античные источники — Геродот, Страбон, Птоломей и др.), византийские, армянские, сирийские, сасанидские тексты, древнетюркские рунические тексты (Кюльтегина, Тоньжука) и др.

Не менее ценны китайские источники и для изучения истории народов советского Дальнего Востока в древний и раннесредневековый периоды, являясь по существу единственными письменными памятниками.

Таким образом, труд Н.Я.Бичурина "Собрание сведений" имел колоссальное значение для изучения народов России, а также народов Центральной и Восточной Азии. Это значение он не утратил и теперь, спустя более 125 лет после его опубликования. Благодаря огромному богатству исторических фактов "Собрание сведений" служило и для многих ученых не китайцев и продолжает служить почти основным источником в изучении многих племен и народов, так или иначе общавшихся с Китаем. Еще в конце XIX в. русский ученый Н.Веселовский давал высокую оценку трудам Н.Я.Бичурина: "... труды Иакинфа доселе почти не устарели и ни один исследователь прошлого Средней и Северо-Восточной Азии не может обойтись без них. Масса новых сведений, внесенных в науку отцом Иакинфом, и отличное знание многих вопросов вполне искупают те недостатки, от которых его труды не свободны, которые к тому же были до известной степени общими всем ученым работам того времени."¹⁹

Подготовка "Собрания сведений" (отбор материалов, их краткое комментирование, оформление всего труда, включая указатель), была осуществлена Н.Я.Бичуриным без посторонней помощи. Те краткие и общие замечания, которые высказал М.И.Броссе (по поручению Академии наук) на перевод "Повествования о Давани", представленный Н.Я.Бичуриным для решения вопроса о характере будущего труда его в целом, нельзя оценивать как некую программу или инструкцию для Иакинфа. Между тем, А.Н.Бернштам указывает: "Постепенно эти советы коллег стали восприниматься как инструкция-программа. Тем самым как бы снижалась исследовательская роль самого Бичурина."²⁰ С таким выводом согласиться нельзя, так как никогда пожелания и замечания рецензентов, высказанные в устной или письменной форме исследователю, не снижали творческой роли самого ученого.

Вскоре после выхода в свет и в дальнейшем труд Н.Я.Бичурина неоднократно получал высокую оценку русских авторов, которые одновременно указывали и на недостатки. Их критические замечания можно свести к двум основным группам:

1) указания на ограниченность круга источников, использованных Н.Я.Бичуриным, и в связи с этим пожелания привлечь другие тексты (как китайские, так и греческие, арабско-персидские и др. (О.М.Ковалевский); 2) указания на некритический подход Иакинфа к свидетельским показаниям китайских авторов и в связи с этим на необходимость сопоставления китайских сведений с данными других источников (Мирза Казембек).

Советский китаевед Н.В.Кюнер указывал, что Н.Я.Бичурин, используя династийные истории, брал только одну версию или редакцию. Так, Иакинф в основном использовал "Синь Тан шу" ("Новую историю династии Тан") и пренебрег "Цзю Тан шу" ("Старой историей династии Тан"), где иногда приводятся дополнительные данные. Он отмечал также, что как династийные истории, так и "Цзы-чжи тун-цзянь ган-му" могли быть использованы более широко.²¹ Справедливо указание Н.В.Кюнера и на то, что Н.Я.Бичурин использовал не все династийные истории, освещающие проблемы, затронутые ученым, в намеченных им хронологических рамках (например, им не были переведены материалы из "Саньгочжи" ("Обзорение периода трех династий"), а из других династийных историй взят только раздел об иноземных народах.

Хотя критические замечания по поводу неполного использования Н.Я.Бичуриным источников и необходимости критической оценки их представляются справедливыми, тем не менее следует иметь в виду, что в период написания своего труда русскому востоковеду было семьдесят лет и он тяжело болел. В этой связи можно привести высказывание современника Н.Я.Бичурина Н.С.Шукина, который по данному поводу писал; "Довольно и того, что сделано. Осуждать берется каждый, но сделать могут не многие. Мы уверены, что каждый истинно ученый, жаждущий познаний исторических, найдет в сочинениях о Иакинфе неисчерпаемый родник."²²

Мы совершенно согласны с этим, хотя и считаем, что будущим последователям Н.Я.Бичурина в изучении сопредельных с

Китаем народов надлежит привлечь дополнительные материалы, в частности, другие главы династийных историй, а также различные энциклопедии и сочинения, о которых упоминал Н.В.Кюнер.

Частично же эти пожелания учтены советскими авторами, в частности, В.С.Таскиным в его переводах материалов о сюнну,²³ в исследованиях Л.И.Думана,²⁴ Е.И.Кычанова,²⁵ М.В.Воробьева²⁶ и других.

Остановимся вкратце на некоторых других критических замечаниях, высказанных рецензентами в адрес "Собрания сведений". Известный русский востоковед Мирза А.Казембек, высоко ценивший труды Н.Я.Бичурина, в частности его "Записки о Монголии", отмечал его чрезмерную доверчивость к китайским текстам и отсутствие критического подхода к ним: "Никак не могу вместе с о.Иакинфом слепо верить авторитету китайских летописей и историков, всякий рассказ их считать актом и фактом историческим, не допускать критической обработки этой истории".²⁷ С этим можно согласиться, но надо было привести конкретные примеры, чтобы критика выглядела убедительнее. Этого, однако, не сделали многочисленные рецензенты "Собрания сведений", поэтому их критика часто не достигала цели и была беспредметной.

Конечно, в данном докладе не представляется возможным подробно говорить о всех недостатках "Собрания сведений", поэтому мы ограничимся лишь несколькими примерами. О некорректном восприятии свидетельских показаний китайских источников Н.Я.Бичуриным **говорит** прежде всего тот факт, что он воспринимает данные "Исторических записок" Сыма Цяня о легендарном периоде как бесспорно исторические реалии. Известно, что глава IIO "Исторических записок" - "Повествование о сюнну", переведенная Н.Я.Бичуриным и включенная в "Собрание сведений" в той ее части, где освещается ранний период истории сюнну, является по своему содержанию наименее достоверной и неполной. Она повторяет показания более древних источников "Шан шу", "Го юй" и летописи "Чунь-цю". о древнейшем населении Монголии, рассказывая о событиях весьма кратко, с большими хронологическими пропусками, равными иногда нескольким столетиям. Показательно, что сам Сыма Цянь признавал невозможным дать точную картину истории сюнну.

раннего периода, начиная от легендарного родоначальника Шунь-вэя до первого исторически достоверного шаньюя (вскакая) сюнну Тоуманя (конец III в. до н.э.). В упомянутой главе о сюнну Сыма Цянь указывал: "Со времени Шунь-вэя до Тоуманя прошло более тысячи лет,²⁸ в продолжение которых (сюнну) временами усиливались, временами слабели, распадались и делились, но это было так давно, что невозможно выяснить и последовательно изложить переходы власти от одного правителя к другому."²⁹

Первая же фраза "Повествования о сюнну", не совсем точно переведенная Н.Я.Бичуриным, свидетельствует о некорректном восприятии им показаний китайского источника: "Предок хуннов был потомок Дома Хя-хэу -шы по имени Шунь-вэй. Еще до времен государей Тан и Юй³⁰ находились поколения Шань-жун, Хянь-юнь и Хунь-юй. Обитая за северными пределами Китая, переходят со своим скотом с одних пастбищ на другие."³¹ Из этого перевода и примечаний, во-первых, видно, что переводчик принимает без оговорок данные Сыма Цяня, во-вторых, легендарный период он воспринимает как достоверный, считая Яо и Шуня государями и признавая существование уделов у них до вступления их на "престол". Таких антиисторизмов у Н.Я.Бичурина немало. Так, в том же "Повествовании о сюнну" Сыма Цянь одного из родоначальников - Дань-фу (которого Иакинф по ошибке именует Шань-фу) называет "да ван" (大王). В классовом обществе этот термин (дословно: "великий ван") мог обозначать "великого князя" или "великого царя", но для того времени, когда жил Дань-фу³², нельзя переводить, как это сделал Н.Я.Бичурин, "большой князь Шань-фу".³³ Правильнее было бы перевести "великий старейшина (правитель)".

Безоговорочное восприятие Н.Я.Бичуриным свидетельских показаний китайских источников приводит подчас к неправильному освещению исторических фактов, к искажению (вслед за китайскими древними авторами) истории народов Центральной Азии. Например, ссылаясь на древний письменный памятник - "Шуцзин" ("Книга писем", или в другом переводе - "Книга истории"), Н.Я.Бичурин на основании сведений главы - "Юй-гун" (о легендарном Юе, относящем старой китайской традицией к третьему тысячелетию до н.э.) пишет о том, что тангуты

прибывали в столицу Китая "для поклонения главе империи" и приносили "в дань местные произведения каждой страны".³⁴ По-видимому, из таких показаний китайского источника, абсолютно не заслуживающих доверия, Н.Я.Бичурин делает поспешный вывод: "Тунгусы и тангуты искони находились под зависимостью Китая".³⁵ Между тем известно, что в период легендарного Юя еще не могло существовать китайского государства и в это время еще не могло быть даннических отношений между Китаем и его соседями. Впрочем, сам Н.Я.Бичурин вслед за приведенной фразой вынужден признать: "Но Китай в глубокой древности не имел близких связей с сопредельными народами; и посему история изредка и притом вскользь упоминает о них".³⁶

Столь же необоснованным представляется вывод Н.Я.Бичурина, заимствованный у древних-китайских авторов, о том, что после поездки на запад в 30-20 гг. П в. до н.э. посланника Китая Чжао Цяня китайские войска "... овладели Восточным Туркестаном".³⁷ Как известно, ни во 2-м в. до н.э., ни позднее - до 60 гг. ХУШ в. н.э. Китай не овладевал Восточным Туркестаном. Лишь на небольшую часть этого региона (на востоке современного Синьцзян-уйгурского автономного района КНР) во П в. до н.э. временно распространилось китайское влияние, которое носило, однако, чисто символический характер.

Хорошо известно, что древние и средневековые китайские авторы часто прибегали к фальсификации исторических фактов, особенно в тех случаях, когда речь шла о границах Китая и вассальной зависимости от него других народов. Это нередко обосновывалось древне-китайским учением о сыне Неба как властителя всей Вселенной, согласно которому все народы её являлись вассалами китайского императора, а её территория считалась принадлежавшей только ему. Эта доктрина³⁸ имела широкое хождение в китайских официальных кругах и пронизывала всю историческую литературу Китая. Под её влиянием создавались и те источники, которые переводил Н.Я.Бичурин для "Собрания сведений". В текстах, переведенных им, нередко высказывались великодержавные идеи китаецентризма. К сожалению, Н.Я.Бичурин, целиком пересказывая их, не пытался критиковать или даже просто комментировать их.

Так, в разделе о тугу (тюрках) "Собрания сведений" он приводит без всякой оговорки следующее заявление министра династии Суй-Гао Фаня о тюрках: "Со времен Сюань-юань³⁹ Хунь-юни⁴⁰ много причиняли беспокойств нашим границам. Ныне они до самого северного моря⁴¹ все сделались нашими вассалами (дословно: рабами, чань-це -Л.Д.). Столь счастливых времен искони не было."⁴² Как свидетельствуют источники, это заявление не имело ничего общего с подлинными фактами: династия Суй к этому времени (587-588) не была настолько могущественной, чтобы сделать вассалами тюрков и распространять свое влияние до озера Байкал, куда, кстати сказать, ни одна китайская династия никогда не распространяла влияния. Аналогичные высказывания имеются и в других китайских источниках, использованных Н.Я.Бичуриным.

Следует также отметить, что Н.Я.Бичурин брал на веру высказывания источников о принесении многими племенами и народами дани Китаю. Как известно, так называемая дань фактически представляла собой натуральный обмен товарами, который вели иностранные посольства при отсутствии стабильных соглашений о взаимной торговле. Кроме того, часто дань, о которой сообщают китайские источники, по существу заменяла собой обычные в дипломатической практике средневековья подарки, которыми обменивались правители государств при отправлении посольских миссий. К сожалению, Н.Я.Бичурин не раскрывает характера "дани" в каждом конкретном случае, что в известной степени снижает ценность помещенных в "Собрание сведений" материалов.

Мы считаем, что перевод китайских текстов, вошедших в "Собрание сведений", для своего времени был вполне удовлетворительным и значительно превосходил переводы иностранных авторов. Но не следует канонизировать переводы Н.Я.Бичурина, учитывая, что уровень востоковедения в середине XIX в. был значительно ниже современного.

При жизни Н.Я.Бичурина не было такого развития текстологии, критического анализа источников, развития археографии и историографии, какое наблюдалось позднее в Европе и в Китае в конце XIX в. и особенно в XX в. Русский китаевед не обладал и такими справочными пособиями, какие имеются ныне

в нашем распоряжении; географическими, биографическими, библиографическими справочниками и словарями и хронологическими таблицами. Эти обстоятельства, естественно, затрудняли перевод сложнейших древних и средневековых китайских текстов и часто приводили к неправильному переводу и искажению подлинного смысла этих текстов.

Признавая в целом **достоинства** перевода Н.Я.Бичурина, мы не можем согласиться с переоценкой его, сделанной Н.В.Юнером. Отвергая упреки Н.И.Веселовского в том, что "переводы отца Иакинфа во многих случаях представляют сокращения китайского оригинала, иногда трудные места переданы у него наугад, без соответствующих оговорок, иногда встречаются длинные пропуски, которые затемняют связь событий..."⁴³, Н.В.Юнер заявлял о "...полной неосновательности единичных обвинений в произвольности и неточности переводов Бичурина".⁴⁴

На основе сверки переводов "Собрания сведений" о сюнну, ухуань, сяньби, жуань-жуань, хойху (гаогуй), тугу (тукоэ), уйгурах, киданях и др. нетрудно убедиться в том, что более правильной, чем у Н.В.Юнера, является оценка, данная переводам Н.Я.Бичурина В.С.Таскиным⁴⁵. Последний же отмечает следующие недостатки: 1) отсутствие должного внимания к предварительной текстологической работе (прочтение текста палеографически: разбивка его на абзацы, расстановка знаков препинания), что "привело во многих случаях к неправильному прочтению текста. Конкретно это выразилось в слиянии конца одной фразы с началом другой, превращении прямой речи в косвенную, косвенной в прямую, смешении абзацев, что меняет субъект действия и т.д."⁴⁶ 2) Серьезные ошибки в переводе. 3) Отсутствие комментариев, без которого во многих случаях текст перевода понятен лишь специалисту, историк-китаисту; 4) Многочисленные пропуски отдельных слов, выражений и абзацев; 5) Оставление без перевода номенклатуры китайских чиновников.

Мы не будем давать конкретных примеров неточного перевода, приведенных В.С.Таскиным, а постараемся показать на других примерах правоту вывода, сделанного посл...

В переводе главы "Повествование о сюнну" имеются немало случаев неправильной разбивки текста на абзацы и

расстановки знаков препинания, отсутствующих в древних и средневековых китайских текстах. Так, китайский текст 東胡王愈驕西侵與匈奴間中有棄地莫居千餘里各居其邊為甌脫

Н.Я.Бичурин переводит: "Владелец в Дунху еще более возгордился. В сюннских владениях от Дун-ху на запад есть полоса земли на 1000 ли необитаемая. На ней только по границе с обеих сторон были караульные посты" ("Собрание сведений", т. I, стр. 47). Этот отрывок следует перевести: "Правитель дунху, еще более возгордясь, вторгся на западные [земли]. Между [дунху] и сюнну была брошенная земля, на [которой] на протяжении 1000 с. лишним ли никто не жил. И те и другие жили по границам (краям) ее, создавая оуто."⁴⁷ В переводе следующей фразы также неправильно расставлены знаки препинания, к тому же прямая речь заменена косвенной. Китайский текст:

東胡使使謂冒頓曰：匈奴所與我界甌脫外棄地匈奴非能至也。吾欲有之。

Перевод Н.Я.Бичурина: "Дун-ху отправил посланца сказать Моде, что лежащая за цепью обводных пограничных караулов полоса брошенной земли, принадлежащая хуннам, не удобна для них, а он желает иметь ее" ("Собрание сведений", т. I, стр. 47). Следует перевести: "[правитель] дунху отправил посланца сказать Маодуню: "Брошенную землю за пределами оуто, являющуюся границей между сюнну и нами, сюнну не должны (дословно: не могут) посещать. Я желаю владеть ею".⁴⁸

Не передана прямая речь и в такой фразе: "公卿皆曰：單于新破月氏，乘勝不可擊。 Бичурин перевел: "Государственные чины были того мнения, что с торжествующим неприятелем, недавно победившим кочжи, трудно воевать" ("Собрание сведений", т. I, стр. 55). Этот отрывок, по нашему мнению, следует перевести так: "Все сановники сказали: "шаньюй только что разгромил кочжи, нельзя [сейчас] нападать на одержавшего победу".⁴⁹

Вот еще один пример неправильного перевода Н.Я.Бичурина. Китайский текст: 其三年五月匈奴右賢王入居河南地使漢上郡使寒饑患殺略人民。

Перевод Бичурина: "... но в пятой луне третьего лета, 177, хуннуский западный Чжуки князь перевел свои кочевья в Ордос, и начал разорять границу в области Шангюнь; инородцы убивали и в плен уводили жителей" ("Собрание сведений", там же, стр.54). Это место следует перевести следующим образом: "В пятой луне третьего года его [правления]. (что соответствует 177 г. до н.э. - Л.Д.) суннуский правый сянь-ван вступил и поселился на землях к югу от Хуанхэ, [откуда он стал] нападать и грабить инородцев (варваров мань-и) в округе Шанцзюнь, оборонявших границы, убивать и захватывать [в плен] население (китайское)." ⁵⁰ В этой фразе Н.Я.Бичурин неправильно понял субъекта действия. Ту же ошибку допустил и Н.В.Юнер, также неправильно разделивший китайскую фразу на две части. ⁵¹ Совершенно очевидно, что Сыма Цянь ("Исторические записки", гл.110 - "Повествование о сунну") не мог называть сунну этнонимом "мань-и", который служил у знаменитого китайского историка для обозначения южных и восточных варваров. Более вероятным будет предположить, что в приведенной выше фразе речь идет о нападении сунну на мань-и, охранявших границы, и на китайское население.

Иногда свой перевод Н.Я.Бичурин составлял на основе нескольких источников, комбинируя их данные и не оговаривая этого. Например, начало главы о тугю ("Собрание сведений", отделение VI, т.1, стр.220) переведено на основе "Чжоу шу" и "Суй шу", причем Н.Я.Бичурин не указывает точно - из какого источника взят материал. Так первая фраза взята из "Чжоу шу" (цз.50, л.10868/16), но следующая фраза, где речь идет о том, что у оставшегося после истребления всего рода десятилетнего мальчика были отрублены руки и ноги, взята из другого источника - "Суй шу" (цз.84, л.11709/1а), в "Чжоу шу" же говорится только о ногах. Далее перевод дается опять то по "Чжоу шу", то по "Суй шу", но это не оговаривается Н.Я.Бичуриным. Последний допускает и некоторые неточности. Так фраза, взятая из "Суй шу": 突厥之先平涼雜胡也姓阿史那氏 переведена следующим образом: "... тукюеский Дом составил из смешения разных родов, кочевавших в Пин-лян; он прозывался Ашина" ("Собрание сведений", там же, стр.221). Следовало бы ее перевести так: "Предками 16

тукюэ были различные ху из Пинляна, их род (фамилия) - Ашина". Здесь нет речи о тукюэском Доме: нельзя переводить "цза ху" как "разные роды", тут скорее указание на различный этнический состав, поэтому надо переводить "разные ху", т.е. "разные варвары", некитайские племена. Н.Я.Бичурин допускает неточности и при переводе следующей фразы: 其後曰土門. 部落稍盛, 始至塞上市譜絮. 願通中國 ("Чжоу шу", цз.50, л.10869/3а). Перевод Н.Я.Бичурина: "При потомке Тумынь, аймак сей несколько размножился и пришел к границе покупать хлопчатку и шелковые ткани и таким образом вступил в сообщение с Средним государством" ("Собрание сведений", там же, стр.222). Более точным был бы перевод: "Их потомок назывался Тумынь. [Когда] племя (род, было) постепенно разрослось, начали приходить на китайскую границу покупать шелковые ткани и хлопок (вату). Желали установить (связи) с Средним государством (т.е. Китаем - Л.Д.)" Вряд ли стоит переводить було как аймак; это понятие появилось у кочевых племен значительно позже. Оставленный без перевода иероглиф "вань" (желать) изменил смысл фразы: то, что предполагалось сделать, превратилось в совершившийся факт.

Иногда Н.Я.Бичурин добавлял от себя слова, отсутствующие в тексте, могущие исказить истинный смысл китайского текста. Так, например, при встрече суйского посла Ю Цзя-цзе с тукюэским Шабалио-ханом последнему было предложено называться вассалом (чань ё). Получив разъяснение от своих подчиненных, что это равносильно значению раб (ну 奴), Шабалио-хан якобы сказал: "То, что я имею счастье (этих слов нет в китайском тексте) сделаться рабом сына Неба из дома Суй, сим тебе, министр, я обязан".

В китайском же тексте сказано: "(Твоим господином пушэ) (один из высших государственных чинов в Суйской империи - Л.Д.) Юй усилиями (я) смог стать рабом сына Неба великого (государства) Суй" ("Суй шу", цз.84, л.11712/7а; "Цзы-чжи тун-цзянь", т.12, цз.176, стр.5477).

Иногда в переводах Н.Я.Бичурина неправильно указывается субъект действия. Так, поступки тукюэского Дулань-хана (прекращение присылки дани, набеги на границы империи 2 322

Суй в отместку за поддержку суйскими властями Тули-хана) Н.Я.Бичурин приписывает Тули-хану ("Собрание сведений", там же, стр.241).

Примеров неточного перевода в "Собрании сведений" немало, однако в одном докладе трудно привести даже небольшую часть из них. Хотя эти неточности на первый взгляд незначительны, они все же искажают смысл текста. Например:

降其家 ("Чжоу шу", цз.50, л.10869/3а)
Бичурин переводит: "Покорил весь аймак" ("Собрание сведений", т.1, стр.228). Надо перевести: "Покорил его народ". Далее. Во фразе 爾是我報奴, переведенной Н.Я.Бичуриным словами: "Ты мой плавильщик" (там же, стр.228), оставлен без перевода иероглиф "ну" (раб, невольник), хотя в примечании, где приводится краткая справка из "Цзы-чжи тун-цзянь ган-му" о том, что тукюэсцы добывали железо для хуань-хуаней, учитывается этот иероглиф.

В переводах Н.Я.Бичурина иногда наблюдаются архаизмы. Приведем лишь один пример. Бичурин переводит: "Обнимут тебя с двух сторон" (там же, стр.280). Следует перевести: "Нападут на тебя с двух сторон". Речь идет о том, что суйские войска вместе со своими союзниками должны напасть на армию тукюэского Чуло-хана.

Во многих случаях в переводах Н.Я.Бичурина допускается неправильная транскрипция.

Иногда переводчик путает названия царств. Он переводит: "Юйбинь (Прибинь), сын Юйгев, бежал от жужаньцев к восточному Дому Вэй" (там же, стр.219), а в китайском тексте сказано "... бежал от жужаней в Ци (Вэй шу", цз.103, л.9724/33б).

Н.Я.Бичурин допускал и пропуски в переводе - иногда несколько знаков, а чаще всего десятки иероглифов. Нельзя, в частности, согласиться с Н.В.Кюнером, что в переводе главы о Давани допущены два-три пропуска.⁵² Их там гораздо больше. Пропуски имеются и в других главах. Так, в главе 110 ("Повествование о сюнну") Бичурин не переводит 9 иероглифов в том месте, где говорится о возвращении Му-вана из похода против праньжунов. Вот эта фраза: 於是周遂作甫刑之辟 Она переведена В.С.Таскиным: "Вслед за этим в Чжоу был составлен кодекс "Наказания фу" (Материалы по истории

сюнну, М., 1968, стр.35). В другом месте Бичурин пропустил два иероглифа: 為后 в значении "сдала старшей женой".

Иногда Бичурин оставлял без перевода часть текста, имеющую существенное значение. Так, фраза из письма Сюннуского шаньюя, оправленного императору династии Хань в 176 г. до н.э., состоящая из девяти иероглифов: 諸引弓之民 并為一家 ("Исторические записки", цз.118, л.1036/14а) была не переведена. А она свидетельствует о могуществе сюнну: "Все народы, натягивающие лук (т.е. все иноземцы, кроме китайцев - Л.Д.) объединились в одну семью". В другом месте переводчик пропустил 139 иероглифов из беседы ханьского посла с приближенным шаньюя, китайцем Чжунхан Юэ (Ср.перевод Бичурина, "Собрание сведений", стр.58 и В.С.Таскина, Материалы, стр.45-46). Бичурин пропускает фразу о назначении военачальников для отражения войск сюннуского шаньюя в 166 г. до н.э. ("Исторические записки", цз.110, л.1038/80; см.В.С.Таскин. Материалы, стр.47).

В других главах Бичурин также допускает пропуски: например, из китайского источника "Вэй шу" пропущено подряд пять китайских строк ("Вэй шу", цз.103, л.9724/32а, 9724/33/а; Бичурин, там же, стр. 217, 218). В ряде мест о Доме Тоба ("Собрание сведений", там же, стр.172, 173) также допущены пропуски при переводе. Кое-где сокращен перевод главы о хойху ("Собрание сведений", там же, стр.326, "Синь Тан шу", цз.217а, л.16938/8б). Не переведен конец главы о гаотуй. В главе о тугу во фразе: "супругу свою назвал Хатуй, что значит то же, что Яньчжэн" ("Собрание сведений", там же, стр.228), пропущены слова (перед Яньчжэн) "в древности" ("Чжоу шу", цз.60, л.10869/3б).

В главе о тукюэ пропущен большой указ суйского императора о том, что на земле нет другого императора, кроме императора Суй, как на небе нет двух солнц ("Суй шу", цз.84, л.11712/7б-11713/8а); "Собрание сведений", там же, стр.238). Пропуск составляет 15 китайских строк. Там же пропуски текста, имеющего существенное значение ("Суй шу", там же, л.11713/9б, "Собрание сведений", стр.239).

Таковы основные замечания по переводам Н.Я.Бичурина, на основе которых можно сделать следующие выводы:

1. Не умаляя значения замечательного труда русского востоковеда Н.Я.Бичурина - "Собрания сведений", положившего начало комплексному изучению истории и географии сопредельных с Китаем народов, следует иметь в виду, что во многих отношениях этот труд в настоящее время нуждается в критической переоценке.

2. Это вовсе не означает, что следует отказаться от наследства, оставленного нам Н.Я.Бичуриным. Оно имеет огромное значение не только для истории русского востоковедения, но и для дальнейшего изучения тех проблем, которые выдвинул в свое время наш знаменитый соотечественник.

3. Переводы Н.Я.Бичурина могут служить важным подспорьем будущим исследователям Восточной, Центральной и Средней Азии, которые не должны забывать о необходимости сличения их с китайским оригиналом и более полного научного комментирования.

Примечания

1. В.М.Алексеев. Китайская литература, - Сб. "Китай", М.-Л., 1940, стр.288.
2. Иакинф (Н.Я.Бичурин), Статистическое описание китайской империи. В 2-х частях, изд. Пекинской Духовной миссии, Пекин, 1910, предисловие, стр.Ш.
3. Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение. Сочинение монаха Иакинфа. СПб., 1840, предисловие, стр.Ш-IV.
4. Китай в гражданском и нравственном состоянии. Сочинение монаха Иакинфа. В четырех частях. Пекин, 1912, часть I, предисловие, стр.Ш.
5. Китай в гражданском и нравственном состоянии, там же, стр. I.
6. Там же, предисловие, стр. I.
7. Там же, предисловие, стр. I.
8. Первое издание относится к 1851 г., оно состояло из трех частей и было опубликовано в Санкт-Петербурге; второе издание - в 1950 г.
9. "Собрание сведений" о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена (в дальнейшем "Собрание сведений") т. I, Москва-Ленинград, 1950, стр.8.

10. П.Е.Скачков. Очерки истории русского китаеведения (в дальнейшем - "Очерки..."), Москва, 1977, стр.120.
11. Следует внести поправку в утверждение Н.В.Кюнера о том, что Н.Я.Бичурин обращался "...к помощи хорошо известного труда Сыма Гуана Цзы-чжи тун-цзянь" ("Собрание сведений", т. I, стр. ХУП). Н.Я.Бичурин использовал труд Чжу Си - "Цзы-чжи тун-цзянь ган-му". И хотя последний представлял собой переработку произведения Сыма Гуана, о чем говорит и Н.В.Кюнер (там же), все же это два разных труда.
12. П.Е.Скачков, Очерки, стр. 94, 312, 410.
13. Под "Историей" Бичурин имел в виду "Цзы-чжи тун-цзянь ган-му".
14. П.Е.Скачков, Очерки, стр.94, 312.
15. "Собрание сведений", т. I, стр. I7-21, 28-30.
16. Н.Я.Бичурин использовал: Цянь Хань шу ("История первой или старшей династии Хань"); Хоу Хань шу ("История поздней или младшей династии Хань"); Цзинь шу ("История династии Цзинь (западной)"); Вэй шу ("История династии Вэй (Северной или Хань Вэй); Бэй ши ("История северных династий"); Суй шу ("История династии Суй"); Тан шу (в основном "Синь Тан шу" - "Новая история династии Тан"). Н.Я.Бичурин упоминает также о Цзю Тан шу ("Старая история дин. Тан").
17. Abel Remusat, Recherches sur le langues tartares. Paris, 1820.
18. Klaproth H.J., Tableaux historiques de l'Asie. Paris, 1825.
19. Русский биографический словарь, т. И-К, СПб, 1897, стр.154. - А.Н.Бернштам, Н.Я.Бичурин (Иакинф) и его труд "Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена" - "Собрание сведений", там же, стр. XLVI-XLVII.
20. Там же, стр. XXVIII - Суть замечаний Броссе: необходимость точного, а не вольного перевода текстов, всех титулов и терминов, точные ссылки на тома и страницы источника, обозначения дат не только по годам христианской эры, но и по китайскому летоисчислению, нежелательность пропусков в переводе, необходимость снабжения работы картами, желательность перевода на латинский язык.
21. Н.В.Кюнер. Работа Н.Я.Бичурина (Иакинфа) над китайскими источниками для "Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена". "Собрание сведений", т. I, стр. LXVII-LXIX.
22. ЭМНП, 1851, ч. 71, отд. VI, стр. 7.
23. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам), М., 1968; вып. II. М., 1973.

24. Л.И.Думан. Общественный строй сяньби и тоба в III-IV вв. н.э. - "Вопросы истории и историографии Китая", М., 1968; его же, "Внешнеполитические связи Китая с сяньби в I-III вв.", - "Китай и соседи. М., 1970; его же, "К характеристике внешней политики Китая (III в. до н.э. - III в. н.э.) - "Пятая научная конференция Общества и государство в Китае". М., 1974; его же, "Отношения Китая с киданями в X-XI вв." - "Седьмая научная конференция "Общество и государство в Китае", М., 1976.
25. Е.И.Кычанов. Очерки истории Тангутского государства, М., 1968.
26. М.В.Воробьев. Чжурчжен и государство Цзинь, М., 1975.
27. Цит. по ст. А.Н.Бернштама. "Собрание сведений", стр. XXXVII.
28. Если принять точку зрения ранних китайских комментаторов, относивших деятельность Шунь-вая к концу эпохи Ся, т.е. примерно к началу XVI в. до н.э. (1600 г.) по новой версии современных китайских ученых, то ко времени объявления Маодуня, сына Тоуманя, шаньюем (209 г. до н.э.) прошло около 1400 лет.
29. В.С.Таскин. Материалы по истории сяньби, М., 1968, стр.39.
30. Н.Я.Бичурин поясняет, что Тан есть государь Яо, а Юй-государь Шунь, прозванные так по названиям уделов, переданных им. Вступление их на престол, по старой китайской традиции, относят: первого к 2357 г. до н.э., второго - к 2255 г. до н.э. ("Собрание сведений", там же, стр.39).
31. "Собрание сведений", стр.39. Более точный перевод см. у В.С. Таскина, там же, стр.34.
32. По старой китайской традиции, в 1327 г. до н.э.
33. "Собрание сведений", там же, стр.41.
34. "Собрание сведений", там же, стр.11.
35. Там же, стр.11.
36. Там же, стр.11.
37. Там же, стр.12.
38. Подробнее о ней см. нашу статью - "Учение о сыне Неба и его роль во внешней политике". - Сб. "Китай, традиции и современность", М., 1976.
39. Сюань-вань-мифический персонаж, "правитель", Хуанди ("Желтый император").
40. Хунь-внь - так китайские источники называют племена, существовавшие во II-I тысячелетиях до н.э., предшественников сяньби. Средневековые китайские авторы считают, что предками тукюэ было одно из ответвлений племени сяньби.
41. Под северным морем (бай хай) китайские источники имеют в виду Байкал.
42. Суй шу ("История династии Суй"), цз.84, л.11713/9. "Собрание сведений", стр.239.
43. Цит. по ст. Н.В.Кюнера "Работа Н.Я.Бичурина (Накинфа) над китайскими источниками...", "Собрание сведений", там же, стр.153.
44. Там же, стр.119.
45. В.С.Таскин дал более полный и более точный перевод материалов о сяньби, чем Н.Я.Бичурин. См. "Материалы по истории сяньби", М., 1968, его же "Материалы по истории сяньби", вып.2, Москва, 1973.
46. "Материалы по истории сяньби", М., 1968, стр.4,5.
47. Мы даем свой перевод, он в основном совпадает с переводом В.С.Таскина или близок к нему (см. материалы..., там же, стр.33). В.С.Таскин на основе свидетельства ряда китайских сочинений отождествляет оуто с понятием орда.
48. Ср. перевод В.С.Таскина, там же, стр.39.
49. Ср. перевод В.С.Таскина, там же, стр.44.
50. Ср. перевод В.С.Таскина, там же, стр.43.
51. Н.В.Кюнер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, М., 1961, стр.311.
52. "Собрание сведений", т.1, стр.153.

П.М.КОЗИН

Институт Дальнего Востока
АН СССР

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О ДРЕВНИХ
КУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТАХ КИТАЯ С ВНУТРЕННИМИ
РАЙОНАМИ ЕВРАЗИЙСКОГО МАТЕРИКА

В своей последней монументальной работе "Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена" Н.Я.Бичурин рассматривает культурные контакты Китая с западными странами (Средней, Центральной и Западной Азией) более чем за тысячелетний период (111 в. до н.э. — 1X в. н.э.) на основе официальных династийных историй, сравнительно точно фиксировавших происходившие события. Более ранний период в два тысячелетия освещается русским востоковедом на материале выборочных сведений, преимущественно по традиционно-легендарным свидетельствам древнекитайских исторических и литературных источников, а также комментариев к ним.

Основанный на непосредственном анализе подлинных письменных свидетельств восточных авторов, подобный метод исследовательской работы был подготовлен всем развитием методики русского востоковедения в первой половине XIX в. и позднее развит в трудах В.В.Григорьева, Х.Дорна, Н.В.Ханникова, В.П.Васильева, В.Р.Розена и других востоковедов. В значительной мере подобная методика предопределялась и непосредственными нуждами экспедиционной работы русских путешественников — исследователей азиатского материка.

Указывая на точность свидетельств китайских историков и их большие возможности в сборе и систематизации фактов по сравнению с их предшественниками и современниками — историками античного мира, а также намереваясь предложить непосредственный материал для систематического сравнения античных и китайских свидетельств, Н.Я.Бичурин на основе выявленных материалов сопоставимых в географическом и в историческом аспектах, создал весьма многообразный фон,

на котором в течение уже более столетия многие исследователи вырисовывают отдельные детали общей исторической картины. Исследованиями последних десятилетий многократно доказано, что попытки обработать исторический материал целиком, в тех же хронологических и этнографических пределах, какие избрал Н.Я.Бичурин, пока не привели к значительной переоценке общей картины исторического развития, данной русским востоковедом, ибо чаще всего эти попытки оказывались односторонними и предвзятыми (2;3). Вместе с тем большие исторические периоды, затронутые непосредственно в трудах Н.Я.Бичурина, были коренным образом пересмотрены как с точки зрения их внутреннего этно-культурного содержания, так и в свете их соотношений с предшествующими и последующими этапами развития. Начиная с работ Ф.Г.Мищенко, заметно изменилось довольно негативное отношение к античным источникам (4).

Благодаря целому ряду блестящих разработок, арабские и персидские источники стали вполне сопоставимы по своему значению с китайскими. Расшифровка тюркской орхон-енисейской письменности, находки согдийских, тохарских, тангутских и прочих текстов в культурных центрах Центральной Азии и их тщательная обработка резко изменили устоявшиеся представления об уровне культурного развития и специфике политической истории центрально-азиатского и средне азиатского регионов. Однако при всем многообразии историографических, исторических, географических, языковых и антропологических данных у современных исследователей Н.Я.Бичурин обладал преимуществами в разработке всех указанных сюжетов, которые были связаны и с приоритетом в постановке проблем, и с разработкой их на относительно единой методологической основе, согласующейся с общими историко-географическими и этнографо-лингвистическими концепциями тогдашней востоковедной науки.

Н.Я.Бичурин располагал династийными хрониками, их интерпретациями в китайской исторической литературе, большим опытом географа-практика, не раз пересекавшего Сибирь и совершившего поездку через Монголию в Китай и обратно. Свое понимание азиатской этнокультурной истории он строил на соображениях автохтонного развития северо-китайского населения и убеждения в наличии на протяжении всего исторического

периода стойких автохтонных образований на юге Китая, а также на его северной и западной перифериях. Он считал, что разнообразие в сведениях античных авторов об этих землях по отношению к Китаю, району, связан с неадекватной оценочностью греческих и римских ученых, наделавших основную часть своих сведений об этих областях от торговцев или торговых путешественников. Он был уверен в своей оценке монголоидности населения север-западной периферии Китая, что было достаточно убедительно обосновано им после расшифровки оронто-сибирской письменности.

Н.А. Бичурин был недоволен оценками европейских ученых в первой половине XIX в. Многие из европейских ученых представляли, которые в Европе не давали никаких сведений об этих землях в древней истории. В некотором роде возмущен он и был уверен в оценке Китая, что, особенно, связан с неадекватной оценкой характера китайской культуры на юге и западе. Протянув Н.А. Бичурин и ставит ее в зависимость от своих исследований, которые соответствовали и свидетельствовали о наличии у них племен и народов в северной и западной периферии Китая, что, особенно, связано с наличием у них достояния поделочных изделий, в том числе и ювелирных. Что же касается его исследований и работ, то они представляются в основном не самостоятельными, а скорее, в основном ошибками Н.А. Бичурина, из его исследований и работ, в нем много гипотезам, которые являются не только трудной для научения историей и археологией, но и формой в китайских источниках, которые в китайских источниках, именовались "ранними источниками" (5).

В раннем периоде своей работы Н.А. Бичурин был уверен в существовании в древней Европе, в частности, в западной Европе, основных этнических различий, которые, по его мнению, являются основой для различия народов, которые, по его мнению, являются основой "варварства", особенно в отношении Китая, и особенно в отношении его населения, особенно в отношении его культуры, особенно в отношении его языка, особенно в отношении его письменности.

делаются попытки ассимилировать или "китаизировать" отдельные группы населения окраин, но вместе с тем совершаются и обратные процессы: появляются паломники, а отчасти и переселенцы с Запада. Цели контактов были реальны и разнообразны, но крайне далеки от той знаменитой историографической фикции, которую в античный период создали историографы на двух противоположных окраинах Старого Света (с одной стороны греки и римляне, а с другой - китайцы): "варвары" сами стремятся приобщиться к цивилизации. Реальные документы не подтверждают этого положения. Пожалуй, особенно наглядно это демонстрирует переписка, обнаруженная в замке на горе Муг (первая четв. V в.), где правителей востока стремятся вовлечь в серьезную антиарабскую коалицию, т.е. использовать их в политических целях (6).^x

Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что трансевразийские культурные контакты получают отражение в исторических документах, начиная со II в. до н.э. Контакты более раннего времени фиксируются археологическими материалами (7). Однако привлечение археологических данных для обоснования исторических либо этнических контактов, наличия торгового обмена, военных конфликтов и пр., подчас ставит перед исследователем целый ряд совершенно особых интерпретационных задач. В процессе развития археологической науки сами эти задачи и формы интерпретации материалов менялись в зависимости от научного качества археологических исследований и общих целей интерпретации археологических фактов (например, получение данных о социальном строе той или иной группы населения, представленной определенной "археологической культурой" (8), или установление этнического или языкового родства между какими-либо группами населения на основании сходства или различия у них комплексов материальной культуры).

Прежде, чем перейти к обзору некоторых археологических данных, необходимо остановиться на ряде существенных методологических положений. Первое из них прямо указывает на то, что исторические свидетельства могут непосредственно смыкаться по времени с археологическими подтверждениями дальних

x) Ср. данные Н.А. Бичурина (1, т. II, стр. 311).

контактов на рубеже новой эры. Таким подтверждением являются профильные изображения колесных экипажей из скалы Монголии (9). Таким же подтверждением могут служить импортные зеркала в Сибири и Средней Азии (10). Однако подобные находки, как вообще находки импортных, сами по себе не могут свидетельствовать ни о длительности контактов, ни об их интенсивности. Впрочем интерпретация изображений повозок, как прямых указаний на длительные контакты, проходившие по совершенно определенным караванным путям, стала теперь возможной, благодаря комплексу находок в Северной Италии. Сплошное обследование в местности Валь Камониа огромного количества наскальных изображений позволило выявить очень значительное количество изображений колесниц, расположенных вдоль удобной дороги, пересекающей этот, трудно проходимый горный район Северной Италии с севера на юг. Характерно, что изображения повозок расположены так, как будто они движутся вдоль дороги (11). Географ Страбон (1У,У1,6-8) отмечает, что в обычае горных племен севера Италии были грабежи на дорогах, проходивших через горные долины. Действительно, среди изображений повозок можно увидеть и сцены сражений. Трудно сказать, к какому времени восходит источник Страбона, но по характеру распространения итальянских предметов из бронзы в Средней Европе можно заключить, что в У1 в. до н.э. такая дорога могла функционировать. Вообще связь наскальных изображений о сухопутными и морскими дорогами подтверждается довольно часто. Так, в Дании изображения древних ладей бронзового века расположены на скалах в таких местностях, где были сравнительно удобные пристани. Указанные факты позволяют утверждать, что традиционно функционировавшие дороги могли оформляться различными знаками задолго до появления дорожного благоустройства и мильевых столбов.

В последние годы все большее внимание исследователей привлекает сравнительная условность разделения народов по уровню умственного и общественного развития на имеющих сложившиеся системы письма и тех, которых по тем или иным причинам их не создали и не заимствовали (12). Государство, как аппарат принуждения, нуждалось в создании письменности (13); оно создавало, заимствовало или модернизировало эту письменность, но проводить разную грань между индивидуумами

и коллективами дописьменной эпохи и эпохи существования письма, очевидно, нельзя. Уже самый факт быстрого и широкого внедрения письменности в коллективы, значительные по объему, противоречит этому постулату. Однако, очень часто в работах, касающихся доисторического прошлого, возникает неуверенность в возможности приравнивать по уровню умственного развития человека дописьменной эпохи к человеку, живущему в век письменности. Сама идея понятна, она подсказана резким различием между умственным развитием грамотных и неграмотных людей в век письменности, но в вышеуказанном приложении она абсолютно неверна, а поэтому факт наличия внешних контактов одного региона с другим, находящимся на значительном от него расстоянии, на заре письменной истории для нас может быть указанием на наличие этих же контактов в доисторическом прошлом и даже в течение длительного времени. Если человек на заре письменной истории сравнительно легко преодолевал географические барьеры между восточными и западными районами Азии, то эти барьеры, судя по всему, не служили для него непреодолимым препятствием и в значительно более раннее время (ср. 14). Делая эту оговорку, хотелось бы заметить, что одна из трех равноправно существующих гипотез о формировании китайского этноса, китайской материальной и духовной культуры и связанная с признанием полной автохтонности Китая в доисторическое время, в некотором роде опирается на вышеприведенное положение, что представляется неправомерным. В современной литературе, как известно, существуют три гипотезы о ходе доисторического развития Китая: 1) заимствований в древнейшие времена между Китаем и Западом не было; развитие в Восточной Азии шло в тесном контакте с Юго-Восточной Азией и практически не соприкасалось с западным миром (15); 2) заимствования и связи были, но они были частичными и на общий ход развития культуры Китая влияния не имели; западные влияния непосредственно воздействовали лишь на группы населения Центральной и Средней Азии, а уже через них какие-то культурные импульсы в ослабленном виде воздействовали на Китай; 3) основные моменты и этапы китайской доистории имеют совершенно четкие и прямые прототипы в общем евразийском развитии (16).

Обращает на себя внимание и тот факт, что даже серия радиоуглеродных дат, полученных Пекинской лабораторией для неолитических памятников, остается убедительной далеко не для всех специалистов, хотя, казалось бы, безоговорочно свидетельствует в пользу сложения яншаоского неолита в центральных провинциях Китая. Оговорки, которые могут и, очевидно, должны быть сделаны в этой связи, по-прежнему касаются:

1) правомерности приложения метода датировки, разработанного в экспериментальной физике, непосредственно к материалам исторической науки, которые до сих пор в основном поддаются прямой хронологизации по астрономическим данным и притом переведенным в систему римского календаря (17);

2) надежности данной серии дат;

3) представительности с точки зрения истории культуры того ряда раскопанных памятников, для которых получены даты;

4) достоверности утверждения о том, что раз в Ганьсу не обнаружено ранних неолитических памятников, то их там и не было, а тем самым снимается будто бы вопрос о движении населения культуры крашеной керамики через Ганьсу в центральные районы Китая;

5) прямой необходимости ранних Ганьсуйских находок, ибо при очаговом способе распространения культур по территории Евразии, начиная от палеолитических памятников вплоть до культур эпохи бронзы и раннего железного века, повсеместно между культурными очагами-зонами родственных групп оказывались пустые пространства, которые заполнялись памятниками порою уже впоследствии, при демографических взрывах в том или ином очаге или его части. Причем, очаговое распространение культур в указанные периоды явление неизбежное, ибо, во-первых, вызвано желанием расселяющегося населения обеспечить себе оптимальные условия жизни на новом месте, но экологически оптимальные зоны не являются непрерывными при формах хозяйства со сравнительно узкой производственной базой, и, во-вторых, обусловлены необходимостью создать определенный барьер - вакуум между своим коллективом и соседними.

Эта тема затронута в "Собрании сведений..." Так, Н.Я. Бичурин перевел (1, т.1, стр.47) без специального комментария текст Сыма Цяня, относящийся к истории

Шаньля Моде (Маодуня) и прямо касающийся этого последнего вопроса: "В хуннских владениях от Дун-ху на запад есть полоса земли на 1000 ли необитаемая. На ней только по границе с обеих сторон были караульные посты. Дун-ху отправил посланца сказать Моде, что лежащая за цепью обводных пограничных караулов полоса брошенной земли, принадлежащая хуннам, не удобна для них..." Бичурину представлялась важной лишь географическая локализация этой местности. В.С.Таскин (17а, стр.39) прочел этот текст несколько иначе: "Между (дунху) и сюнну пролегла брошенная земля...те и другие жили по ее краям, образуя оуто. Дунху отправили гонца сказать Маодуню: "Брошенную землю за пределами оуто, служащей границей между сюнну и нами, сюнну не должны посещать..." Комментарий, предложенный В.С.Таскиным, коснулся целого ряда очень ответственных моментов осмысления данного текста и возможности сопоставления терминов "оуто" и тюркского "ordu" (17а, стр.131-132, ср. "Древнетюркский словарь", Л., 1969, стр.370, где такая расширительная трактовка понятия "ordu" для обозначения территории "племени", "кочевой народности" даже не подразумевается). Но вопрос явно нуждается в дальнейшей разработке, так как он много шире затронутой ныне проблематики, ибо может быть прямо связан с определенным комплексом идеологических представлений древних племен, отмеченных Ю.Цезарем в "Записках о галльской войне" (1У,3) по поводу племени свевов, считавших, что "чем шире пустыни вокруг границ страны, тем больше для нее славы: это признак того, что многие другие народы не в состоянии бороться с ее силой..." (Записки Юлия Цезаря, М., 1962, стр.52).

6) Безоговорочного признания того, что физический метод датирования по радиоуглероду, (который за четверть века подвергся целому ряду коренных пересмотров, поправок и исправлений, порою очень значительных по своим хронологическим последствиям) значительно достовернее чем, скажем, типологический метод, конечно, при условии обоснованного применения этого последнего. Ведь типологический метод применим

к памятникам и материалам тех археологических культур, которые на протяжении длительных исторических периодов были связаны с непрерывным развитием определенного способа производства, с его сложным в условиях доисторической первобытности комплексом взаимных влияний

различных отраслей производства друг на друга, с эволюционным совершенствованием приемов и навыков работы и т.д., то есть со всеми теми обстоятельствами, которые одни только и могут создать, при правильном учете их сочетаний, твердую основу для построения относительной хронологии. В частности, в качестве примера типологической неправомерности можно привести три эволюционных колонки развития орнаментов от реалистических прототипов к геометрическим абстрактным формам орнамента, разработанные китайскими специалистами на материалах памятников Баньпо, Мяодигоу, и Мацзяю. Каждая из колонок начинается с реалистических изображений и кончается сложным абстрактным геометрическим орнаментом, то есть из подобных колонок могут быть сделаны логично и типологически обосновано два вывода: а) раз эволюционные ряды начинаются и кончаются принципиально одинаковыми схемами, проходящими на всех памятниках однотипную эволюцию, то все они должны быть одновременны на шкале относительной хронологии; б) памятники относятся к трем разным культурам, никак типологически друг с другом не соотносящимися.

Но, если под автохтонность развития неолитической культуры подведена сейчас сравнительно эффектная база, то в отношении культуры эпохи бронзы и ранних периодов железного века этого сказать нельзя. Так, с 1897 г., благодаря блестящему исследованию П. Райнке (18) материалы раннежелезного века Китая стали обоснованно сопоставляться с целым рядом специфических черт "скифских" культур, общих для памятников, распространенных от областей южной Германии, Австрии и Венгрии до долины Хуанхэ. Здесь сопоставления, сделанные на ряде украшений, наборов конской сбруи, предметов вооружения, оказываются настолько отчетливыми, что это позволяет безоговорочно передвинуть один из ответственных периодов формирования контактов между Китаем и Западным миром в У11-У вв. до н.э. Контакты в это время тем более представляются правомерными, если учесть, что после открытия в Центральной Туве одного из древнейших и самобытнейших памятников раннескифской культуры - кургана Архан, территория раннего скифо-сакского мира еще более приблизилась к границам древнего Китая (19). Так как для периодизации контактов это решающей роли не имеет, можно ограничиться лишь соображением, что целый ряд

находок указывает на существование косвенных контактов в период, предшествующий ханьским походам на Давань между У и П вв. до н.э. Но все вышесказанное подтверждает наличие трансевразийских контактов за почти половину тысячелетия до того, как они были зафиксированы Сыма Цянем. Период бронзового века давно уже, благодаря большой серии форм бронзового оружия и инструментов, стал обсуждаться как время возможных трансевразийских контактов (20). Здесь, правда, существует много затруднений в отношении датировок взаимосвязанных явлений. Так, поздние даты сейминскотурбинских бронз, предложенные Н.Л. Членовой (1972 г.) решают, казалось бы, проблему в пользу хронологического приоритета Китая. Однако, не говоря уже о сомнительной аргументации всего комплекса поздних дат, которые группируются вокруг даты, объявленной еще П. Райнке для знаменитого Бородинского клада (21) - У111 в. до н.э. - есть целый ряд типологических, исторических и военно-технических соображений, которые не позволяют признать Китай местом изобретения и первичного применения таких предметов вооружения, как фехтовальное втульчатое копьё, боевой топор-кельт и др. Искусству металлообработки в его самостоятельно сложившихся или целиком заимствованных из единого центра вариантах свойственна бывает внутренняя целесообразность и компактность производственных приемов, особенно в тех случаях, когда мы имеем дело с производством массовой продукции, такой, к примеру, как предметы вооружения. Масовость, стандартность и качество предметов вооружения во многом зависят от структуры воинских подразделений и характера боевых действий. Лук, стрелы, метательные копья-дротики оказываются основным боевым снаряжением воина-колесничего. Широко распространены боевые секиры разных форм, в том числе и ножевидная, лезвие которой закрепляется в расщепе рукояти. Иньская техника бронзового литья, исследованная Н. Барнардом, правда, на сравнительно небольшом числе образцов, подразумевает в основном работу по глиняной модели, с которой оттискивается глиняная же форма, и в нее отливается самое изделие (22). Это довольно громоздкая техника, которая была обусловлена целым рядом специфических задач, а именно отливками ритуальной утвари и утвари, представляющей собой знаки ивешитури. Собственно боевое снаряжение в его

простейших вариантах можно отливаться и более простыми методами, Песни о битве в пустыне Муэ в "Шичане" указывают на какие-то различия в вооружении между иньскими и жуэускими войсками, но все же до археологических материалов прослеживается преобладание в основных памятниках плоских мечей, наличие двухлопастных стрел с длинным фигурным черашком-стрелцем. Втульчатыми оказываются металлические дротики и изредка крупные копья. Сама неоднородность техники металлообработки в Китае может свидетельствовать о ее длительном и постепенном взаимодействии из различных источников. Предметы вооружения, выполненные в технике втульчатого литья, оказываются в Китае представленными незначительным числом находок, тогда как в Сибири, Казахстане, Средней Азии именно они составляют основную массу оружия. Причем, теперь уже с достаточной убедительностью можно говорить, что именно эти предметы вооружения отливались в каменисто-летучих формах. Копья и боевые топоры позволяют утверждать, что воинский строй, в котором они применялись, представлял собой фалангу. Однако ничто не указывает на применение в иньском войске такого пешего строя, как фаланга, то-есть отряда, построеного в несколько шеренг (обычно их три-четыре), стоящих непосредственно одна за другой, иначе говоря, такого строя, который был типичен для воинских подразделений древних городов-государств Месопотамии и в классических формах был представлен в тяжело вооруженных войсках греческих полисов. Могилы греческих городов, особенно относящиеся к "геометрическому периоду", изобилующие вооружением, отличаются еще и довольно правильным расположением, четкой рядностью в пределах кладбища. Рядность могил, наличие однородных предметов вооружения: длинных втульчатых копий с длиннолезвийными наконечниками и коротких широких наконечников с особенно широкой втулкой, предназначенных для особо длинного, а поэтому и особенно толстого древка, топоров-кальтов с глетелевидной ступенью, а также наборов кремневых стрел - это характерная особенность немногочисленных пока селманско-туронских кладбищ эпохи бронзы, обнаруженных под городом Омском, в окрестностях Перми и других пунктах. В этих кладбищах мы определенно знаем дело с захоронениями наших воинов-копейщиков, стоявших в разных шеренгах фаланги: воины с фехтовальными копьями - это

передние шеренги, те, что с колющими длинными копьями, типа сарисс - задние шеренги. Определенно в переднем ряду фаланги стояли воины, у которых копья имели на втулке сбоку изогнутый углом ножевидный крючок, с лезвием, обращенным в сторону воина. Это не копье-багор, какие были у скандинавов-викингов, а копье, предназначенное для того, чтобы перерезать какие-то относительно тонкие и мягкие ремни, может быть, в частности, и ремни доспехов противника. Но, пожалуй, окончательное их назначение стало понятно после двух важных находок. Одна из них - находка в Синташтинском могильнике андроновской культуры в Зауралье (23), где были обнаружены остатки боевых колесниц. Характерно, что ямы, предназначавшиеся для помещения колесниц, напоминают специально изучавшиеся С. Кучерой иньские чмакэны (24) и в частности по наличию специальных канавок на дне для установки колес. Впрочем, такие канавки не менее типичны для колесничных могил латенской эпохи из Центральной Франции и Йоркшира. Другая находка - это нож с уникальным фигурным навершием. По общим очертаниям он напоминает типичные иньские и раннежуэуские ножи, в том числе и луань дао (25). На его навершии представлена сложная скульптурная композиция, как это порою встречается на ближневосточных и среднеазиатских ножах середины 11 тысячелетия до н.э. Центральной фигурой является массивное изображение лошади очень неправильных пропорций. От лошади тянутся построжки, за которые держится человек в полушарном шлеме, катящийся вслед за лошадью на лыжах (26). В свое время, рассматривая вопрос о назначении "моделей бычьих ярм", находимых в иньских комплексах с колесницами и в карасукских захоронениях на юге Красноярского края, я объяснял назначение таких крупных "моделей" как вальков для закрепления постромок в конской упряжи. Неясными для меня оставались случаи закрепления таких "моделей ярма" на поясе захороненного, как это в частности было обнаружено в могиле 164 сектора С Аньяна, где погребенный был захоронен с лошадью и собакой. Теперь, после находки в Ростовкинском могильнике под г. Омском вышеописанного ножа, реконструкцию можно продолжить: "ярмо"-валец крепилось на поясе воина, а за него в свою очередь привязывались построжки. Таким образом, катящийся за конем на лыжах воин не должен был все время держать построжки руками, а лишь управлял с их помощью лошадью на

поворотах или при других сложных обстоятельствах. Можно с уверенностью сказать, что появление захоронения воина с конем и вальком для постромок на поясе — прямое свидетельство о отдаленных центрально-азиатских контактах населения иньского царства. Копья же с криком у воинов первого ряда фаланги вероятнее всего служили для рассекания постромок у лошадей противника. Впрочем, сравнительно большие наборы кремневых стрел в могилах фалангитов указывают на то, что им приходилось сражаться и с другими врагами, в частности, с лесными племенами, широко использовавшими в нападениях на противника лук и стрелы. Защитой от них могло быть лишь аналогичное дальнобойное оружие. Представляется, что китайская пехота иньского времени могла применять для перерезывания постромок упряжных коней колесниц свои секиры, алебарды с ножевидными лезвиями. Характерно, что предметы вооружения подобных форм не распространяются на запад.

Одним из особенно ярких свидетельств непосредственных связей Китая с Западом являются иньские и чжоуские колесницы (27). Конечно, вопрос о датировке наскальных изображений колесниц еще требует длительной разработки, как впрочем и вся проблема датировки наскального искусства. Не делая специального упора на то, что остатки колесниц, обнаруженные в южном Зауралье, столь же древние, как и иньские, отметим, что они снабжены дисковыми псалиями, которые не распространились далеко на восток. Попытки усомниться в применении таких дисков, встречающихся в микенских памятниках, в качестве псалиев, не убедительны (28). Впрочем, авторы дали очень хорошие воспроизведения микенских образцов.

Рост количества наскальных изображений колесниц и повозок в районах Тувы, на юге МНР, в Казахстане и Средней Азии (причем, в таких контекстах наскальных рисунков, которые значительно древнее скифской эпохи), очень значителен. При этом среди самих наскальных изображений колесниц и повозок намечаются различные группы, связанные с той или иной степенью схематизации изображений, а также с определенными их канонами (см. таблицу в приложении). Сейчас можно уже сказать, что гигантский комплекс петроглифов Саймалы-Таш связан с караванной дорогой, пересекающей Памир, что комплекс петроглифов на южном Алтае, протянувшийся вдоль

сравнительно легко проходимых узких долин, также отмечают караванный путь. С караванными дорогами связаны группы петроглифов юга МНР. Причем, эти особо большие группы петроглифов представляются и сравнительно близкими по датировке. В то же время среди высокогорных изображений преобладают рисунки, очень сильно искажающие возможный реальный вид колесниц. Так, появляются рисунки с изображением вместо одного дышла нескольких, что свидетельствует о схематизации изображений в двух планах: дополнительные "дышла" первоначально изображали возжи, а также и дугу, лежащую на дышле серединой, а концами на ярме. Эта дуга, или развилка, зафиксированная среди монгольских изображений и представленная в повозке из Пятого Пазырыкского кургана (хотя там она в результате неправильной реконструкции попала в задний конец дышла), предназначалась для того, чтобы ярмо было строго перпендикулярно дышлу. Это — необходимое условие для нормальной езды, ибо смещение ярма вбок может вызвать перелом дышла, а также придушить лошадь при соприкосновении ярма-рогатки с дышлом. По мере увеличения числа "дышел" на изображениях может возрастать непропорционально расстояние между колесами по оси, а также уменьшаться размер кузова. В пределах единой изобразительной традиции такие явления можно воспринимать как датирующие признаки, а то, что традиция была единой, подтверждается:

а) расположением лошадей спинами к дышлу (помимо этого бывают еще два типа размещения: ногами к дышлу, или расположение обеих лошадей по обе стороны от дышла ногами вниз. Это варианты и хронологические, и территориальные. Иногда также совпадают позы лошадей по отношению к повозкам в захоронениях с позами лошадей по отношению к дышлу на наскальных рисунках); б) наличием на ряде изображений над кузовом или вместо кузова фигуры человека, выполненной в виде вертикальной прямой черты и пересекающей ее дуги, лежащейся внешними концами на ось повозки. Это однотипное изображение человеческой фигуры могло возникнуть только в рамках единой традиции изобразительного творчества. Кстати, размещение лошадей спинами к дышлу встречается в захоронениях Иньского городища. Большое разнообразие типов изображений колесниц в Азиатских степях, развитие графики этих изображений в направлении все большей их схематизации указывает на длительный срок, в

течение которого этот сюжет, а следовательно и его реальные прототипы, существовал в Центральной и Средней Азии в доскифскую эпоху. Каждая новая находка изображений повозок в этих регионах неизбежно ослабляет скепсис сторонников мнения об автохтонном возникновении иньских и чжоуских колесниц.

В целом можно сказать, что евразийские контакты китайского населения, отмечаемые ранними историческими свидетельствами, приводившимися уже Н.Я.Бичуриным и восходящими ко II в. до н.э., могут быть с полным правом доведены до эпохи существования иньской столицы в Аньяне.

Однако в иньскую эпоху контакты были вполне сложившимися, и возможно их следует относить еще дальше вглубь веков, а легендарная связь дома Чжоу с доисторическими правителями Китая, на которую обратил внимание Н.Я.Бичурин (1, т.1,39; 17а, 34, 118,119), может быть, является необоснованным преданием, оправдывавшим в глазах автохтонного населения власть западных скотоводов, прикочевывавших на Центральную равнину Китая через горы, озера, пустыни. Ни в "Шцзине", ни в завязавших от него в этой части "Исторических Записках" Сыма Цяня нет ясной и правдоподобной картины прародины Чжоу. Откочевка правителя к горе Ци, также выгладит натянутой и искусственной. В отношении этой части протоистории Китая должна сказать свое слово доисторическая археология. Однако опыт китайской археологии пока невелик, методика и методология еще слабы. Теоретические проблемы, такие, например, как понятие "археологическая культура", разработаны пока еще недостаточно, а это ведет к значительным затруднениям в выявлении этнических групп среди доисторического населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Н.Я.Бичурин (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., 1950, т.1-111.
2. А.Н.Бернштам, Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок У1-У111 вв. (восточно-тюркский каганат и кыргызы). Л., 1946.
3. Л.Н.Гумилев, Хунны в Китае. М., 1974.
4. И.В.Пьянков. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия. Душанбе, 1975.

5. Н.В.Кюнер, Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
6. "Соغدийские документы с горы Муг", вып.11, М., 1962, стр. 77-91.
О.Н.Смирнова, Очерки из истории Согда. М., 1970, стр.228-239.
7. С.В.Киселев, Древняя история Южной Сибири. М.-Л., 1951; С.М.Руденко. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л., 1960.
8. А.Я.Брюсов, Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.
9. Д.Дорж, Э.А.Новгородова, Петроглифы Монголии. ч.1. Улан-Батор, 1975.
10. Е.М.Лубо-Лесниченко, Привозные зеркала Минусинской котловины. М., 1975.
11. M.van Berg-Osterrieth. Les Chars prehistoriques du Val Camonica. Capo di Ponte. 1972.
12. А.М.Карапетьянц, Китайское письмо до унификации 213 г. до н.э. - Сб. "Ранняя этническая история народов Восточной Азии". М., 1977, стр.222-257.
13. Ф.Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства К.Маркс, Ф.Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т.21.
14. В.П.Алексеев, Восточный первичный очаг расообразования и расогенетические процессы в Восточной Азии. - Сб. "Ранняя этническая история народов Восточной Азии". М., 1977, стр.62-73.
15. Т.И.Кашина, Керамика культуры Яншао. Новосибирск, 1977.
16. Л.С.Васильев, Проблемы генезиса китайской цивилизации. М., 1976.
17. Э.Бикерман, Хронология древнего мира. М., 1975.
- 17а. Материалы по истории скину (по китайским источникам), Предисловие, перевод и примечания В.С.Таскина. М., 1968.
18. P. Reinecke. Über einige Beziehungen der Alterthümer China's zu denen des skytisch-sibirischen Völkerkreises. - "Zeitschrift für Ethnologie. Jg. 29. Berlin, 1897.
19. М.П.Грязнов, И.Х.Маннай-оол. Окончание раскопок кургана Аржан. - Сб. "Археологические открытия 1974,.", М., 1975, стр.196-198.
20. С.В.Киселев. Неолит и бронзовый век Китая. - "Советская археология", 1960, № 4; Н.Л.Членова. Хронология памятников карасукской культуры. М., 1972; Ее же. Карасукские князья. М., 1976.

21. О.А.Кривцова-Гракова. Бородинский клад. М., 1949.
22. N. Barnard. Bronze Casting and Bronze Alloys in Ancient China. Tokyo, 1961.
23. В.Ф.Генинг, Л.И.Алихмина. Могильник эпохи бронзы на р.Синташте. - "Археологические открытия 1974 г." М., 1975, стр.144-147
24. С.Кучера, Китайская археология. 1965-1974 гг.: палеолит эпоха инь. М., 1977, стр.132-140, 182-185.
25. П.М.Кожин, К проблеме происхождения иньских колесниц. - Сборник Музея Антропологии и этнографии, т.ХХУ. Л., 1969, стр.29-40.
26. В.И.Матющенко, Г.В.Ложникова. Раскопки могильника у д.Ростовка близ Омска в 1966-1969 гг. - Сб. "Из истории Сибири" вып.2, Томск, 1969,
27. П.М.Кожин, Об иньских колесницах. - Сб.Ранняя этническая история народов Восточной Азии". М., 1977, стр.278-287.
28. M.A.Littauer, J.Crouwel. Evidence for Horse Bits from Shaft Grave IV at Mycenae? - "Prähistorische Zeitschrift, Bd. 48, Heft 2. Berlin, 1973.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Схемы некоторых разновидностей написаний иероглифа "колесница" на бронзовых сосудах и отдельные образцы наскальных изображений колесниц бронзового века.

1. Иероглиф "колесница".
 - 1-5. Юй Син-у. Шан-Чжоу цзинь-вэнь лун (неопубликованные надписи на бронзе эпохи Шан и Чжоу) Пекин, 1957, № 126; 209(1); 505(2); 198; 210.
 - 6-9. Ло Чжэнь-йи. Сань-дай цзицзинь вэньцунь (Собрание надписей на металле трех династий). Пекин, 1937, вып.Х111, л.7; вып.Х111, л.23 об., л.24 об.вып.У1, л.29
11. Схемы наскальных изображений колесниц (Типологическое развитие схем показано снизу вверх).
 1. Аймаханчохо (№58) Юго-Западное Прибалхашье, горы джамбул)
 2. "Текке-таш", Каратегин ("Изв.АН Тадж.ССР,1961, стр.85).
 3. Дьеландаш (Южный Алтай) ("За науку в Сибири", 23 августа 1972 г., № 33).
 - 4,7,9-11. Койбагар 111 и Койбагар 1 (Южный Казахстан)

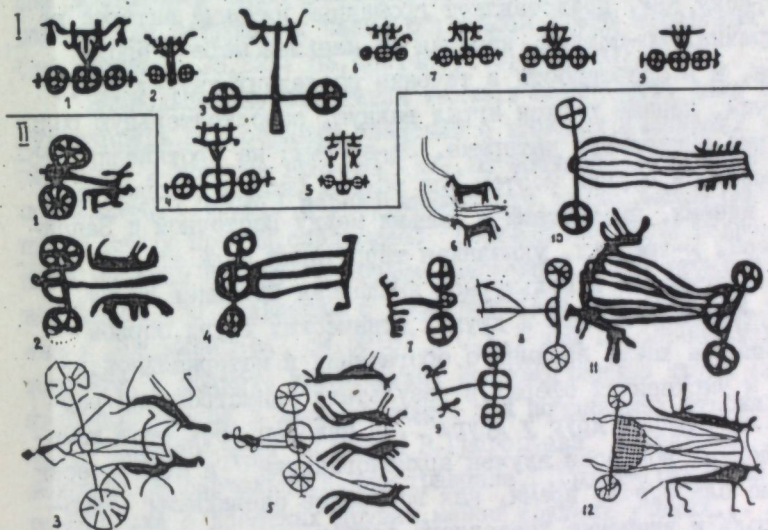
(М.К.Калдырбаев, А.Н.Марьяшев. Каратауские колесницы.- Археологические исследования в Казахстане, Алма-Ата, 1973, рис.9; 8,1; 5,2; 5,1; 8,2.

5. Яманы ус.(МНР, Кобдосский аймак) (В.В.Волков, Ю.С.Гришин.Раскопки и разведки в Монголии - "Археологические открытия 1969 г.", М., 1970, стр.445).

6. Саймалы-Таш (Г.А.Помаскина. Когда боги были на земле, Фрунзе, 1976, стр.28).

8. Цагаж-гол (МНР) (Д.Дорж, Э.А.Новгородова. Петроглифы Монголии, вып., 1. Улан-Батор, 1975, стр.134).

12. Акджилга (В.А.Буков, В.А.Ранов. Петроглифы на реке Северная Акджилга (Восточный Памир). - "Археологические открытия 1971 г.", М., 1972, стр.541).

Отдавая дань уважения основоположнику русского китайведения и отмечая научную значимость его трудов, в то же время следует отметить, что они не свободны от ошибок и недостатков, за которые его критиковали такие крупные ученые прошлого века как Г. Д. Клапрот и Я. Шмидт (см. например, 83; 90, 4, 8, 14; 91, 82-84)⁸⁾, а также некоторые современные исследователи (см. например, 46, XXXVIII-XLI; 63, 278; 67, вып. I, 3-5). Поэтому переводами великого сиолога можно пользоваться, лишь слитая их с оригиналом.

За полтора столетия, отделяющие нас от времени написания произведений Н. Я. Бичурина, в области изучения Центральной Азии, и в том числе Синьцзяна, были достигнуты серьезные успехи. Тем не менее еще потребуются громадные усилия многих исследователей, прежде чем история этой части азиатского континента предстанет перед нами в полном свете. Путь к этой цели лежит, по-видимому, через разработку отдельных (в хронологическом, географическом или тематическом планах) проблем, что должно дать материал для будущих обобщений. Попытка такой разработки некоторых вопросов истории Турфана в ханьское время и предпринята в данном сообщении.

х х х

Турфанская котловина длиной около 200 и шириной около 70 км расположена в центральной части Синьцзяна, в Восточном Тянь-Шане (см. 85, 677)⁹⁾. Она в основном пустынная, однако на ее северной окраине имеется ряд оазисов, пригодных для сельского хозяйства и в связи с этим заселенных с незапамятных времен. Одним из них является сам Турфан, важнейший район котловины, ее политический, экономический и культурный центр, подлинная кладовая памятников материальной культуры разных эпох и народов. Достаточно указать, что только в двух китайских археологических журналах "Вэнь у" и "Каогу" за 1972-1975 годы появилось свыше 20 публикаций о находках на территории Турфана и проблемах с ними связанных (см., напр., 2; 8; 15; 19; 31; 32)¹⁰⁾. Данными обстоятельствами объясняется значительный интерес, который представляет история этого небольшого, но важного пункта на пути, связывавшем Восток и Запад Азии.

внешней политики и внешних связей Китая, почерпнуты из книги Н. Я. Бичурина "Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена" (82, 30).

Согласно "Мин ши" название "Тулуфань" (Турфан) появилось только в период правления династии Мин (1368-1644) (см. I7, т. 3, цз. 329, 3183I (3639) (20a)¹¹⁾. В ханьское же время (III в. до н.э. - III в. н.э.) этот край именовался сначала Гуши, а затем, после разделения его при Сюань-ди (73-49 гг. до н.э.) на Цзйиши цян-ван (Переднее владение Цзйиши), Цзйиши хоу-ван (Заднее владение Цзйиши)¹²⁾ и так называемые "шань бэй лю го" ("шесть стран к северу от гор") - Восточную Цзйиши, Западную Цзйиши, Переднюю Билу, Заднюю Билу, Милиши и Цзе; Турфанский оазис получил наименование Цзйиши цян-ван (см. 2I, цз. 123, 453; I, цз. 6I, 1024, цз. 96a, 1218, цз. 96b, 1226-1228).

О Переднем владении Цзйиши в "Хань шу" имеется запись, которую Бичурин перевел следующим образом: "Чешы передний. Правление Переднего чешынского владетеля в городе Чжоха-хота. Речка, разделившись на два потока, обтекает город; от чего и название города"¹³⁾. От Чан-ань в 8150 ли. Народонаселение состоит из 700 семейств, 6050 душ, строевого войска 1865 человек. Фу-го-хоу, Ань-го-хоу, Цзо-гян-гян, Ю-гян, Ду-ий, Чешы-гян, Тхун-шань-гян - по одному, переводчиков два. На юго-запад до местопребывания наместника 1807, до Харашара 835 ли" (47, т. II, 206-207; ср. 69, 70-71).

Сопоставление данного отрывка с оригиналом показывает как сильные (достаточно высокая точность), так и слабые стороны перевода Н. Я. Бичурина. Последние имеют субъективный характер (пропуски, неоправданные монголизмы) и объективный, обусловленный тогдашним уровнем развития науки (устаревшая транскрипция, отсутствие развернутых комментариев и объяснений собственной интерпретации текста). Для наглядности приведем возможный вариант современного перевода данного отрывка: "Переднее владение Цзйиши. (Его) управление (находится) в городе Цзяхэ. Воды реки, разделившись на потоки, омывают город, поэтому (он) назван "Цзяхэ" ("Стрелка реки"). (Цзйиши) отдалено от Чаньани¹⁴⁾ на 8150 ли¹⁵⁾. (В нем) 700 дворов, 6050 душ, 1865 отборных солдат, по одному фу-го-хоу, ань-го-хоу, цзо-цзян, в-цзян дувэй, гуйхань дувэй, цзйиши-цзюнь, туншань-цзюнь, сяпшань-цзюнь¹⁶⁾ и два переводчика¹⁷⁾. В юго-западном (направлении) до ставки духу¹⁸⁾ 1807, а до (владения) Яньци 835 ли"¹⁹⁾ (I, цз. 96b, 1226).

Как видно, среди отличий, присущих обеим версиям перевода, наиболее заметным является разница в передаче названий страны, о которой идет речь. Этой проблеме необходимо уделить некоторое внимание.

Дело в том, что в наименовании данного владения в китайской записи 車師 первый иероглиф имеет два чтения ча и цзэй (см. 60, № 2646), причем ча в настоящее время является более распространенным²⁰. Не удивительно поэтому, что Н.Я. Бичурин (см. 47, т. I, 75, 83 и др., т. II, 206-214, 236-239 и др., т. III, 13, 20; 69, XI, 70-84), а вслед за ним и ряд современных исследователей; А.Н. Бернштам, Л.Н. Гумилев, В.С. Таскин (см. например, 45, I, 7, I, 9, III; 53, II, 117 и др.; 54, 183; 67, вып. II, 20, 56, 136, 144 и др.) транскрибируют его как "Чешы" (Чэши). Представляется, однако, что более правильной в данном случае является транскрипция его как Цзэйши. В подтверждение данного мнения можно указать на то, что оба наименования (Гуши и Цзэйши) являются, по всей вероятности, китайской формой записи лишь одного местного этнонима или топонима (ср. 88, т. I, 355). Они тесно связаны друг с другом в том смысле, что Цзэйши является аллофоной Гуши. Об этом свидетельствуют и тождественность второго компонента названия (ши, см. 60, № 4003) и способ его употребления в "Ши цзи" и "Хань шу" (см. 21, цз. 123, 543; I, цз. 966, 1226). Поэтому правомерно ожидать фонетической близости иероглифов "гу" и "ча-цзэй", которой нет в их современном звучании. И действительно она наблюдается в их древнем чтении, реконструированном Б. Карлгреном, как явствует из нижеследующей таблицы:

Иероглиф	Его номер у Карлгрена	№ порядков	Реконструированная и современная фонетика
𠂔	49 g, h	1	*ko kuo ku (=гу)
𠂕	74 a-d	2	*kio kiwo kü (=цзэй)
		3	*t'ia ts'ia ch'ê (=ча)

Очевидно, что фонетические ряды 1 и 2 очень близки, почти тождественны, тогда как 1 и 3 отличаются друг от друга фундаментальным образом. Данное обстоятельство склоняет чашу весов в пользу транскрипции "Цзэйши", которой, кстати, сказать, отдает предпочтение и мировое Китаеведение (см., напр., 86, 69; 88, т. I, 355, т. III, 194; 89, I, 10-11, 16; 92, 226).

Приведенный материал показывает, что Цзэйши было владением сравнительно небольшим и не обладавшим значительным военным потенциалом. И тем не менее и в "Хань шу", и в "Хоу-Хань шу" ему отведено значительное место, второе по объему, после описания Усуни в первой (см. I, цз. 966, 1223-1224 и 1226-1227; 47, т. II, 190-198 и 206-214) и Со-цзэйши - во второй (см. 24, т. I, 4, цз. 88, 2923-2926 и 2929-2931; 47, т. II, 229-234 и 236-239). Чем же объясняется столь большой интерес к казалося бы одной из заурядных стран Западного края? Ответ нужно искать в сложном военно-политическом положении китайской державы.

Главной внешне-политической проблемой, вставшей перед династией Хань с первого момента ее прихода к власти и практически остававшейся таковой на всем протяжении ее правления (206 г. до н.э. - 220 г. н.э.), были отношения с сюнну и в первую очередь защита империи от их грозных и стремительных набегов. Недаром еще в "Ши цзине" говори-

лось:

Ни семьи и ни дома нет больше... Беда -

Это гуннская вторглась орда.

На колеснях и то я не мог отдохнуть -

Это гуннская вторглась орда. ...

Как же нам, что ни день, не собираться в дозор?

Гуннов с севера крепнет напор!...

Но гунны, вперед не подумав, доверились силе -

Свой строй развернув, они Цзяо и Ху захватили,

И заняли Хао, и вторглись в пределы Шофана,

И вышли на северный берег Цзинхэ без изъяна.

(см. I, 6, т. 7, 806, 809, 871; цит. по 84, 208, 209, 224).

Перипетии этих событий достаточно широко освещены в советской литературе (см., например, 45; 53; 67). Отметим однако, что когда в период правления императора У-ди (140-87 гг. до н.э.) империя Хань, благодаря накопленным в течение предыдущих десятилетий средствам, достигла такого уровня экономического и военного развития, что смогла приступить к наступательным действиям против сюнну, она обратила свое внимание на запад. Сначала китайский двор искал там союзников для совместной войны против кочевников - под ними подразумевались племена вэчки и к ним

в 138 г. до н.э. был направлен Чжан Цянь (см. 2I, цз.123, 543; I, цз.6I, 1023). Затем, когда этот план провалился завоевание и присоединение к Китаю Западного края стало рассматриваться как средство существенного ослабления мощи сюнну, "отсечение у них правой руки" — по выражению "Хань шу" (I, цз. 966, 1227; см. также 24, т.14, цз.88, 2912), Поскольку в свою очередь район Гуши-Цзюйши считался "воротами в Западный край" (24, т.14, цз.88, 2914; ср.88, т.1, 347), его "оборонительным щитом" (24, т.14, цз.88, 2930), то неудивительно, что "(империя) Хань часто боролась с сюнну за Цзюйши и Ю (небольшое владение к востоку от Цзюйши. — С.К.), чтобы господствовать над Западным краем" (там же, 2914). Тот, кто владел Гуши-Цзюйши, контролировал северный путь в Западный край, обретал опорную базу для своих войск, мог запастись там провиантом и водой²¹ и получать подмогу ее армии.

Как же разворачивались события в Гуши-Цзюйши и вокруг этого района в период Хань? В Китае о ее существовании узнали в результате упомянутого выше посольства Чжан Цяня на Запад. В описании путешествия Чжан Цяня отмечается, правда, что сам он посетил только Давань (Давань), Давечжи, Дася и Канцзюй, но от местных жителей получил сведения и о других странах (см.2I, цз.123, 543; I, цз. 6I, 1023), в том числе, по-видимому, и о Гуши. "К востоку (от страны Ютянь), — сообщал он в докладе императору, — (все) реки текут на восток и вливаются в озеро Яньцзе. ... Вблизи этого озера Лоулань и Гуши построили свои города. Озеро Яньцзе находится на расстоянии приблизительно 5000 ли от Чанъань" (2I, цз.123, 543-544; ср.также 47, т.П, 150). Это короткое сообщение вряд ли сыграло какую-нибудь роль в судьбе Гуши. Более существенными были возраставший интерес У-ди к Западному краю и посылка туда все новых китайских посольств. Последние подвергались нападениям и грабежам как со стороны сюнну, так и лоуланьцев и гушицев. Поэтому в 108 г. до н.э. в Западный край под командованием Чжао По-ну был отправлен небольшой китайский отряд, насчитывавший более 700 легких конников. Он взял в плен правителя Лоулани и разбил Гуши (см.2I, цз. 123, 546; I, цз.96а, 1219; 47, т.П, 159, 173). Это событие некоторые ученые

расценивают как завоевание Китаем обеих упомянутых стран, а вместе с последовавшей затем в 102 г. до н.э. победоносной кампанией против Давани (Давани) как подчинение Ханьской династии всего Западного края (см.23а, т.2, 86; 88, т.1, 347-349; 94, 118). Однако проблема первоначального покорения Гуши не решается так просто и требует более детального разбора.

При внимательном ознакомлении с материалами "Ши цзи" и "Хань шу", которые относятся, или должны были бы относиться к истории Гуши, выявляется их известная противоречивость и непоследовательность. Так, в "Ши цзи" о поражении Гуши говорится только один раз — при описании Давани (см.2I, цз.123, 546), а о сопутствовавшем этому событию пленении лоуланьского вана сообщается трижды: вторично в описании Давани (см.2I, цз.123, 546) и в биографии Чжао По-ну (2I, цз.111, 508), причем здесь оно датируется 109 г. до н.э. Добавим попутно, что в "Основных записях о деяниях императора Сю-у (т.е. У-ди. С.К.)", хотя и упоминаются походы против Чаосянги (108 г. до н.э.) и Давани (104 г. до н.э.) (см.2I, цз.12,96; 76, т.2, 279, 282) однако в них, не сообщается ничего о действиях против Гуши и Лоулани.

Аналогичная картина наблюдается и в "Хань шу". О взятии в плен государя Лоулани и нанесении поражения Гуши рассказано только в описании Шаньшани (Лоулани) (см.1, цз.96а, 1219), тогда как в биографии Чжао По-ну говорится лишь о пленении лоуланьского вана (см.там же, цз.55, 993). Что касается "Записей о правлении У-ди", то там нет ни слова ни об одном из этих событий (см.там же, цз.6, 612). Знаменательным представляется тот факт, что поражение 108 (или 109) г. до н.э. никак не отмечено при изложении истории самого владения Цзюйши (см.1, цз.966, 1226-1227; см.также там же, 1227-1228).

Обращает на себя внимание и тот факт, что согласно "Хань шу" Лоулань в результате указанного похода признал свою зависимость от Ханьской империи и послала сына правителя в качестве заложника в Чанъань, а Гуши ограничилась посылкой в Китай своих пьслов, да и то вероятнее всего только в 105 г. до н.э. (см.2I, цз.123, 546). Только в ходе военных действий 89 г. до н.э., когда на стороне китай-

цев выступили войска шести стран Западного края, цзюйшиский государь сдался Хань и признал свою вассальную зависимость от нее (см. I, цз. 96б, I226; ср. цз. 94а, I202). Таким образом лишь 89 г. до н.э., на наш взгляд, может быть принят в качестве даты более или менее действительного подчинения Цзюйши власти ханьского Китая.

Первое подчинение данного региона Китаю оказалось, однако, недолговременным: воспользовавшись смертью У-ди, сюнну отправили туда отряд из 4000 конников, чтобы "стать гарнизоном в Цзюйши" (I, цз. 96б, I226).

В 72 г. до н.э. китайцы восстановили свое владычество над этой страной в итоге большого, хотя и не очень результативного, похода объединенных ханьских и усуньских войск против сюнну. Однако правитель Цзюйши продолжал поддерживать контакты с последними. Поэтому в 68 и 67 гг. до н.э. китайско-сиийская²² армия атаковала Цзюйши, в результате чего этот регион был вновь покорен Китаем.

На основе анализа совокупности данных, разбросанных по "Хань шу", можно заключить, что с этого времени и до правления Ван Мана (9-23 гг. н.э.) данный регион Западного края находился под более или менее прочной властью империи Хань. В Цзюйши появились китайцы — прежде всего военно-поселенцы, а цзюйшисцы, особенно члены правящего дома, стали ездить в Чанъань и даже жили там. Однако наметившееся сближение между Цзюйши и Китаем на почве общих опасений перед вторжением сюнну нарушалось неумелым поведением китайских военачальников и чиновников и окончательно было подорвано жестокой и неразумной политикой Ван Мана. В 16 г. н.э. (или после смерти Ван Мана — по другим данным), связь с Западным краем прекратилась и он, включая Цзюйши, попал под власть сюнну (см. I, цз. 96а, I218-I219, цз. 96б, I223-I228, цз. 99б, I263, цз. 94а-94б, II96-I211; 24, т. I4, цз. 88, 2909; 47, т. II, I69-I76, I90-204, 206-216, т. I, 74-II2; 67, вып. 2, I8-67).

Воцарение же Восточной династии Хань (25-220 гг. н.э.) знаменовало собой переход Китая к менее активной внешней политике, особенно на первых порах. Вероятно, в это время интерес правящей верхушки к Западному краю ослаб и, очевидно, поэтому Бань Гу (32-92), как раз в то время

работавший над своим трудом, писал: "Получение его (Западного края, — С.К.) не было приобретением, отдача его не была потерей" (I, цз. 96б, I228; см. также I, цз. 96б, I225; 47, т. II, 200-201; 67, вып. 2, II7-I21). К этому присоединились внутренние осложнения, связанные с народными восстаниями ("Чимэй", "Люйлинь" и др.) и ликвидацией последствий правления Ван Мана. Поэтому попытки, будто бы предпринимавшиеся в период Цзянь-у (25-55)²³ странами Западного края, восстанавить там китайское господство, не имели успеха (см. I, цз. 96б, I228; 24, т. I4, цз. 88, 2909). Только в 73 г. в результате большой, но не очень успешной кампании против сюнну, связь с Западным краем была восстановлена, а Цзюйши подчинена Хань (см. 24, т. I4, цз. 88, 2929; т. 8, цз. 47, I572; 47, т. II, 237; ср. также 24, т. I4, цз. 89, 2949; 67, вып. II, 78-79).

Китайское господство на этот раз оказалось недолговременным. Уже в 77 г. данный район опять оказался в руках гуннов. Правда, и их владычество не имело стабильного характера. Китайские армии нанесли им поражение в 89 и 90 гг., так что в 91 г. Цзюйши, а к 94 г. весь Западный край, снова были поставлены под контроль ханьской администрации. Обострение внутренней обстановки в империи, бунты в Западном крае, натиск западных племен цянов и другие обстоятельства привели к тому, что в 107 г. Сиий (Западный край) был "оставлен" китайцами и покорен сюнну (см. 24, т. I4, цз. 88, 2910-2911, цз. 87, 2886; 47, т. II, 217).

Если в данный период политические перемены в области связей Цзюйши с Китаем более или менее совпадали с событиями, касающимися всего Западного края, то в последующее время здесь наблюдаются определенные расхождения. Сиий, хотя и в более ограниченных размерах, чем ранее (всего 18 стран; см. 24, т. I4, цз. 88, 2912), покорился ханьской империи в 127 г. Между тем Цзюйши была завоевана, правда лишь на несколько месяцев, в 112 г. Но, во-первых, и после этого там, по-видимому, оставались китайские поселенцы, и, во-вторых, источники сообщают об антиханьском выступлении в 120 г. правителя Заднего владения Цзюйши и убийстве там китайских чиновников. Оно позволяет полагать, что ранее этого года, но после 112 г., там была установлена китайская администрация. Зато данные о подчинении Цзюйши

Китай силой оружия в 124 - 126 гг. носят вполне определенный характер. И это было, очевидно, одной из предпосылок восстановления китайского влияния в Западном крае в следующем году.

История Западного края в целом, и Цзюйши в частности, на протяжении последнего столетия правления Восточной династии Хань освещается в китайских источниках довольно скупо, что, несомненно, свидетельствует об ослаблении ее контактов с Центральной Азией. На это обстоятельство указывает и "Хоу-Хань шу". В ней сообщается, что начиная с правления имп. Линьцзи (132-135), авторитет китайского двора стал падать и стране Западного края, "возгордились", начали вести беспорядочную войну (см. 24, т. 14, цз. 88, 2912). По всей вероятности, вплоть до 153 г. (а скорее всего и некоторые годы после него) зависимость Западного края и прежде всего Цзюйши от ханьской империи, в той или иной мере, продолжала существовать. Она проявилась, в частности, в участии цзюйшицев в успешном походе китайской армии против синчу в 154 г. и в менее удачных для китайской стороны сражениях следующего года. Описание истории Цзюйши (и Западного края) в "Хоу-Хань шу" доведено до 153 г. В тот год правитель этого владения напал на китайское военное поселение Цзиньчуган и перебил многих его жителей. Однако впоследствии он сделал местному китайскому чиновнику, чтобы остаться на престоле (см. 24, т. 14, цз. 88, 2911-2912, 2930-2932, т. 8, цз. 47, 1587-1590; 12, цз. 97, 3041; 47, т. П, 217-221, 237-239; см. также 53, 227-235).

На основе изученного выше материала можно сделать несколько итоговых наблюдений.

По данным китайских хроник, Гуши-Цзюйши в период правления династии Хань находилась в зависимости от Китая в следующие годы: 89 (108?) - 87/86 гг. до н.э., 72 г. до н.э. - 15 (23?) г. н.э., 73-77, 91-107, 112, около 120, 124-153 (?). Это обстоятельство следует иметь в виду при изучении, например, проблемы китайского влияния в этом регионе, колонизации Китая внешнего Турфана и других вопросов.

Совершенно очевидным становится и тот факт, что судьба Гуши-Цзюйши в рассматриваемый период при всем их самостоятельном значении складывалась прежде всего как производная

отношений в треугольнике Хань - сюнну - Сиюй, где главными действующими сторонами были сюнну и Китай.

И наконец, существовала почти прямая зависимость между участием маленького, заброшенного в песках пустыни оазиса и мощью ханьской державы. Сильная, проводившая активную внешнюю политику и военную экспансию китайская империя почти неизбежно подчиняла Гуши-Цзюйши своей власти. Слабый же, раздираемый внутренними противоречиями и терпевший военные поражения от соседних кочевых народов Китай почти столь же неминуемо терял контроль над этой страной и всем Западным краем.

Примечания

1) Другие версии перевода данной эпитафии см. 62, 3; 46, ХУП.

2) О некоторых конкретных проявлениях этих процессов, см., например, 56, 202, 207.

3) О раскопках на территории Синьцзяна см., например, 7; 9-II; 20; 27; 65, 142-145; 75; 92.

Любопытно отметить, что Н.Я. Бичурин, не будучи археологом, поддерживал контакты с Русским Археологическим обществом (см. 52, 338).

4) Как правильно писала Н.В. Дьяконова "в археологическом и культурно-историческом отношении этот край (т.е. Синьцзян - С.К.) представляет совершенно исключительный интерес как по обилию сохранившихся на его территории памятников старины, так и по разнообразию культурных традиций, нашедших отражение в этих памятниках (56, 202).

5) Жизнеописание Н.Я. Бичурина см. 49; 58; 51; 46, У-XXIV. Библиографию его трудов см. 66; 74, 588-591; 58, 49-52; а также 61.

О плодovitости Н.Я. Бичурина один из его биографов - археолог, востоковед и историк Н.И. Веселовский (1848-1918) (о нем см. 37; 80; 38) писал: "С этого времени (1826 г.) начинается его (Н.Я. Бичурина. - С.К.) неутомимая литературная деятельность, изумлявшая не только русский, но даже и иностранный ученый мир. Клапрот (известный немецкий востоковед, 1783-1835. - С.К.) прямо высказал, что отец Иакинф один сделал столько, сколько может сделать только целое ученое общество" (цит. по 46, IX). Оригинала высказывания

Г.Д.Кларота там найти не удалось, хотя оно цитируется многими авторами, писавшими о Бичурине (см., например, 58, 81; 51, 154). Однако не вызывает сомнения факт, что Г.Кларот высоко ценил работы Иакинфа (см., например, 91, 82).

Труды Н.Я.Бичурина, по словам Н.Адорадского; "составили эпоху в науке" (58, 80) и четырежды награждались демидовскими премиями, которые выплачивались с пожертвований Царя Леопольда (1798-1840), владельца чугуноплавильных заводов и почетного члена Имп. Академии наук (см. 55; 51, 154-155; 46, II; 73, 56). Сам же Бичурин считался синологом "которому не было тогда равного в России" (58, 79; см. также 39, 58; 71, 95, 411; 42, 21; 43, 496; 44, 60).

6) Единственным исключением здесь являются заново переведенные В.С.Таскиным древнекитайские тексты, относящиеся к истории гуннов (см. 47, т. I, 39-138 и 67, вып. I, 34-62, вып. II, 19-63, 68-96). Кстати сказать, В.С.Таскин считает, что "этот труд ("Собрание сведений".... - С.К.) уже не удовлетворяет современным повышенным требованиям, не отвечает быстро развивающейся советской науке" (67, вып. I, 31).

В качестве примера использования работ Бичурина современными исследователями укажем второе издание "Татаро-монголы в Азии и Европе", в котором они упоминаются или цитируются не менее чем восемью из двадцати авторов (см. 77, 58, 81, 82, 219, 256, 274, 281, 368, 406, 501, 502).

8) Отношение самого Н.Я.Бичурина к этой критике было двойственным: он признавал ее во многом справедливой, но в то же время не отказывался от спора в тех случаях, когда считал мнение своих оппонентов несостоятельным. Несомненно, нередко, отмечать, что в своей критике Бичурин Н.Я. допустил ошибки в большой степени из ложно понятого чувства собственного достоинства, чем из действительного стремления к научной истине (см. 70). Изложение основных элементов этих ошибок и их оценку можно найти в статье Л.В.Семановской "Бичурин или история Китая" (см. 73, 57-61).

9) По другим данным, котловина с севера на юг имеет длину в 200 км на восток - 200 км (см. 18, 4022). Ее описали см., например, 68, 252-258; 69, 112-114; 82, 224-225.

10) Об одной из этих находок нам уже приходилось, хотя и весьма коротко, писать (см. 64, 627-628; см. также 78, 306-307). Более ранние археологические работы в Турфане освещены, например, в 26; 28; 92, 227-236; см. также 93, XVI-XVII.

Археологический интерес к Турфану имеет длительную историю. Уже на XII Международном съезде ориенталистов, состоявшемся в 1899 г. в Риме, было сочтено необходимым принять меры для изучения памятников старины в Средней и Восточной Азии, так как: "Прочитанные на съезде доклады об археологических открытиях в Турфане (подчеркнуто нами. - С.К.) и Хотане наглядно показали, что в Средней Азии сохранились предметы давно исчезнувшей культуры, когда-то возникшей под влиянием Индии, Китая и Передней Азии". (40, 503; см. также 36, 266, 334).

11) Данное название приводится, например, в сообщении о прибытии к китайскому двору турфанских монахов в 1408 г. (см. I7, т. 3, цз. 329, 31831(3639) (20a). Не исключено, однако, что у местных жителей оно было в обиходе и раньше и лишь в Китае, в состав которого Турфан, собственно говоря, не входил (см. 33, карты 37, 38; 5, карта 30; 89, 44, 46-47), оно появилось в указанный период. К тому же следует иметь в виду, что "Мин ши" была написана только в 1645-1736 гг. (см. 79, 3), а ее авторы вряд ли придавали какое-либо значение установлению точной даты возникновения данного названия.

12) Более полная форма оригинального названия: Цзюйши цань го-ван и Цзюйши хоу го-ван (см. I, цз. 96a, 1218, цз. 96b, 1226). Перевод выражений ван (王) или го-ван (國王) как "владение" несколько условен, но он может быть оправдан тем, что данный термин самый общий и поэтому лучше всего подходит в ситуации, когда фактический титул правителей Цзюйши нам неизвестен. В то же время нет сомнения в том, что указанные выражения являются частью географических названий, а не определением государей, как можно было бы судить, если приведенные названия анализировать изолированно.

13) К этому месту Н.Я.Бичурин дает следующее примечание: "Город построен на стрелке при разведении реки на два тока, окружающие стены его с восточной и западной

стороны; почему китайцы называли его Цзяо-хэ-чен, а монголы превратили это слово в Чжоха-хота" (47, т. II, 207). Использование здесь монгольской передачи-перевода (Цзяохэ = Чжоха; "хот" по-монгольски "город", т.е. то же самое, что и "чен" по-китайски) оригинального китайского названия является примером неоправданного употребления монголизмов, характерного для бичуринских переводов. Отметим, что в другом месте (см. там же, 236) он именуется его "Гяо-хэ-чен" (ср. 25, 78).

14) Чанъань - столица Западно-ханьской империи, а Лоян - столица Восточно-ханьской. Поэтому в "Цянь-Хань-шу" расстояния исчисляются от Чанъани, а в "Хоу-Хань шу" - от Лояна (см. 24, т. I, цз. 88, 2929).

15) На основе измерения соответствующих археологических находок можно установить, что длина одного чи в ханьское время равнялась 23-23,5 см (см. 23, 86). Поскольку в одном ли содержалось 1800 чи, то его длина составляла 414-423 м. Любопытно отметить, что как раз на основе материалов "Хань шу" о расстояниях в Западном крае, европейские ученые Гренар и Геррманн определили длину ханьского ли приблизительно в 400 м, а Адати (Аситатэ) Кироку - в 414 м (см. 34, 50-51). Это показывает значительную точность данных "Хань шу" и позволяет надеяться, что и другие сообщаемые ей цифры, например, о количестве жителей стран Западного края тоже близки действительности.

16) Перечисленные термины (с фуго-хоу по сяньшань-цзюнь) являются, вероятно, военно-административными чиновничьими званиями (некоторые из них, в частности фуго-хоу, упоминаются при описании и других стран Западного края). Их подробный разбор невозможен в рамках данной статьи, следует однако указать, что названия фуго-хоу и аньго-хоу имеют характер титулов, а цзо-цзян, в-цзян и дувэй - воинских званий. Гуйхань дувэй можно бы перевести как "дувэй, перешедший на сторону Хань", из чего следовало бы, что им был цзюйшиец, сдавшийся китайским войскам и затем состоявший у них на службе.

Интересная проблема возникает в связи с последней группой названий. Дело в том, что первое из них, цзюйши-цзюнь (車師君) буквально означает "правитель Цзюйши" и внушает мысль, что речь идет о бывшем главе страны Цзюйши, ныне используемом ханьской администрацией. Сам факт такого использования не вызывает сомнений: всякий раз, когда Гуши-Цзюйши теряла самостоятельность и попадала в зависимость от Китая или от гуннов (последнее случалось довольно часто), ее правитель в большинстве случаев оставался на месте и правил от имени своих протекторов. Но идет ли здесь речь именно о нем? Сами иероглифы как будто бы дают положительный ответ на этот вопрос, однако ряд обстоятельств склоняет к противоположному мнению. Во-первых, даже подчинившись ханьской династии, правитель Цзюйши сохранял, как правило, свою высокую позицию и авторитет, по крайней мере формально, поэтому он должен был бы возглавлять указанный список или, по крайней мере, стоять сразу же после фуго-хоу (либо фуго-хоу и аньго-хоу), а не после дувэй и тем более гуйхань дувэй. Во-вторых, следовало бы ожидать, что при описании других владений, судьбы правителей которых были в основном схожи с судьбой цзюйшийского властителя, тоже должны были бы упоминаться их титулы, но этого не наблюдается. В-третьих, в данном пассаже вместе с цзюйши-цзюнь называются туншань-цзюнь (通善君) и сяньшань-цзюнь (鮮善君), а между тем о существовании в Гуши-Цзюйши, и вообще в Западном крае, владений Туншань и Сяньшань ничего неизвестно. И наконец, присутствие в описании страны Яньци званий: "цзи цзюйши-цзюнь (擊車師君)" - буквально "правитель, атаковавший Цзюйши" и "гуй-и цзюйши-цзюнь (歸善中師君)" - "правитель, подчинивший Цзюйши чувству долга" (см. I, цз. 966, 1225) показывает, что, по-видимому, это были почетные титулы, присвоенные военачальникам, отличившимся при покорении Западного края.

Следует отметить, что в переводе Н.Я.Бичурина два названия: гуйхань дувэй и сяньшань-цзюнь пропущены, а одно: цзо-цзян, ошибочно напечатано как цзо-цзян-цзян.

17) Мы здесь следуем за Бичуриным, хотя и не исключаем, что выражение "и чжан (译长)" следует понимать как "старший над переводчиками", ибо представляется, что труд переводчиков был недостаточен для выполнения задач, возникавших перед китайской администрацией в Цзэйши.

18) Духу (都护) - титул китайского правителя всего Западного края. Его резиденция находилась в Улэй (乌垒) (см. I, цз. 96а, 1218).

19) Если мы отмечаем значительную точность данных "Хань шу" относительно расстояний между разными владениями Западного края. Однако здесь мы имеем дело с иным случаем. Яньци и Улэй находились примерно на одной прямой от Цзэйши, причем расстояние от Цзэйши до Яньци, судя по историческим картам (см. 5, карта 9; 89, 16), в два с лишним раза больше, чем от Яньци до Улэй, следовательно, между Цзэйши и Улэй не могло быть более 1200-1250 лн. И действительно, в другом месте "Хань шу" сообщается, что от Яньци до "ставки духу 400 лн" (I, цз. 36, 1226), и если их прибавить к 235 лн, то получится 1235, но не 1807 лн. Чем объяснить такие расхождения, сказать трудно. Может быть вместо 8 в числе 1807 лн должно быть 2, что дало бы цифру, близкую к 1235, а именно 1207 лн? Исключить такой ошибки переносчика нельзя, тем более, что между оригинальной древней записью двойки (=) и восьмерки (八) (см. 22, т. 6, цз. 13а, 56, т. I, цз. 2а, 16) есть некоторое сходство, так как обе они обозначались двумя черточками.

20) Определить какое чтение являлось исторически преобладающим или первичным вряд ли возможно. Китайские словари "Хан-си цзэн-дэнь", "Ци хэй", "Ци вань" все в качестве первого дают "цзэй" (см. 6, 1167; 29, т. 2, раздел "э", 146; 30, 1436), причем "Ци вань" добавляет, что смысл иероглифа в обоих звучаниях одинаков (30, 1436). Что касается филологических произведений, созданных в интересующую нас эпоху Хань, то "Шо-вэнь" сообщает только фонетику "чэ" (22, т. 6, цз. 14а, 116), а более ранний словарь "Ши мин" - "цзэй" (14, цз. 7, § 24, 54d). Позднейшие труды приводят оба чтения, не отмечая какого-либо превосходства одного над другим (см., например, 4, т. 2, цз. 18, § 282, 6а; 58

13, т. I, § 9, 28а, т. 2, § 9, 216). По-видимому, оба они являются исторически сложившейся орфоэпической нормой и ни одно из них нельзя считать первичным по сравнению с другим, по крайней мере у нас нет таких данных.

21) В "Бэй ши" имеется любопытный пассаж о Гаочане, т.е. Переднем владении Цзэйши, который в переводе Н.Я. Бичурина звучит следующим образом: "В сем владении находится восемь городов, и во всех есть китайцы. Много древянистых степей. Климат теплый, земля плодородна. Просо и пшеница в продолжение года два раза созревают. Климат удобен и для шелководства. В изобилии рождаются разные плоды. Есть трава, называемая ян-цзи. На сей траве рождается мед весьма приятного вкуса. Проводят воду для орошения полей. Есть красная соль превосходного вкуса. Есть еще белая соль, подобна нефриту... Много виноградного вина... Дворцовых лошадей и овец пасут в окрестных местах, и тем спасают скот от набегов" (47, т. II, 249-250; 12, цз. 97, 3041). Даже если в этом изображении и есть какая-то доля авторской фантазии, тем не менее очевидно, что Гуши-Цзэйши представляло лакомый кусок для его соседей.

22) Сиюй - китайское название Западного края.

23) Цзэйши предприняла такую попытку в 45 г. (см. 24, т. I, цз. 88, 2924, 2929).

ЛИТЕРАТУРА

На китайском языке

1. Бань Гу, Цянь-Хань шу (История Ранней династии Хань), сер. "Си ши", Шанхай, 1935.
2. Ван Бин-хуа, Тулуфань синь чуто ды Тан-дай цзэань хуа (Шелковые цветы эпохи Тан, недавно обнаруженные в Турфане), - "Вэнь у", 1975, № 7, стр. 50.
3. Голубо (Голубев), Сиюй каогу цзи цзэйяо (Резюме археологических записок о Западном крае), Пекин-Шанхай, 1957.
4. Гу Е-ван, Юй пэнь (Нефритовое сочинение) - сер. "Си бу цун-кань", т. I-3, Шанхай, (с.г.).

20. "Ци вань чжэн-суй бянь хэ-дин бэнь" ("Объединенное исправленное издание основного и дополнительного текстов словаря "Источник слов"), (б.м.), 1947.

21. "Вэнь у", 1973, № 10, стр.73-80.

22. "Каогу", 1972, № 2, стр.28-31.

23. "Чжунго лидай цзяньгуй чжаньчжан хэту" (Военно-исторический атлас Китая), Учан, 1920.

24. Ян Куань, Чжунго лидай чи ду као (Исследование длины чи в разные эпохи истории Китая), Шанхай, 1955.

На русском языке

25. Бартольд В.В. Исторические и географические труды В.П.Васильева, - В.В.Бартольд, Соч., т.IX, Работы по истории востоковедения, М., 1977, стр.619-628.

26. Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России, - В.В.Бартольд, Соч., т.IX, стр.197-482.

27. Бартольд В.В. Н.И.Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки, - В.В.Бартольд, Соч., т.IX, стр.648-664.

28. Бартольд В.В. Н.Н.Веселовский. Некролог, - В.В.Бартольд, Соч., т.IX, стр.642-647.

29. Бартольд В.В. Обзор деятельности факультета восточных языков, - В.В.Бартольд, Соч., т.IX, стр.21-196.

30. Бартольд В.В. Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях 1903-1909 гг., - В.В.Бартольд, Соч., т.IX, стр.503-509.

31. Бартольд В.В. Томсен и история Средней Азии, - В.В.Бартольд, Соч., т.IX, стр.757-764.

32. Белинский В.Г. Беспристрастное суждение "Московского наблюдателя" о "Сине Отечества", - "Полн.собр.соч.", т.XIII, ред. и прим. В.С.Спиридонова, Л., 1948, стр.17-25.

33. Белинский В.Г. Русская литература в 1840 году, - "Полн.собр.соч.", в двенадцати томах; под ред. и с прим. С.А.Венгеровой, т.V, СПб., 1901, стр.461-502.

34. Белинский В.Г. Русская литература в 1841 году, - "Полн.собр.соч.", в двенадцати томах, т.VII, СПб., 1904, стр.1-63.

35. Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов, Л., 1951.

36. Бернштам А.Н. Н.Я.Бичурин (Иакинф) и его труд "Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена", - Н.Я.Бичурин (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т.I, М.-Л., 1950, стр.У-LV.

29. "Ци хай" ("Море слов"), т.I-2, Шанхай, 1937.

30. "Ци вань чжэн-суй бянь хэ-дин бэнь" ("Объединенное исправленное издание основного и дополнительного текстов словаря "Источник слов"), (б.м.), 1947.

31. "Вэнь у", 1973, № 10, стр.73-80.

32. "Каогу", 1972, № 2, стр.28-31.

33. "Чжунго лидай цзяньгуй чжаньчжан хэту" (Военно-исторический атлас Китая), Учан, 1920.

34. Ян Куань, Чжунго лидай чи ду као (Исследование длины чи в разные эпохи истории Китая), Шанхай, 1955.

На русском языке

35. Бартольд В.В. Исторические и географические труды В.П.Васильева, - В.В.Бартольд, Соч., т.IX, Работы по истории востоковедения, М., 1977, стр.619-628.

36. Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России, - В.В.Бартольд, Соч., т.IX, стр.197-482.

37. Бартольд В.В. Н.И.Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки, - В.В.Бартольд, Соч., т.IX, стр.648-664.

38. Бартольд В.В. Н.Н.Веселовский. Некролог, - В.В.Бартольд, Соч., т.IX, стр.642-647.

39. Бартольд В.В. Обзор деятельности факультета восточных языков, - В.В.Бартольд, Соч., т.IX, стр.21-196.

40. Бартольд В.В. Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях 1903-1909 гг., - В.В.Бартольд, Соч., т.IX, стр.503-509.

41. Бартольд В.В. Томсен и история Средней Азии, - В.В.Бартольд, Соч., т.IX, стр.757-764.

42. Белинский В.Г. Беспристрастное суждение "Московского наблюдателя" о "Сине Отечества", - "Полн.собр.соч.", т.XIII, ред. и прим. В.С.Спиридонова, Л., 1948, стр.17-25.

43. Белинский В.Г. Русская литература в 1840 году, - "Полн.собр.соч.", в двенадцати томах; под ред. и с прим. С.А.Венгеровой, т.V, СПб., 1901, стр.461-502.

44. Белинский В.Г. Русская литература в 1841 году, - "Полн.собр.соч.", в двенадцати томах, т.VII, СПб., 1904, стр.1-63.

45. Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов, Л., 1951.

46. Бернштам А.Н. Н.Я.Бичурин (Иакинф) и его труд "Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена", - Н.Я.Бичурин (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т.I, М.-Л., 1950, стр.У-LV.

47. Бичурин Н.Я. (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I-III, М.-Л., 1950-1953.
48. Бичурин Н.Я. (Иакинф), Собрание сведений по исторической географии Восточной и Средней Азии. Сост. Л.Н.Гумилев, М.Ф.Хван, Чебоксары, 1960.
49. Бичурин (О.Иакинф), Автобиографическая записка, - оттиск из "Ученых Записок Имп. Академии Наук по первому и третьему Отделениям", т. III, (б.м.), (б.г.), стр. 665-672.
50. Васильев В. История и древности восточной части Средней Азии, от X до XIII века, с приложением перевода китайских известий о киданях, чжурчжэнях и монголо-татарах, - отпечатано из IV части Трудов Восточного Отделения Имп. Археологического Общества, СПб., 1857.
51. Веселовский Н. Иакинф (Никита Яковлевич Бичурин), - "Русский биографический словарь", том "Ибак-Ключарев", СПб., 1897, стр. 153-155.
52. Веселовский Н.И. История Имп. Археологического Общества за первое пятидесятилетие его существования 1846-1896, СПб., 1900.
53. Гумилев Л.Н. Хунну. Срединная Азия в древние времена, М., 1960.
54. Гумилев Л.Н. Хунны в Китае. Три века войны Китая со степными народами III-VI вв., М., 1974.
55. Демидовы, уральские горнозаводчики, - БСЭ, 3-е изд. т. 8, М., 1972, стр. 72.
56. Дьяконова Н.В. Культурное наследие национальных меньшинств Синьцзяна, - "Труды Государственного Эрмитажа. Том II. Культура и искусство античного мира и Востока", Л., 1958, стр. 201-213.
57. Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом. С приложением карты Монголии и разных костюмов, т. I-II, СПб., 1828.
58. И.Н.А. (Иеромонах Николай Адоратский), Отец Иакинф Бичурин (Исторический этюд), Казань, 1886.
59. Иакинф (Н.Я. Бичурин), История первых четырех ханов из дома Чингисова, СПб., 1829.
60. Китайско-русский словарь (под ред. проф. И.М. Ошанина), М., 1959.
61. Козин С.А. К вопросу о неизданных работах Иакинфа Бичурина, - "Доклады Академии Наук СССР", № 13, Л., 1929, стр. 245-247.
62. Кривцов В. Путь к Великой стене, Л., 1972.
63. Кучера С. Завоевание монголами Тибета, - сб. "Татаро-монголы в Азии и Европе. Сборник статей", М., 1977, стр. 260-281.
64. Кучера С. Некоторые проблемы, связанные с археологическими находками в Турфане и уезде Жаохэсянь, - сб. "Шестая научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы и доклады", вып. III, М., 1975, стр. 627-634.
65. Ларичев В.Е. Палеолит Маньчжурии, Внутренней Монголии и Восточного Туркестана, - сб. "Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности (Эпоха палеолита)", сер. "История и культура Востока Азии", Новосибирск, 1976, стр. 94-154.
66. Малькевич Б.А. Материалы к библиографии трудов Н.Я. Бичурина, - Н.Я. Бичурин (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. III, Приложения, М.-Л., 1953, стр. 87-92.
67. Материалы по истории скинну (по китайским источникам), (пред., пер. и прим. В.С. Таскина), М., 1968; выпуск второй, М., 1973.
68. Обручев В.А. От Кяхты до Кульджи. Путешествие в Центральную Азию и Китай, М., 1950.
69. Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнейшем и нынешнем состоянии. Переведено с китайского монахом Иакинфом. Часть I-2, СПб., 1829.
70. Процесс о монгольской надписи на памятнике Чингис-Хана, - "Отечественные записки. Учено-литературный журнал", 1839, т. VII, часть VIII: "Смесь", стр. 27-33.
71. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Том девятый: "История Пугачева", М., 1950.
72. Сань-цзы-цзин или Троесловие с китайским текстом. Переведено с китайского монахом Иакинфом. Пекин, 1908.
73. Симонивская Л.В. Бичурин как историк Китая, - "Доклады и сообщения исторического факультета МГУ", вып. 7, 1948, стр. 46-61.
74. Скачков П.Е. Библиография Китая, М., 1960.
75. Ся Най, Китайский шелк и "шелковый путь", - "Китай", 1972, № 3, стр. 20-23.
76. Сыма Цянь, Исторические записки ("Ши цзи"), пер. с китайского и комм. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина, под общей ред. Р.В. Вяткина, т. I-2, М., 1972, 1975.
77. Татаро-монголы в Азии и Европе. Сб. статей, М., 1977.
78. Тихвинский С.Л. История Китая и современность, М., 1876.
79. Установления о соли и чае, пер., вступ. статья и комм. Н.П. Свистуновой, М., 1975.
80. Фармаковский Б. и Н.И. Веселовский - археолог, - оттиск из "Записок Восточного Отделения Русского Археологического общества", т. XXV, (б.м.), (б.г.), с. I (359) - 40 (398).

81. Хадизова К.Ш. Россия, Китай и народы Туркестана в публицистике В.П.Васильева, - "История и культура Китая (Сборник памяти академика В.П.Васильева)", М., 1974, стр.110-118.
82. Хрестоматия по истории средних веков в трех томах, под ред. акад. С.Д.Сказкина, т. I, Раннее средневековье, М., 1961.
83. Шмидт Я. О новом переводе монгольской надписи на известном памятнике Чингис-хана, - "Отечественные записки. Учено-литературный журнал", 1839, т. УП, часть УШ: "Смесь", стр.28-32.
84. Штукин А.А., Федоренко Н.Т. Шницин, М., 1957.
85. Энциклопедический словарь географических названий, М., 1973.

На западных языках

86. "Biographies des moines éminents (Kao seng tchouan) de Houei-kiao. Première partie: Biographies des premiers traducteurs", traduites et annotées par R. Shih, Louvain, 1968.
87. Bretschneider E. Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources, London, 1910.
88. Franke O. Geschichte des chinesischen Reiches, T.I, Berlin-Leipzig, 1930; t. 2, Berlin-Leipzig, 1961; t. 3, Berlin-Leipzig, 1937.
89. Herrmann A. An historical atlas of China, Amsterdam, 1966.
90. Klaproth H.J. Rapport sur les ouvrages du P. Hyacinthe Bitchourinski, relatifs à l'histoire des Mongols, - "Nouveau Journal Asiatique", t. VI, 1830, p. 3-41.
91. Klaproth H.J. Description du Tibet, traduite du Chinois en russe par le Père Hyacinthe, et du russe en français par M.; revue sur l'original chinois, et accompagnée de notes, - "Nouveau Journal Asiatique", t. IV, 1829, p.81-158, 241-324.
92. Stein A. On Ancient Central-Asian Tracks. Brief Narrative of Three Expeditions in Innermost Asia and North-western China. Chicago and London, 1974.
93. Wheathey P. Refurbishing the nine cauldrons, - A. Herrmann, An historical atlas of China, Amsterdam, 1966, p. VI-XXIX.

94. Granet M., Cywilizacja chinska, Warszawa, 1973.
95. Franke O., China als Kulturmacht, - Franke O., Aus Kultur und Geschichte Chinas. Vorträge und Abhandlungen aus den Jahren 1902-1942, Peking, 1945, S.227-248.
96. Franke O., Grundzüge chinesischer Kolonialpolitik, - Franke O., Aus Kultur und Geschichte Chinas..., S. 41-55.
97. Schreiber G., Das Volk der Hsienpi zur Han-Zeit, - "Monumenta Serica", vol. 12, 1947, p. 145-203.

О ПОЛИТИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТАХ МЕЖДУ
КАШГАРИЕЙ И КИТАЕМ ВО II в. ДО н.э. — III в.н.э.

Не подлежит сомнению принципиальная важность для китаеведения переводов династийных хроник, выполненных Н.Я. Бичуриным. Хотя с той поры, когда работал русский синолог, прошло полтора века и развитие науки ушло далеко вперед, бичуриновские переводы не забыты и могут играть важную роль при изучении Китая и сопредельных с ним стран. Прежде всего это относится к "Собранию сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена", где рассматриваются взаимоотношения Китая с соседями. Переводы, выполненные Н.Я. Бичуриным, вывели китайские исторические источники за рамки чистой синологии. В сочетании с данными, которыми располагает современное востоковедение, они позволяют поставить вопрос о происхождении и характере древней и самобытной цивилизации в оазисах Кашгарии (Восточного Туркестана), по которому существуют противоречивые мнения в научной литературе. В этой связи особое значение приобретает вопрос о степени китайского культурного влияния на Кашгарию. Некоторое историком (Люй Чжэн-юй, Го Мо-жо, Си Нэй) утверждает, что Кашгария своим возникновением цивилизации обязана Китаю, издревле входила в состав Китая и даже была населена китайцами. При этом китайские исследователи ссылаются на китайские династийные хроники.

Уже стало традицией изучать историю Кашгарии преимущественно по китайским источникам. Но их, по нашему мнению, недостаточно для того, чтобы получить верное представление о культуре городов-государств Кашгарии. На это указывали не раз русские и советские исследователи, изучившие историю Кашгарии: Д.М. Позднеев (15, 1), Л.М. Думин (7, 17-18), А.Г. Увалев (10, 12). Однако несомненно и достоинство китайских источников, если применять их в сочетании с данными археологическими памятниками кашгарского происхождения. Последняя в отличие от китайских, есть лишь от

плоти современной им культуры. Поэтому при использовании китайских источников за пределами чистой синологии не может не возрасти роль их переводов, в том числе выполненных Н.Я. Бичуриным.

Люй Чжэн-юй, касаясь происхождения цивилизации в Кашгарии, утверждает: "С эпохи Ранней Хань и вплоть до настоящего времени Синьцзян является составной частью пограничной территории нашей Родины" ("Миньцзу туаньцзе", 1962, № 2). Аналогично замечание по этому поводу Си Нэй ("Каогу", 1972, № 1, стр. 37). По мнению Люй Чжэн-юй, Китай специально проложил на запад Великий шелковый путь, чтобы цивилизовать "западных варваров". Он также утверждает, что жители Кашгарии были варварами, которых китайцы освободили от гнета рабовладельцев-гунов. Однако эта культуртрегерская концепция не находит подтверждения даже в китайских хрониках эпохи Хань. В 123-й главе "Шицзи" говорится: "Во всех владениях (Западного края) есть города..." (I, 159). В 95-й главе "Циньханьшу" сообщается следующее: "Вообще почти во всех государствах Западного края ведут оседлую жизнь, имеют города, земледелие, скотоводство и в обычаях не сходствуют ни с гунами, ни с усунями" (I, 170). Именно такой увидел Кашгарию Чжан Цинь. Таким образом, к моменту появления первых китайцев важнейшие признаки цивилизации в Кашгарии уже имелись. Давно функционировал и шелковый путь (I, 157; 16, 119). Китай не мог иметь отношения к созданию последнего. В момент написания "Географии" Птолемея на Западе знали о конечной точке Шелкового пути — городе Тога-ра в современной Ганьсу, но ничего не знали о самом Китае (16, 121).

Нужно ли было избавлять жителей кашгарских оазисов из гунового рабства? Очевидно, что не гуны, а жители Кашгарии находились на более высоком уровне развития.

Китайское проникновение на запад началось военными походами У-ди в Фергану. В этой связи Люй Чжэн-юй отстаивает идею обороны от гунов Китая и Кашгарии путем присоединения последней к Китаю. Однако в династийных хрониках подчеркивается необходимость того, что современники называли "отдать правую руку гунам", а некоторые современные исследователи — "повернуть плечи отовсюду, осуществив оборо-

нительную оккупацию" (I, 219-22, 495). Из хроник видно, что военные экспедиции в Фергану обходились дорого (I, 201), потери от голода и жажды доходили до 80% войска (I, 163). Не случайно в "Цяньханьшу" приведено высказывание императора У-ди: "Западный край отделен от Китая естественными рубежами на значительном расстоянии. Приобретение его не принесло пользы, отказ (от него) равно не принесет ущерба" (I, 214). Дело в том, что горы и безводные пустыни между Дуньхуаном и Кашгарией являлись естественным дополнением Великой стены. С другой стороны, успешное преодоление этих естественных рубежей осуществлялось ценой огромных усилий империи Хань (I, 164). В этой связи особого внимания заслуживают высказывания многоопытного У-ди. Из них можно понять, что следовало прежде всего надежно охранять Великую стену. Но что для этого делалось?

Охрана Великой стены была поставлена из рук вон плохо, о чем говорит запись в 95-й главе "Цяньханьшу": "Ныне порядок на границе еще не восстановлен; проходы перебежчикам ослаблены. Караульные посылают ратников на звериную ловлю, користуясь мясом и кожами. Ратники изнуряются, а вестовые маяки стоят пусты; иногда начальствующие не могут собрать караульных служителей" (I, 202). Но если оборона Китая не осуществлялась в своем важнейшем звене, что могли дать попытки "повернуть фланг степи" (22, 170, 174)? Беспокойство по этому поводу отражено в той же главе хроники: "Древние государи... более пеклись о благополучном состоянии внутренних владений, нежели внешних. Ныне по воле государя... для людей ненужных истощают людей нужных. Такое расчленение не обещает прочности" (I, 181-182). В 97-й главе "Бэй-ши" говорится еще определеннее: "Дом Хань не охранял границ, не давая спокойствия подданным. Он в отдалении открыл Западный край и через это самое истощил империю свою. Какая же польза в том?" (I, 241). Очевидно, что система "дальних аванпостов" (22, 495) в борьбе с гуннами не оправдывала себя и даже вызывала осуждение.

Следует коснуться и тех последствий, которые ханьская экспансия имела для Кашгарии. В 95-й главе "Цяньханьшу" есть упоминание о том, что кашгарские государства "... часто претерпевали насилия от части начальников и служа-

щих их и очень чувствовали невыгодность связи с Китаем" (I, 175). Что именно стояло за строками хроники? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо прежде всего остановиться на проблеме взаимоотношений Китая и Кашгарии с гуннами.

Конечно, гунны представляли для Китая опасность, но никак не фатальную. В принципе отношения земледельческих поселений и кочевых племен отличались периодическим переходом от вооруженной борьбы к мирной торговле. Поскольку появление кочевого скотоводства означало первый шаг в общественном разделении труда, кочевники не могли не стремиться к постоянным связям с оседлыми земледельцами или городскими ремесленниками (5,3). Взаимоотношения кочевников и оседлого населения ни в коем случае нельзя сводить к войнам и грабёжам (5,3). К тому же кочевники в большей мере были заинтересованы в мирной торговле с оседлыми соседями (5,4). Нам кажется, что в этой связи было бы неверно рассматривать уплату кашгарскими государствами дани гуннам как их поражение последними. История Китая изобилует примерами, когда подарки одного государя другому трактовались как дань. Поэтому не следует в данном случае буквально следовать за терминологией китайских хроник. К тому же гунны рассматривались как соперники империи Хань в борьбе за Кашгарию, отчего их отношения с последней оценивались в хрониках по китайским стереотипам — как отношения господства и подчинения. В 118-й главе "Хоуханьшу" есть запись: хотанский царь "Гуандэ покорился (гуннам), отдал своего наследника в заложники и условился ежегодно платить дань шерстяными и бумажными тканями" (I, 233). Из нее видно, что "дань" соответствовала потребностям разделения труда между городами и кочевниками, дополняла обычную меновую торговлю и скорее всего являлась подарками.

Последнее утверждение может показаться голословным, если не остановиться на политической системе древнекашгарского общества и государствах Кашгарии как системе. Именно оттуда правомерно выводить закономерности отношений между городами-государствами и кочевниками. По этому вопросу нет, однако, единого мнения. О.Латтимор считает, что политическая система Кашгарии эпохи Хань характеризовалась раздробленностью, в силу чего города-государства не могли

не стать "базами гуннов". Вот как им выражена эта мысль: "Сравнительно малые размеры территории оазисов блокировали их политическое развитие. Излишек живой силы, продовольствия, снаряжения и денег, который можно было получить в одном оазисе, давал возможность время от времени атаковать и захватывать один или два соседних, но не было ничего, что могло бы закрепить результаты завоевания; они... имели тенденцию распадаться на первоначальные компоненты. Как эффективное объединение, так и эффективная торговля между ними должны были на деле быть стимулированы извне — из Китая или степи" (22, 172). Но так ли все было просто на самом деле? Были ли города государства проявлением политической раздробленности или нет? Нуждалась ли Кашгария в "новом или более крупном государстве" (там же)?

Для американского ориенталиста У.Самолина очевидна закономерность такой политической структуры древней Кашгарии, как города-государства. (25,18). Эта структура происходила из удаленности крупных оазисов друг от друга. Внутреннее устройство городов-государств отличалось простотой, что отражено в хрониках (I; 189, 255, 279, 284): немногочисленность должностных лиц, "словесное решение дел", отсутствие писанных законов. Как видно из переведенных Бичуриним хроник и других материалов сначала это была крепость в центре земледельческой автаркии (3,29), а затем и центр торговли по шелковому пути (I, 153, 157; 16, 121). Государственный аппарат находился в зачаточном состоянии, что скорее всего свидетельствовало о сохранении в классовом обществе институтов эпохи военной демократии. Создается впечатление, что кашгарский город был государством-общиной. Это позволяет провести определенные параллели между государствами Кашгарии и полисами античного мира. Квазиполисы, подобные кашгарским, существовали у хауса (18, 253), арабов Аравии. Города упомянутых выше районов мира отличала непосредственная включенность в систему мировой торговли (благодаря расположению на важных торговых путях), плурализм (и античный полис, и квазиполис в одиночку существовать не могли). Подобно тому, как малоазиатские полисы находились под формальным вассалитетом лидийских кочевников, кашгарские города существовали в номинальной политической зависимости от

гуннов (25,21). В "Цяньханьшу" есть упоминание о том, что гунны практически не могли располагать войсками оазисных государств (I,214). Подобная система взаимоотношений Кашгарии с кочевниками была зафиксирована и позже. Например, У.Самолин на основе китайских хроник пришел к выводу, что и жужани впоследствии "мало интересовались" внутренними делами оазисов (25,54). В 97-й главе "Бэйши" также говорится о мирной меновой торговле оазисов с жужанями (I,284). О.Латтимор верно отметил, что государства Кашгарии были способны завоевать — да и то не надолго — не более двух своих соседей. В то же время они могли выдержать серьезный натиск кочевников (25,54). Таким образом, к моменту насильственного присоединения Кашгарии к Китаю в I в. до н.э. между оазисами и кочевниками Центральной Азии успела, очевидно, сложиться система рациональных отношений. Кашгарские квазиполисы совсем не нуждались в объединении изнутри или извне, равно как и в освобождении от гуннов. Завоевание Китаем оазисов, напротив, расстроило исторически сложившиеся связи Кашгарии со степью и между оазисами. Во-первых, нарушилась торговля с гуннами. По мнению Латтимора, "если бы оазисам была предоставлена возможность платить дань скинну и торговать с ними, они в любом случае могли стать опасным источником сил кочевников" (23,8). Китайцы действительно постарались изолировать гуннов от оазисов, что не могло не подстегнуть агрессивность кочевников; набеги же наносили ущерб земледелию и особенно ирригации. Во-вторых, торговля Кашгарии с Китаем (отдаленным и обладавшим однотипной экономикой) не могла заменить торговли с гуннами. Переориентация внешней торговли Кашгарии на Китай вызвала ее разрыв с интересами большинства оазисного населения (22,175). В-третьих, войны Китая с гуннами в Кашгарии нарушали торговлю по шелковому пути. В этом плане приход китайцев не мог, как считает Латтимор, "открыть" шелковый путь: гунны его не закрывали, поскольку получали долю от внешней торговли Кашгарии. В-четвертых, оазисные государства несли расходы по содержанию китайских войск (т.е. население платило дополнительные налоги), военные расходы (китайцы предпочитали вести войну силами кашгарцев). Доходы от торговли между Кашгарией и Китаем

"не покрывали расходов на войну" (22, 494-495). Дефицит покрывался за счет налогов с населения Кашгарии, что подрывало экономику и вызывало недовольство. Об этом свидетельствует найденный в Кашгарии А.Стейном документ на китайском языке (27, 523). В-пятых, приход китайцев не обуздал "междоусобицы" (таковых в квазиполисной Кашгарии быть не могло), а привел к эскалации войн между государствами-соседниками Китая и гуннов. Вот что стояло за строками хроники о "невыгодности" для Кашгарии пребывания под китайским протекторатом.

Таким образом, с одной стороны, оазисные государства "чувствовали невыгодность связи с Китаем", а с другой - "Дом Хань... истощил империю свою". Не было ли к тому глубинных исторических причин? Судя по всему, такие причины были.

О.Латтимор находит в Кашгарии "фундаментальную близость обществу и культуре Китая" (22, 171). Однако этому взгляду, как нам представляется, недостает основательности. Единственным серьезным доводом в его пользу служит ссылка на поливное оазисное земледелие. На этом основании делается вывод: "В основе своей каждый оазис был Китаем в миниатюре" (22, 492). Тогда объединение оазисов извне Китаем не могло не пойти им на пользу. Но оазисное земледелие совсем не характерно для китайской цивилизации. Тем более не присуща последней кривизная система орошения, принятая в Кашгарии. Нам представляется обоснованной мысль У.Самолина: "...восточнотуркестанская ирригация не подходит под европейские и даже китайские стандарты" (25, 16). Таким образом, взгляды Латтимора на материальную культуру Кашгарии представляются ошибочными. В области же духовной культуры, как он сам впоследствии был вынужден признать, наблюдалось сходство Кашгарии с Индией и Передней Азией, а не Китаем (23, 12).

Именно выяснение характера духовной культуры Кашгарии вплотную подводит нас к пониманию путей исторического развития этой страны. Сначала необходимо решить, кто заложил основы ее цивилизации. Мы убедились, что концепция Лью Чжэн-ля китайскими источниками опровергнута. На основе кашгарских письменных памятников А.Н.Бернштам (3) и В.С.Воробьев-Десятовский (6) пришли к выводу, что основы

цивилизации заложили саки и тохары. Однако хронологические рамки этого процесса оставались неясными. Следующий шаг сделал Ю.Н.Рерих, который путем сопоставления китайских династийных хроник с античными источниками и переводческими трудами Кумарадживы идентифицировал тохаров с кэчжи (16, 122). В китайских источниках точно зафиксирована дата переселения тохаров с территории современной Ганьсу в Кашгарию и Среднюю Азию (16, 119). Они появились в Кашгарии не раньше 174 г. до н.э., а города Кашгарии упоминаются в китайских хрониках со ссылкой на шаньля Маодуня, умершего раньше этой даты (25, 30). Создается впечатление, что цивилизацию Кашгарии создали саки и что она западного происхождения. Тохары пришли в Кашгарию с востока, где теоретически могли иметь контакты с китайской цивилизацией. Этого нельзя сказать о саках.

Между тем Лью Чжэн-кэй, Го Мо-жо и Ся Най, исходя из факта эпизодического захвата Кашгарии Китаем, делают вывод о китайском происхождении кашгарской культуры и ассимиляции местного населения. Особенно же резко высказано это мнение в отношении средневековой эпохи Тан ("Каогу", 1972, № 1, стр. 7, 37).

Китайское господство в Кашгарии не было непрерывным, как это считает Лью Чжэн-кэй. В "Бэйши" говорится: "Со времен династии Вань-вэй и Цзинь западные владения взаимно поглощали друг друга, и события, случившиеся у них в это время, невозможно ясно представить" (1, 240). Это говорит о том, что в послеханьский период Китай не только не был вершителем судеб Кашгарии, но и не имел об этом регионе полной информации. Более того, в "Бэй-ши" и "Суйшу" содержится фантастические сведения о городе Кашгаре, где жители якобы имели по шесть пальцев на руках и ногах, а тех, кто имел все-таки пять, подвергали остракизму (1, 258, 284). Вот еще одно доказательство того, что между эпохами Хань и Тан не могло быть постоянных связей Китая с Кашгарией, отчего в хроники проникала полумифическая информация.

Наилучшим же образом раскрывает свой истинный характер сама духовная культура Кашгарии соответствующих эпох. В 83-й главе "Суй-шу" есть запись о городе Карашаре:

"Письмо (карашарцев) походит на индийское" (I, 284). В 22I-й главе "Тан-шу" говорится о Хотане: "Пишут не кистью, а тростью" (I, 301-302). В той же главе о Кучаре: "Пишут поперек" (I, 296). За этими строками хроник стоят совершенно определенные явления в духовной культуре Кашгарии. Еще в 1879 г. Регель, один из первых исследователей этой страны, принял обнаруженное им городище за древнеримское (23, 5). Затем аналогичное впечатление сложилось у известного археолога А.Стейна (28, 484). А.Н.Бернштам заметил в древней архитектуре южнокашгарских оазисов параллели с ахеменидским Персеполем (3, 62). В Кашгарии отмечено массовое присутствие индийских ступ, гандхарских фресок и скульптур (I7, 201, 209; 8, 202-203, 207). Примечательно то, что расцвет гандхарского эллипстического искусства в Кашгарии наступил непосредственно вслед за прекращением ханьской оккупации в начале III в. В нем не замечено следов китайского воздействия. Иначе говоря, в период китайского господства культура Кашгарии развивалась своим путем. Немного позже гандхарские элементы появились и в искусстве Китая, который заимствовал из Кашгарии буддизм. Следовательно, в отношении древности утверждение Ляй Чжэн-юя о китаизации Кашгарии ошибочно. В средние века китаизация населения также была невозможна, поскольку в VIII в. в Кашгарии размещалось сначала четыре, а затем всего два китайских гарнизона (аналогично обстояло дело и в эпоху Хань, когда китайское присутствие сводилось к гарнизонам) (20, 114). Что касается кашгарской культуры в период танского господства, то все это время услаживается в довольно широкие рамки тохароко-сасанидской культурной эпохи (21, 25). В искусстве этой эпохи налицо влияние культур Передней Азии, Индии, Византии, но не Китая (3, 63-64; 24, 305-306). Сильное индийское и переднеазиатское влияние обнаружил в архитектуре Кашгарии эпохи Тан А.фон Ле Кок (24, 312-313). Что касается китайских рукописей, на которых построены доводы Го Мо-жо и Си Яля, то они среди обнаруженных экспедицией Ле Кока занимали всего шестое место после разнообразных кашгарских (тохарских, персидских, согдийских, несторианских, санскритских) рукописей, написанных "поперек", т.е. с применением алфавитов западного происхождения (24, 319-320).

Перечисленные выше данные о культуре Кашгарии III в. говорят о ее "фундаментальной близости" к культурам Индии и Передней Азии, но не Дальнего Востока.

Правда, в "Бэй-ши" и "Суй-шу" есть сведения о многочисленных китайских элементах в культуре Турфана (I, 249, 253, 279). Но, во-первых, в тексте той же "Бэй-ши" говорится о неосведомленности китайцев о Кашгарии в то время. Во-вторых, в "Суй-шу" аналогичное утверждение о Турфане высказано менее категорично. В-третьих, 22I-я глава "Тан-шу" вообще не содержит сведений о китайской культуре в Турфане. Видимо, по мере накопления (от "Бэй-ши" к "Тан-шу") объективной информации о Кашгарии авторы китайских хроник отходили от ошибочных мнений. Для сравнения приведем аналогичный пример из тех же трех хроник (о людях с шестью пальцами). В "Бэй-ши" и "Суй-шу" о них говорится, а в "Тан-шу" — нет. Видимо в этом отразился результат путешествия Сюан-цзана.

Можно сделать вывод о том, что захват Китаем Кашгарии в эпоху Хань и Тан оказался слишком кратковременным и поверхностным, чтобы он мог повлиять на этнический состав населения оазисов или местную культуру. Такого мнения придерживается, например, У.Самолин (25, 60). К аналогичному мнению в конце концов пришел и Латимор (23, 10, 12). Из двухтысячелетней истории Кашгарии на китайское владычество приходится не более 400 лет, оттого О.Латимор признал, что Кашгария и не могла быть китаивирована (22, 170-171).

В заключение нам хотелось бы подчеркнуть, что цивилизация Кашгарии с самого начала резко отличалась от китайской. Это, с одной стороны, объяснялось ее западным происхождением и самобытным развитием в сочетании с "открытостью" по отношению к цивилизациям Передней и Южной Азии. От Китая Кашгария была веками отделена мощными географическими препятствиями, чем и объясняется слабость контактов между двумя цивилизациями. Кашгарская цивилизация породила особый вид экономики и своеобразную политическую структуру общества в виде городов-государств (она сохранилась почти до конца I тыс.н.э.) и определенный тип отношений с кочевниками. Все указанное выше позволяет ставить вопрос о самостоятельном историческом пути Кашгарии.

Китайское завоевание Кашгарии и вовлечение последней в войны с кочевниками противоречили этому историческому пути, создавали опасность для ее цивилизации. Основная опасность заключалась в подрыве материальной базы оазисного земледелия и дезорганизации торговли по шелковому пути. Поэтому вполне закономерны восстания, приводившие к изгнанию китайских завоевателей.

Нельзя не упомянуть и об агрессивных мотивах китайской западной политики, выраженных в постоянном стремлении к обладанию Кашгарией. Последняя вряд ли могла служить плацдармом для нападения гуннов на Китай в силу своей удаленности и труднодоступности. Походы же китайских войск на запад обходились очень дорого (I, 163, 201) и не были непосредственно связаны с обороной Китая: "Но когда за Ордосом открыли четыре области, построили Юймынь-гуань... то шаньши, лишенный подкрепления, далеко уклонился от Великой стены к северу, и уже более не было княжеских орд по южную сторону песчаной степи" (I, 213). Следовательно, гуннская опасность была устранена в основном путем строительства четырех крепостей, что признавал еще У-ди. Тем не менее походы в Кашгарию продолжались, хотя и не открывали перспектив колонизации новых земель, как это было южнее Янцзи.

Как видно из китайских хроник, Кашгария играла роль плацдарма для экспансии в пределы Средней Азии, что и доказывает история империй Хань, Тан и, впоследствии, Цин. В целом очевидно, что первые контакты между китайской и кашгарской цивилизациями оказались весьма болезненными, хотя впоследствии имел место обмен культурными ценностями.

Китайские династийные хроники являются продуктом официальной историографии традиционного Китая. Но ясно и то, что они содержат ценную информацию, применимую за пределами синологии при сопоставлении с источниками по странам-соседям Китая. Такое сопоставление осуществимо благодаря переводам китайских хроник. Первым опытом таких переводов русское и советское востоковедение обязано Н.Я.Бичурину.

Примечания

1. Бичурин Н.Я., Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т.2, ч.3, М.-Л., 1950
2. Бернштам А.Н., К вопросу об усунь, кушанах, тохарах. - "Советская этнография", 1947, № 3
3. Бернштам А.Н., Проблемы историографии Восточного Туркестана, - "Вестник древней истории", 1947, № 2/20
4. Бартольд В.В., Сочинения, т.3, М., 1965
5. Батраков В.С., Хозяйственные связи кочевых народов с Россией, Средней Азией и Китаем, Ташкент, 1958
6. Воробьев-Десятковский В.С., Памятники центральноазиатской письменности - "Ученые записки Института востоковедения", т.XVI, 1958.
7. Думан Л.П., Аграрная политика цинского правительства в Синь-цзяне в конце XVIII в., М., 1936
8. Дьячкова Н.В. Культурное наследие меньшинств Синьцзяна, - "Труды Гос.Эрмитажа", т.2, 1958.
9. Колобова К.М., Возникновение и развитие рабовладельческих полисов в Греции, Л., 1956
10. Маливкин А.Г., Материалы по истории уйгуров IX-XII вв. - "История и культура Востока Азии", т.2, Новосибирск, 1974
11. Марков Г.Е., Кочевники Азии, М., 1977
12. Минаев И.П., Забытый путь в Китай, - "Журнал Мин-ва народного просвещения", ч.264, 1889
13. Никифоров В.Н., Восток и всемирная история, М., 1975
14. Ольденбург С.Ф., Исследование памятников старинных культур китайского Туркестана, - "Журнал Мин-ва народного просвещения", ч.353, 1904, № 5-6
15. Позднеев Д.М., Исторический очерк уйгуров, СПб, 1899
16. Рерих Ю.Н., Тохарская проблема - "Народы Азии и Африки", 1963, № 6
17. Тихонов Д.И., Хозяйство и общественный строй уйгурского гос-ва. X-XIV вв., М.-Л., 1966
18. Утченко С.Д., Кризис полиса и политические воззрения римских стоиков, М., 1955
19. 20. Chavannes E., Documents sur les Tou-kieu (Turcs) occidentaux, - St.-Peterbourg, 1903.
21. Gabain A.W. von, Das Uigurische Königreich von Chotscho, 850-1250, Berlin, 1961.

22. Lattimore O., *Inner Asian Frontiers of China*. L.-N.Y., 1951.
23. Lattimore O., *Pivot of Asia*, Boston, 1950.
24. Le Coq, A. von, Expedition to Turfan, "The Journal of the Royal Asiatic Society", 1909.
25. Samelin W., *East Turkistan to the 12-th Century*, L.-P., 1968.
26. Silks, Spices and Empire, N.-Y., 1968.
27. Stein A., *Ancient Khotan*, t.1, Oxford, 1907.
28. Stein A., *Remains of Desert Cathay*, t.II, L., 1912.

Д.Д.ВАСИЛИЕВ

Институт востоковедения
АН СССР

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНО-ПИСЬМЕННЫХ ЦЕНТРАХ
ТЮРКСКОГО КАГАНАТА
(Краткие тезисы)

1. Первые публикации китайских письменных источников по истории тюркоязычных народов Центральной Азии, предпринятые Н.Я.Бичуриным, предоставили специалистам материал для реконструкции этнической и территориальной структуры Тюркского каганата. Эта, по выражению В.В.Бартольда, "кочевая империя" объединила не только тюркоязычные племена, но и на правах сюзерена или завоевателя иные этнические группы. Поэтому возможность полного уяснения внутренней структуры этого государственного образования на основе сведений иноязычных письменных источников или данных археологии представляется многим ученым довольно спорной. Вместе с тем исследовательский фонд, основу которого составили труды Н.Я.Бичурина, продолжает пополняться новыми материалами, полученными в результате многопланового комплекса востоковедных исследований. При этом, как и прежде, сохраняется традиционный интерес к древнетюркской тематике, сложившийся именно в отечественном востоковедении.

2. Исторические сведения из династических историй и трудов по исторической географии, впервые введенные в европейскую науку Н.Я.Бичуриным, существенно помогли В.В.Радлову, В.В.Бартольду, П.М.Мелиоранскому в текстологических и исторических интерпретациях памятников древнетюркской рунической письменности. Активизация исследований по древнетюркской эпиграфике в советский период, благодаря значительному росту находок позволила уточнить и расширить круг сведений по этно- и лингвогеографии Тюркского каганата. Династично-хроникальный характер текстов из Монголии и стилистика "кладбищенской поэзии" памятников Енисея позволили С.Е.Малову выделить условные регионы наибольшей концентрации памятников, отмеченных общими текстологическими особенностями.

Попытки хронологической корреляции этих условных регионов в разное время предпринимались А.Н.Бернштамом, С.В.Киселевым, А.М.Щербаком, Л.Р.Кызласовым, Интересный опыт выделения диалектов в различных памятниках был получен И.А.Батмановым, однако серьезные возражения вызывают предложенные им генетические связи с определенными современными тюркскими языками. Неправомoрность подобных построений обоснованно подчеркивалась в свое время еще П.М.Мелиоранским и С.Е.Маловым. Сведения по этнической структуре каганата заметно расширились в результате систематизации и анализа А.Д.Грачем и Л.Р.Кызласовым кыргызской и собственно тюркской геральдики — тамговых изображений. Некоторые вопросы исторической географии и топонимики, связанные с историческими фактами и лицами, упомянутыми как собственно в древнетюркских источниках, так и в летописях арабских и китайских историков, получили освещение в работах Л.П.Потапова, С.Г.Кляшторного, М.И.Боргоякова.

3. В качестве нового источника для этно-лингвистического разграничения азиатского ареала распространения памятников древнетюркской письменности нами предлагается графический фонд.

В большинстве публикаций древнетюркской эпиграфики существует тенденция к унификации индивидуальных графических особенностей текста, что обычно бывает обусловлено ограниченной целью — предложить чтение и толкование памятника (чаще всего в соответствии с традиционными лексическими формулами). Другие аспекты текстологического исследования, как правило, опускались. Вследствие этого графическое многообразие, которое позволяет выделить культурно-письменные зоны (школы) в границах азиатского ареала распространения тюркской руники, осталось слабо зафиксированным.

Памятники древнетюркской письменности в отличие от других типологически близких письменностей не имеют совершенно единообразных образцов. Древнетюркское источниковедение не располагает также данными о существовании в тюркской рунике единого каллиграфического канона. Наоборот, обилие вариантов, заметное при самом поверхностном наблюдении предполагает существование как "письменных диалектов", так и письменного наддиалектного койне. В результате учета

и систематизации в специальных таблицах всех графических вариантов, имеющихся в рунических текстах азиатского ареала (при параллельной знаковой локализации графем как во всей древнетюркской графической системе, так и в региональных) удастся установить: 1) весь графический фонд данной фонемы; 2) регион употребления данного графического варианта; 3) группы памятников, которые можно объединить употреблением определенного графического варианта; 4) распространенность, редкость или уникальность каждого графического варианта в регионах; 5) палеографическую общность группы памятников внутри одного из условно выделенных регионов; 6) палеографические связи двух или нескольких регионов.

4. Произведенная систематизация сделала возможным в известной степени дифференцировать графический фонд древнетюркских памятников. По всем регионам азиатского ареала распространения образцов этой письменности удалось выделить более двадцати групп памятников, графические особенности которых формально интегрируемы.

Как правило, памятники, безусловно, относящиеся к одной подобной группе, локализуются на небольших, строго ограниченных территориях. Однако отмечен и ряд случаев неожиданного совпадения палеографии, техники и орфографии некоторых значительно удаленных друг от друга памятников. Здесь, вероятно, уместно вспомнить замечание С.Е.Малова о роли "бродячих грамотеев" в процессе ареального распространения тюркской рунической грамоты.

Таким образом, по всему азиатскому ареалу распространения руноподобной письменности тюрков УШ—ХІ вв. можно выделить: а) памятники, имеющие уникальные, не повторяющиеся в других текстах, авторские характеристики; б) памятники, графика которых вобрала одновременно элементы многих культурно-письменных зон (школ), что отражается в пределах одного текста; в) группы памятников, внутренне объединенные последовательным употреблением строго определенных графических вариантов.

Эти последние группы, каждая из которых носит следы собственной письменной традиции, довольно четко локализируются, образуя замкнутые зоны (школы) руноподобной письменной культуры тюрков. Памятники, которые изобилуют

графическими и орфографическими переборами, находятся почти всегда вне этих зон.

5. Совмещение данных результатов текстологического исследования с известными по материалам Н.Я.Бичурина и позднейшим работам этно-географическими фактами соответствующего периода демонстрирует почти во всех случаях совпадение выделенных зон с изографами этнической карты. В ряде случаев материалы палеографического анализа строго локализованных текстов дают более подробную карту, чем соответствия археологических и иноязычных письменных источников. Освоение в качестве историко-этнографического источника древнетюркской рунической графики позволяет, по нашему мнению, более отчетливо представить внутренние границы древнетюркского языкового ареала, а также уточнить на основании автохтонных и аутентичных памятников территориальное размещение племен внутри каганата.

К.Ш.ХАФИЗОВА

Институт истории, археологии и
этнографии им.Ч.Ч.Валиханова
АН Казахской ССР

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О РАССЕЛЕНИИ КАЗАХОВ

В ХУШ в.

(по русским и китайским источникам)

Н.Я.Бичурин внес важный вклад в изучение истории, этнографии и исторической географии народов Центральной Азии.¹⁾ Если учесть, что до появления его первых трудов вопросы истории собственно Китая и Центральной Азии в России были мало изучены, то этот вклад представится еще более весомым и значимым.

Труды Н.Я.Бичурина привлекали внимание не только научной общественности, но и правительственных ведомств России. Интерес к его работам усиливался по мере успехов царской дипломатии в Средней Азии и Казахстане.

В своих трудах Н.Я.Бичурин стремился проследить судьбы многих кочевых народов Центральной Азии на протяжении многовековой истории, определить этнический состав этих народов и занимаемую ими территорию, выявить, под каким этнонимом они выступали в тот или иной исторический период.

Многие проблемы, поставленные Н.Я.Бичуриным при разработке истории Центральной Азии продолжают оставаться объектами исследований и в наше время.²⁾ Историческая же география народов данного региона все еще находится в младенческом состоянии. В свете изданных работ Н.Я.Бичурина особенно интересным представляется вопрос о формировании этнической территории одного из многочисленных народов Центральной Азии — казахов.

Н.Я.Бичурин связывал перемещение кочевых народов преимущественно с изменениями внутри- и внешнеполитического характера: падением и усилением отдельных княжеств или государственных объединений, феодальными междоусобицами, в результате которых отдельные роды на время или навсегда

отрабатывали на значительной территории от родных кочевий, Тарсий предков и изучении миграции кочевников отчасти по-прежнему и в наше время; (однако это ни в коем мере не исключает преобладающего влияния на формирование этнических территорий тюрк или иного народа определенно-временных факторов) потребности в раскопках кочевий, тенденция приращивания бесовских кочевий к ринкам сбыта и развозкиным путям для сбыта излишков скота и получения в обмен промышленные товары, и ряда случаев на передвижения отдельных народностей вдали неблагоприятных стихийных явлениях: выгорание трав и степей от засухи, нашествие поджогов кочевий на южной степи, которые влияли на передвижения скота-овцеводов в сторону кочевий и вынуждали их менять свои традиционные маршруты, а также бесовские кочевья;

XIII в. для кочевий был связан в начале процесса приобщения Казахстана к России и вступил в непосредственные и дружественные отношения с Джунгарским ханством, а затем в Цинский империей, нарастающей в середине XIII в. в ее ханства;

Этноним "казах" = довольно позднего происхождения; Слово "казах" (казаки) привнесло этническое значение во второй половине XV в. в связи с возникновением в Самарчье Казахского ханства; Появившиеся впоследствии три этнополитических подразделения-жузы представляли собой объединенные роды и племена; Территориально они были разложены в следующие веревки: Младший жуз в Западном Казахстане, Средний = в Центральном и Восточном, а Старший = в Самарчье;

В разделение казахов на три этнополитических, хозяйственно-экономических части Цинский двор узнал, но-видимому, значительно позже, чем это стало известно в России; Но все же в случае, если на материалы цинского времени, лишь в 1767 г. Императорский двор увидел возможность потратить в султаном Среднего жуза Алашань; И тогда двор в султаном жузу узнал: узнал о наличии у казахов трех больших родов: Старший жуз, Средний жуз и Южный жуз; И именно в этот период под названием "Южный, или Западный отряд" казахов, что, очевидно, указывает на "старшинство" этого жуза; (Как известно, у китайцев левая сторона считается более почетной);

Средний жуз назывался "Прямой, или Южный отряд", а Младший = "Северный отряд"; Не исключено, что Шуньдана мог узнать о трех жузах в 1759 г.; когда он достиг ставки Алаша в качестве официального представителя имперского правительства;

Что касается русских документов, то и них жузы назывались ордами (Кавказской ордой, Туркестанской ордой, а впоследствии-Восточной, Средней и Западной ордой); Как видно из доклада начальника Оренбургской экспедиции И.Покровского, отправленного 1 мая 1794 г. на имя императрицы Анны, Старший жуз кочевал "на западе и востоке степи Бухар, Ташкента и Туркестана и юго-западного (Джунгарского-К.У.) казахского владения Галдан-Чарын"; Средний располагался между "111 ордой ордой на реке Тарсий и на других"; Младший жуз: "111 ордой Аральского моря, которая называлась морем, и кари-калканом, и между Илеа и Средней ордой, в Башкирии же и в Кавказе, кои на Каспе и Илеу рекам кочуют скота скотоводов и скотоводов Башкирской земли азиатской";

И тем же документе сообщалось в междуведомств и жузах, приведших к потерям или территориям: "Они ордой, кожда ордой и восточной, то имели во владении своем значительные провинции и города Туркестан, Сайрам, Ташкент, и иные к ним принадлежавшие места; кои лежат на Сыр-Дарье (или реке); западной и Аральского моря; И в том владении в вершинах степи и других рек веруют скотоводы; а как между ордой на и давних Голых степей на восточной, то юго-западной-калканской владения = кочевья у них все ордой провинции степей; в той ордой все те провинции-калканские ордой в юго-западной калканской и восточной ордой на и могли бы тех калканских ордой; всели в ордой восточной; и у них ордой степи в ордой степей, а другой ордой; и так ордой владения у калканских ордой";

И русский историк отмечал тот факт, что и на-к-г-г-г XIII в. казахи жили в самостоятельных государствах, ордой ордой ордой туркестан-восточной и восточной ордой ордой; Ордой Джунгарский ордой в 1711 г.; восточной ордой ордой ордой как на юго-калканской; так и в Самарчье; И в калканских ордой в ордой ордой ордой ордой ордой в 1718 г. на Алаша; Ордой ордой для казахов ордой

1723 г., что нашло яркое отражение в народном фольклоре. Об этом времени Чокан Валиханов писал: "Преследуемые повсюду джунгарами, киргисцы (казахи-К.Х.), подобно стадам испуганных сайгаков... бегут на юг, оставляя на пути свое имущество, детей, стариков, домашний скот и исхудалый скот, и останавливаются: Средняя орда - около Самарканда, Малая - в Хиве и Бухаре... Не находя в среднеазиатских песчаных степях сытных пастбищ и вступив во вражду с новыми соседями, киргисцы обращаются к границам могущественной России, чтобы искать ее помощи и покровительства".⁵⁾

В конце 20-х гг. казахским ополчениям удалось нанести поражение джунгарам в районе оз. Чубар-Тенгиз (в 1728 г.) и к югу от оз. Балхаш (в 1729 г.). Благодаря этому значительная часть территории Младшего и Среднего жузов была освобождена.⁶⁾

В 1741-1742 гг. войска джунгарских феодалов вновь вторглись на территорию Среднего и Младшего жузов. Действуя в прежних двух направлениях, что и 20 лет назад, они на юго-западе достигли среднего течения р. Сыр-Дарья, а на севере кочевий Среднего жуза на р. Ишим.

В 1742 г. главе Оренбургской комиссии тайному советнику И. Неплюеву удалось выяснить причину джунгарского вторжения в Казахстан во время беседы с Кашкой, отправленным Галдан-Цэрэном в Младший и Средний жузы. Последний, в частности, сообщил: "Когда-де у их зюнгорского владельца Галдан-Чирина происходили с китайцами долговременная и кровопролитная война, тогда-де киргис-кайсаки, в зюнгорские границы вбегая, причиняли многие разорения; как-де помянутой их владелец с китайцами замирились, того получа случай, отправил войска своего для отмщения тем кайсакам в трех партиях по десяти, итого одна-десять тысяч, зашел до Ташкента чинила за оными кайсаками поиск (военное вторжение-К.Х.) и прогнала их до самой реки Ори".⁷⁾ Из этого сообщения можно заключить, что несмотря на крупное поражение 1723 г. казахи продолжали борьбу, переходя от обороны к активным действиям. Да и сам факт вторжения джунгарских отрядов в Казахстан в прежних двух направлениях позволяет полагать, что Галдан-Цэрэну не удалось окончательно закрепиться в этих районах в течение предыдущих двух десятилетий.

В это время джунгары вели войны с Цинской империей, отражая удары маньчжуро-китайских войск с юга. В зависимости от успехов и неудач в военных действиях против цинского Китая джунгарские феодалы усиливали или ослабляли свои нападения на Казахстан, где они, однако, не задержались. В 1742 г. члены Оренбургской комиссии сообщали в Коллегию иностранных дел: "Галдан-Чирина войска ис Кайсацкой орды в свои жилища возвратились все."⁸⁾

Удар джунгаров по всем трем жузам был настолько сильным, что казахские феодалы были, очевидно, вынуждены пойти на перемирие. Об этом Кашка, упомянутый выше, так рассказывал И. Неплюеву: "И по таковом де поиске киргис-кайсаки к их зюнгорскому владельцу приказывали от себя такие слова: "Будучи-де в войне-кости белеют, а живучи в миру и покое-волосы седеют", и просили, чтобы с ними помириться и взять бы от них аманатов (заложников-К.Х.)".⁹⁾ Это решение казахские феодалы могли передать в 1742 г. через доверенных лиц, отправленных к джунгарам для размена пленных, в том числе султан Аблая.

В том же году царское правительство направило к джунгарам посольство во главе с Карлом Миллером. Оно должно было заявить о принятии Младшим и Средним жузами российско-го подданства, чтобы предотвратить набеги джунгарских войск и способствовать вызволению из плена Аблая, принявшего подданство России в 1740 г. вместе с ханом Среднего жуза.¹⁰⁾

Галдан-Цэрэн, желая устроить казахских феодалов, во время пребывания их послов в его ставке приказал одеть на руки и ноги Аблая цепи. После же отъезда послов джунгарский правитель велел расковать его, а летом 1743 г. отпустил Аблая на родину с большими почестями. Вот как об этом сообщали Иван Лапин и сакмарский казак Мансур Асаков, совершившие поездку в Средний жуз: "Аблай от зюнгорцев с великим награждением отпущен, а именно: дана ему полатка, сшитая золотом, шуба, крытая порчью золотом, полатка ж железная складная, панцирь и прочее..."¹¹⁾

Как свидетельствуют источники, своим освобождением из плена Аблай был обязан посредничеству царского правительства. Вместе с тем, следует учитывать и то, что Галдан-

Цэрэн вел войну с казахскими жузами и одновременно с Цинской империей. По-видимому, он был заинтересован в то время в перемирии со Средним жузом, о чем докладывали Иван Лалин и Мансур Асаков: "Отпуск же де ево (Аслая-К.Х.) в той наипаче силе состоит, чтобы они, киргизо-кайсаки, с ними зунгарами, жили спокойно и обнадоживанием, что они, зунгорцы, разорением причинить им уже не будут... 12)

Отказавшись на некоторое время от военных действий против соседей-кочевников, Галдан-Цэрэн, желая противопоставить Средний жуз Младшему, возвратил хану Среднего жуза Абулмамбету родовую ставку — город Туркостан с прилегающими к нему землями. Чтобы гарантировать себя от враждебных действий, джунгарский правитель требовал от хана в заложники одного из его сыновей.

Вскоре после возвращения на родину Аслая отправили в Тобольск своих родственников для выражения благодарности царскому правительству за его посредничество и помощь. Но в последующие десятилетия контакты Аслая с царской администрацией ослабли. Он продолжал заниматься и, беззачастно, джунгарскими делами. Такая активность была вызвана тем, что султан стремился распространить свою власть на Семиречье. До сибирской администрации доходили слухи о вмешательстве султана в ойратские распри, о его набегах на северные районы Джунгарий. Вскоре плодородные и богатые водой земли Семиречья и Северной Джунгарии стали ареной ожесточенной борьбы между ойратскими и казахскими феодалами.

Междоусобицы в Джунгарии после смерти Галдан-Цэрэна в 1745 г. создали благоприятные условия и для маньчжурской династии Цин, стремившейся упрочить свое влияние. В борьбе против ойратов цинская дипломатия стремилась привлечь на свою сторону казахов. Сообщал о ходе военных действий в Джунгарии, цинские военачальники приводили сведения и о казахско-джунгарских отношениях, о расположении кочевий казахских и ойратских феодалов. Эти сведения они обычно получали от пленных. В качестве информаторов выступали иногда и ойратские феодалы, перешедшие на службу к цинскому двору.

Первые данные о кочевых казахов сообщили цинскому двору в своем докладе генерал Баньди, возглавлявший маньчжуро-китайские войска в Джунгарии в 1755 г.: "Казахские кочевые издревле находились на северо-западе Или. Впоследствии многие (казахи-К.Х.) постепенно перекочевали на северо-восток. Или на Иртыше снова имеют (их пастбища-К.Х.) по соседству с пастбищами Амурсани." 13) Амурсана был одним из претендентов на джунгарский престол и пользовался поддержкой казахских феодалов, особенно Среднего жуза. Из приведенного сообщения цинского генерала видно, что казахи постоянно обитали в долине р. Или, и к 1755 г. имели кочевья в верховьях Иртыша. Во время краткого (не более двух лет) правления в Джунгарии Даваца-соперника Амурсани, подвластные ему кочевья в долине реки Боротала также находились по соседству с казахскими. Об этом упоминается в императорском указе от 5 января 1757 г.¹⁴⁾ данном в связи с подготовкой вторжения в кочевья Аслая после разгрома цинскими войсками Амурсани. О соседстве ойратских и казахских кочевий говорится и в рукописи Н.Я. Вичуркина (изданной в Чебоксарах), которая содержит отрывочный перевод о кочевьях Даваца и Амурсани в Тарбагатае.¹⁵⁾ Кошвенным свидетелем усиления влияния казахов в Семиречье могут служить и данные цинских военачальников о набегах отрядов казахских феодалов на кочевья Даваца и его сторонников. Эти набеги совершались во все наиболее обитаемые районы по долинам р. Или (район совр. Кульджи), Боротала, Эмль, в верховьях Иртыша. Ойраты, бежавшие из казахского плена, сообщали цинским чиновникам: "... в Или все подвластные Даваца люди от самых простых до тайджи не знали ни одного дня покоя".¹⁶⁾ В другом месте, в верховьях Иртыша и Эмль набеги казахов подверглись кочевья некоего Цибахани.¹⁷⁾ Такая же обстановка была и по р. Боротала, между Или и Монгольским Алтаем.

Совершали ли набеги казахских феодалов по их собственной инициативе и ойраты служили им проводниками, либо ойраты использовали казахов в качестве наемников — сказать трудно. Цинские же источники сообщают, что набеги совершались по подстрекательству Амурсани, хотя и приводит факты о том, что в 50-х гг. казахи были главными соперниками цинского Китая в Джунгарии. Как известно, цинскому

двору не удалось подорвать союз Амурсаны с феодалами Старшего и Среднего жузов, особенно с султаном Аблаем. Возможно поэтому они уже в 1755 г. объявили казахам о своих претензиях на все джунгарские земли. Казахские же феодалы добились к этому времени возвращения Семиречья и играли не последнюю роль в джунгарских делах. Решающие бои казахских отрядов, боровших на стороне Амурсаны против маньчжуро-китайских полчищ в 1755-1758 гг., происходили в Или, Тарбагатае и Хоргосе.

После захвата цинскими войсками Джунгарского ханства феодалы Среднего жуза продолжали вести борьбу за зимовки в Джунгарском Алатау и Тарбагатае. Более того, они пытались завладеть и ойратскими кочевьями, опустевшими после кровавой расправы маньчжуро-китайских войск над местным населением.

Еще до падения Джунгарского ханства цинское правительство рекомендовало пограничным властям не позволять кочевникам занимать плодородные земли, пригодные к земледелию. Казахам же особенно дороги были зимовки в Тарбагатае, так как там издавна занимались они хлебопашеством.¹⁸⁾

Обстановка в Монгольском Алтае была для казахов более благоприятной, т.к. здесь они могли рассчитывать на поддержку русского правительства. Население Монгольского Алтая во второй половине XVIII в. было смешанным, здесь располагались тувинцы (урянкайцы), алтайцы, монголы, казахи. На правой стороне Иртыша постепенно селились русские крестьяне. Царское правительство разрешало им свободно переселяться в Верхнее Прииртышье, причем на первых порах освобождало их от всяких податей и повинностей.¹⁹⁾ Одновременно с освоением правобережья Иртыша русскими поселенцами шло расширение казахских кочевий на левой, степной стороне этой реки. В целях противодействия России и Среднему жузу на территории Монгольского Алтая цинский двор в 1760 г. одобрил перекочевку туда тувинского владетеля Чадакэ, перешедшего к нему на службу в период борьбы с Джунгарским ханством. Подстрекаемый цинскими властями этот владетель организовывал набеги на тувинцев и казахов, принявших подданство России.²⁰⁾

Во второй половине XVIII в. через Монгольский Алтай в Китай проезжали посланцы султана Аблая. Это давало основание полагать, что здесь были подвластные казахам кочевья.

Что касается опустевших ойратских кочевий в Джунгарии, то царское правительство считало допустимым откочевку туда некоторых родов Среднего жуза, будучи уверенно в их лояльности.²¹⁾

По мере усиления военно-административной власти на захваченной у ойратов территории, получившей название Синьцзян, а также в ходе торгового обмена с казахами цинский двор получал все более точные сведения о местах их расселения. В грамоте императора от 9 июля 1760 г. сообщаются интересные данные о расселении казахов в Семиречье по течению рек Каратал, Коксу, в Алтын-Эмеле, а также в Барлык и Тарбагатае. Поступили в Пекин сведения и о кочевьях казахов по течению р. Лепса и к западу от нее - Хоргоса.²²⁾ у Лепсы находились тогда кочевья владетеля Среднего жуза Кожабергена, принимавшего участие в антицинской борьбе ойратов.

С 1760 г. цинские власти начали создавать в Синьцзяне опорные пункты, которые по мнению известного военачальника Агуя (1717-1797) должны были заставить казахов "сжаться", т.е. сократить маршруты кочевок.²³⁾ Уже в ходе изучения пограничной обстановки, бесед с некоторыми родовыми старшинами и правителями этот цинский сановник убедился, что добиться данной цели будет нелегко.

В 60-х гг. XVIII в. цинское правительство приступило к колонизации Синьцзяна. Сюда стали прибывать ссыльные китайцы, земледельцы - уйгуры и ойраты, уцелевшие во время недавних кровавых событий. Заинтересованные в людской силе, цинские власти щедро расплачивались с казахами за невольников-ойратов, возвращавшихся в родные места. Среди возвратившихся в Синьцзян ойратских владетелей были и родственники либо доверенные лица казахских феодалов, которые поддерживали с возвращенцами связь через торговцев. Селясь в Синьцзяне отдельными аулами, эти люди сообщали в Казахстан о событиях на западной окраине Китая, о подготавливаемых набегах цинской пограничной стражи.

Цинские источники свидетельствуют о том, что попытки пограничных властей выдворить казахов из Синьцзяна не дали желаемого результата. О трудностях осуществления надзора над ними говорилось, например, в императорском указе от 3 марта 1779 г. Для того, чтобы легче было контролировать приезд казахов на сезонные кочевья в Синьцзян и их откочевки в Казахстан, цинское правительство решило взимать с них налог за пользование зимними пастбищами.²⁴⁾ Со ста голов каждого вида скота предписывалось брать по одной единице. Некоторые же источники говорят о налоге с табуна в 1000 голов. Об этом налоге писали капитан И.Г.Андреев — со слов самих казахов и Н.Я.Бичурин — на основании переведенных им китайских материалов. Следуя официальной китайской терминологии, русский востоковед называл этот налог "данью".²⁵⁾

Взимать налоги было нелегко, т.к. казахи считали несправедливым брать какие-то налоги за траву, которая растет по "воле аллаха". В целях усиления военного контроля цинские власти на границе с кочевьями казахов расквартировали гарнизоны своих войск (чахаров, солонов, сибо и ойратов). Каждому гарнизону были приданы постоянные и временные пикеты. Гарнизону чахаров, охранявшему линию от левого берега Иртыша (в его верховьях) до Тарбагатая, подчинялось 20 пикетов (калуей). Гарнизону солонов, охранявшему участок от Тарбагатая до р. Или (в его среднем течении) — 8 пикетов, гарнизону сибо в Илийской долине — 17 пикетов, а гарнизону ойратов, охранявшему линию от р. Или до Восточного Туркестана, подчинялось 25 пикетов.²⁶⁾ Фактически же действовали не более 30 пикетов, расположенных на главных переходах из Синьцзяна в Казахстан. Расстояние между пикетами было от 20 до 70 километров. Из-за сложных условий рельефа маньчжуро-китайские отряды не всегда могли помешать казахам занять свои сезонные кочевья в Синьцзяне.

Иногда казахские баи перегоняли в Синьцзян на зимние пастбища только табуны лошадей, оставляя баранов и другой скот в своих аулах. Тесные связи казахов — подданных России со своими сородичами, проживавшими на территории Синьцзяна, поддерживались и после определения границы между Россией и Цинской империей в конце 60-х годов XIX в.

Изучение проблемы расселения казахов в XVIII в. показывает, что казахи в то время имели кочевья в районах Северной Джунгарии (составивших впоследствии северо-восточную часть провинции Синьцзян), а также в Монгольском Алтае. Эти кочевья располагались в близком соседстве и попеременно с ойратскими и тувинскими кочевьями. Об этом свидетельствуют как этнические, так и политические контакты этих народов, зафиксированные в цинских источниках.

Примечания

1. Н.Я.Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I-3, М.-Л., 1951-1953; его же, Собрание сведений по исторической географии Восточной и Средней Азии, Чебоксары, 1960.
2. Юнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, М., 1961; В.С.Кузнецов, Экономическая политика цинского правительства в Синьцзяне, М., 1973 и др.
3. Н.Я.Бичурин. Собрание сведений по исторической географии, стр. 569-573 (здесь султан Аблай ошибочно назван Абдуллой; Улук-Юнцзи (каз.Улы жуз-Старший жуз) передан как топоним и т.д.).
4. Казахско-русские отношения в XVII-XVIII вв. (Сборник документов и материалов) (далее — КРО), Алма-Ата, 1961, док. №50, стр. 107-108.
5. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений, т. I, Алма-Ата, 1961; История Казахской ССР, т. I, 1957, стр. 235.
6. "История Казахской ССР", т. I, стр. 235-136.
7. КРО, док. № 97, стр. 204.
8. КРО, док. № 87, стр. 201.
9. Там же, док. № 97, стр. 231.
10. См.: Аполлова Н.Г., присоединение Казахстана к России, Алма-Ата, 1948.
11. КРО, док. № 112, стр. 289.
12. Там же.
13. "Циньдин пиндин чжуньгээр фанлюе" (алэн-бянь) "Высочайше утвержденное описание умиротворения джунгар" (основные записки), б.м., 1771, цз. 8, л. 13 (далее — ЦПЧФ).
14. Там же, цз. 34, л. 2.
15. Бичурин Н.Я. Собрание сведений по исторической географии..., стр. 553.
16. ЦПЧФ, цз. 6, л. 13.

17. Там же, цз.39, л.10.
18. И.Г.Андреев, Описание Средней орды киргис-кайсаков с принадлежащими и касающимися до сего народа дополнениями, прилегающих к Российской границе Сибирской линии по части Кольванской и Тобольской губернии и крепостям, 1785.
19. Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI - первой половине XIX в., М., 1976.
20. К.Ш.Хафизова. Из истории казахско-китайских отношений в 60-х годах XVIII в. Восьмая научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы и доклады, вып.1, стр.255-230, М., 1977.
21. Архив внешней политики России (далее АВПР), ф.122 (Киргис-кайсацкие дела), 1758 г., д.4, л.178.
22. "Циньдин пиндин чжуньгээр фанлюе" (суйбянь) ("Высочайше утвержденное описание умиротворения джунгар") (продолжение записей), б.м., 1771, цз.8, л.3.
23. Там же, цз.14, л.20 об.
24. Да Цин Гао-цзун чунь-хуанди ши-лу (Хроника правления императора Гао-цзуна великой династии Цин), Токио, 1937, цз.777, л.8.
25. Бичурин Н.Я. Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем его состоянии, СПб., 1829; его же, Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени, СПб., 1834 - до появления этих двух работ, о "дани", выплачиваемой казахами за пользование зимними пастбищами в Синьцзяне, писал Е.Ф.Тимковский (см.: "Путешествие в Китай чрез Монголию в 1820-1821 гг." СПб., 1824).
26. Си-чуй цзун-тув ши-люе (Общий исторический очерк западной окраины) б.м., 1809, цз.9, лл.11-15.

В.С.КУЗНЕЦОВ
Институт Дальнего Востока
АН СССР

ДЖУНГАРСКОЕ ХАНСТВО В 1745-1755 гг.

Ойраты или западные монголы оставили заметный след в истории народов Центральной, Восточной и Средней Азии, Казахстана, а также сопредельных территорий. Сведения о них можно найти как на страницах летописей, так и в народных преданиях и песнях. Огромная заслуга Н.Я.Бичурина состоит в том, что он ознакомил широкого читателя с многообразными сведениями китайских источников по истории ойратов и их государства - Джунгарского ханства. Эти данные широко представлены в его труде "Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени" Это энциклопедическое в своем роде сочинение, основано на материале разноязычных источников¹, а не на данных "китайского географического сочинения, посвященного Синьцзяну", как утверждает И.Я.Златкин², один из исследователей истории Джунгарского ханства.

"Предлагаемое мною Историческое обозрение Ойратов, - писал Бичурин, - показывая происшествия, относящиеся к сему народу в истинном их виде и порядке, доставит читателям возможность безошибочно судить о разных по сему предмету мнениях писателей"³. Автор отнюдь не говорит о том, что он отдает предпочтение источникам какой-то одной языковой принадлежности, и в этом, как нам кажется состоит одно из объективных достоинств его труда. Поэтому представляется априорным нижеследующий вывод И.Я.Златкина, который он выводит из приведенного выше суждения русского востоковеда: "Как видим, автор исторического обозрения ойратов видел в трудах китайских авторов эталон истины"⁴. Содержание исторического труда Н.Я.Бичурина убеждает в том, что известный "хинезист" не подходил с "китайским эталоном" к изложению истории ойратов. Действительные отношения Бичурин к разноязычным источникам наглядно раскрывают следующие строки "...внутренние происшествия их (ойратов - В.К.) от Эсэня до Хара-Хулы в продолжение 150 лет мало

экономический организм ойратского государства. Война с Китаем за Халху, длившаяся два года (1731-1732 гг.), не принесла Галдан-Церину желаемого результата. Воспользовавшись его борьбой с Цинской империей, казахские отряды вторгаются в джунгарские владения. Ответная акция Галдан-Церина в отношении казахов встречает противодействие царского правительства, которое не было заинтересовано в чрезмерном усилении Джунгарского ханства.

В условиях, когда возможности обогащения за счет внешних грабежей для ойратской военно-феодальной верхушки сузились, она усиливает эксплуатацию рядовых соплеменников. Это в свою очередь обострило внутренние противоречия в ойратском обществе.

Со смертью Галдан-Церина Джунгарское ханство переживает глубокий внутрисполитический кризис.

Объединение ойратских уделов, каковым являлось Джунгарское ханство, раздираемое борьбой знати за верховную власть, теряет свою стабильность.

Ханский трон унаследовал сын Галдан Церина - юный Цеван-Доржи Намжал. Подростку - хану больше было по вкусу убивать собак, чем заниматься государственными делами. Жестокие расправы, которые он чинил над родовой знатью (по ложному доносу он заточил в тюрьму собственную сестру Олон-Бойр, обвиненную в притязаниях на престол) привели к тому, что в 1750 г. Намжал был убит своим зятем Сайн-Белеком при поддержке Лама-Даржи, побочного брата Цеван-Доржи Намжала. Когда на трон вступил Лама-Даржа, против нового хана, являвшегося сыном наложницы, выступили Даши-Дава, сын младшего Церин-Дондоба, хойтский тайджи Амурсана и его брат хойтский тайджи Банжур. Они хотели провозгласить ханом малолетнего Чеван-Даши, сына Галдан-Церина, надеясь, видимо, в этом случае стать фактическими правителями государства. Однако Лама-Даржа опередил своих противников, убив Даши-Даву и Чеван-Даши. Спасаясь от расправы, в 1751 г. Амурсана бежал к казахам. Ему удалось увлечь за собой и Дабачи (по китайским источникам Даваци), внука старшего Церин-Дондоба, которому была внушена мысль, что и его не минует месть Лама-Даржи.

Осенью 1751 г. Амурсана, его брат Банжур и Дабачи

нашли прибежище у казахов Среднего жуза.

Внутренние смуты в Джунгарии создали новую внешнеполитическую ситуацию для казахских владетелей Младшего и в особенности Старшего и Среднего жузов. Территория двух последних непосредственно примыкала к джунгарским владениям. При Галдан-Церине Казахстан подвергся ряду опустошительных походов ойратских войск. Галдан-Церин покорил Старший жуз, а от владетелей Среднего и Младшего жузов добился присылки заложников. Теперь же, когда в Джунгарском ханстве вспыхнули междоусобицы, перед казахскими старшинами открылась возможность держаться более независимо и даже нападать на ойратские улусы.

Создавшейся обстановкой не преминул воспользоваться один из наиболее изворотливых владетелей Среднего жуза султан Аблай. Амурсана и Дабачи нужны были султану как средство поддержания междоусобной борьбы, развернувшейся в Джунгарском ханстве.

Но будучи достаточно хитрым политиком, Аблай поначалу не решился пойти на открытый конфликт с Лама-Даржей. Султан отправлял к нему послов с заверениями, что Дабачи и Амурсана прибыли к казахам по собственному почину, и казахские владетели отнюдь не намерены поддерживать их против правителя Джунгарского ханства - хунтайджи. Таким образом султан надеялся рассеять вполне обоснованные опасения джунгарского хана с тем, чтобы потом при благоприятных обстоятельствах использовать в своих интересах ойратских князей. Однако Лама-Даржа решительно потребовал выдачи беглецов, одновременно приказав собирать войска против казахов Среднего жуза "для сыску бежавших нойонов". Аблай, не решаясь единолично выступить против джунгарского хана, все же настоял на созыве съезда султанов и старшин Младшего, Старшего и Среднего жузов, который состоялся в 1752 г.

На съезде обнаружилось разногласие. Значительная часть старшин стояла за выдачу Дабачи и Амурсаны, чтобы не доводить дело до войны. Аблай предлагал не выдавать и в конечном счете его мнение взяло верх. Отказ выдать Дабачи и Амурсану съезд мотивировал существованием у казахов обычая предоставлять убежище всем беглецам.

Казахский обычай запрещает выдавать даже собак, бежавших от своих хозяев — с таким ответом 21 августа 1752 г. вернулся в ставку Лама-Даржи его посол, ездивший к казахам. Вслед за этим 9 сентября хан отдал приказ готовиться к выступлению на казахские кочевья Среднего жуза, чтобы опередить выступление Амурсаны и Дабачи. Лама-Дарже нужно было спешить: к Дабачи и Амурсане бежали их сторонники, а оставшиеся в Джунгарии лишь ждали сигнала к выступлению.

Лама-Даржа послал в казахские кочевья несколько тысяч воинов под началом Сайн-Белека и Шадыра. Джунгарские войска напали на аулы ушинского, найманского керейского родов, захватили много скота и до 3 тыс. пленных. Схватить же Дабачи и Амурсану не удалось.

Обстановка в казахской степи была весьма тревожной. Ходили слухи о новом вторжении джунгарских войск численностью в 30 тыс. чел. Часть казахских родов откочевало на восток, многие бии ходатайствовали перед русскими пограничными властями о разрешении прикочевать к Уйской линии. Некоторые старшины, как Кулсара, Куляка склонны были даже к тому, чтобы отправить Дабачи и Амурсану в Оренбург.

Как же повел себя в этих условиях султан Аблай, которому принадлежала инициатива в укрывательстве бежавших ойратских князей? Он не намеревался складывать оружие. На всякий случай, султан, правда, просил у оренбургских властей разрешения кочевать по р. Ую, вблизи русских укреплений. Но в то же время воспротивился попыткам русской администрации принять под свое покровительство Дабачи и Амурсану. Представитель оренбургских властей капитан Яковлев убеждал Аблая вернуть назад Дабачи и Амурсану, покинувших Средний жуз для нападения на ставку Лама-Даржи, заверяя, что в лице русских войск казахи найдут защиту в случае вторжения воинов Лама-Даржи. К этому предложению Аблай отнесся весьма холодно, ибо оно оставляло султану меньше возможностей в оказании влияния на ход дел в Джунгарии. По этой же причине султан не внял совету Яковлева воздержаться от похода в Джунгарию. Аблай не желал активного участия России в джунгарских делах, рассчитывая единолично воспользоваться всеми выгодами, которые в случае успеха могло бы дать предприятие Дабачи в Амурсане. Сам по себе поход в Джунгарию сулил добычу в виде

скота и пленных, а в случае ниспровержения Лама-Даржи султан мог в праве рассчитывать на определенную компенсацию от Дабачи и Амурсаны. В случае же неуспеха Аблай надеялся воспользоваться предложением русских властей направить их в Оренбург и положиться на Россию.

Готовясь к войне против Лама-Даржи, Аблай для поднятия духа соплеменников распускает слух, что якобы Дабачи и присоединившиеся старшины баклы-керейского рода Ходжаберген, Кочкарбай и Дусумбет, преследуя ойратские войска Сайн-Белека и Шадыра, отбили часть добычи. Одновременно Аблай спешит с походом на Джунгарию.

17 октября султан прибыл к реке Убаге, где его ждали 300 казахских воинов. Отсюда он намеревался перекочевать к р. Тургаю и затем, соединившись с отрядами бытыра Букенбая и Даут-тархана, выступить в поход.

Имеющиеся в нашем распоряжении сведения не позволяют воссоздать во всей полноте и последовательности дальнейший ход событий.⁹ Однако, с уверенностью можно сказать, что казахские старшины, и в первую очередь Аблай в той или иной форме способствовали ниспровержению джунгарского хана Лама-Даржи. Извещая о его гибели, Дабачи через специальных послов заверил Аблая в своей дружбе и признательности, при этом обещал освободить всех казахов, находившихся в плену у джунгар. Такова была та цена, которую заплатил Дабачи Аблаю за его содействие в борьбе с Лама-Даржей.

Ниспровержение Лама-Даржи не привело к стабилизации обстановки в Джунгарском государстве. Как только ханом был провозглашен Дабачи, на ханский трон заявил свои права сперва Немеху (сын Шарн-Манжи), а потом Галдан-Дорчжи и Немеху-Жиргал, внук младшего Церин-Дондоба. В разгоревшуюся междоусобную борьбу вмешался Амурсана. Разгромив сторонников Немеху-Жиргала и Галдан-Дорчжи, он способствовал воцарению Дабачи.

Аблай тоже не остался праздным свидетелем этих бурных событий, выступив на стороне Дабачи. Но положение Дабачи оказалось весьма неустойчивым. Вскоре против него сложился союз трех тайпиди: хойтского — Амурсаны, хошотского — Банжура и дэрбэтского — Немеху. Инициатива же в нем принадлежала Амурсане.

Стремясь во что бы то ни стало ниспровергнуть Дабачи, Амурсана обратился за помощью к султану Аблаю. Испытывая нехватку в средствах передвижения и провианте, хойтский тайджи просил лошадей, верблюдов и баранов. Когда же Аблай за определенную мзду прислал просимое, Амурсана предложил ему участвовать в совместном выступлении против Дабачи.¹⁰ Очевидно, долго упрашивать себя Аблай не стал, и казахские отряды нападают на подвластные Дабачи улусы. Так, в биографии хошотского князя Нагэчи говорится: "Нагэча, спасаясь, следом за Амурсаной и Банжуром откочевал на Иртыш. Они совершили казахских воинов совершать грабежи в джунгарских пределах."¹¹

Таким образом, как и прежде во время конфликта Дабачи и Амурсаны с Лама-Даржей, так и теперь, при столкновении Амурсаны с Дабачи, Аблай стал поддерживать одну из враждующих группировок. Продолжение междоусобицы в ойратском ханстве было на руку султану Среднего жуза.

С зимы 1753 г. завязалась упорная борьба за трон ойратского хунтайджи. Объединенные силы Амурсаны, Банжура и Немеху, поддержанные казахами, вторгаются в Или, владение хана Дабачи. Однако коалиция трех тайджи потерпела поражение. Предотвратить это не смогла и помощь Аблая. Возглавляемый им отряд в бою с людьми Дабачи был разгромлен. Тем не менее султану удалось как-то вознаградить себя за неудачу: разграбив на обратном пути ойратские улусы, он захватил богатую добычу.

За событиями в Джунгарском ханстве внимательно следили в Пекине. В 1754 г. произошло столкновение между отрядом зайсана Сарала, переметнувшегося на сторону Цинского дома, и сторонниками Дабачи. Очевидно, для предотвращения вторжения цинских войск, был пущен слух, что Дабачи уже примирился с Амурсаной и что 50 тыс. казахов, помогавших последнему, уже ушли назад.

Это известие было тщательно изучено в Пекине. "По нашему мнению, все это — абсурд. Нельзя полностью верить этому — говорилось в указе императора от 1 июня 1754 г., — казахи живут законами природы, притом не имеет единого правителя. Как бы там ни было, они не могут сразу собрать столько воинов — до 50 тыс. чел. Слова о том, что Дабачи с Амурсаной уже примирились и пребывают в согласии, тоже недостоверны.

Ясно, что джунгары и урянхайцы запугивают нас, чтобы мы не двинули войска преследовать их.¹²

Оказавшись не в состоянии противостоять Дабачи, осенью 1754 г. Амурсана, Банжур и Немеху со своими людьми откочевали на восток. Они запросили помощи у цинского императора Хун-ли, для которого открылся благоприятный момент покончить с Джунгарским ханством с помощью бежавших от Дабачи князей. В своем манифесте Хун-ли представил войну с Джунгарским ханством как поход с целью возвращения на прежние кочевья ойратов, бежавших от притеснений со стороны Дабачи, а также для наказания последнего, как узурпатора и насильника.

В марте 1755 г. разноплеменные войска под командованием маньчжурских военачальников двинулись в Джунгарию. В авангарде шли ойратские отряды по началом Амурсаны и зайсана Сарала.

В то время, как с востока на Джунгарию наступали цинские войска, обстановка на территории, контролируемой Дабачи, была весьма напряженной. Распри между ним и некоторыми ойратскими феодалами, считавшимися его подданными, не прекращались. Отдельные джунгарские старшины, войдя в союз с казахским султаном Аблаем, нападали на кочевья подвластных Дабачи родов. Так, например, в конце 1754 г. старший брат Амурсаны Бадма-Церин, Эринчин и Аблай во главе более 10 тыс. ойратских и казахских воинов разграбили джунгарские улусы по реке Боротала.¹³

Немалые опасения у Дабачи вызывал и объявившийся в казахских кочевьях некий Баран или "казах Баран", как он еще именовался в официальных цинских документах.¹⁴ Баран выдавал себя за младшего брата Галдан-Церина. Вероятнее всего, это был всего навсего самозванец. В частности, его родство с покойным ханом отрицали Амурсана и некоторые другие ойратские вожди. Более того, Амурсана, будучи осведомленным об обстановке в казахских кочевьях, доказывал, что там вообще не существовало человека с подлинным именем Баран. Но все это не мешало "казаху Барану" совершать налеты на кочевья Дабачи. Трудно определенно утверждать, что он действовал заодно с Бадма-Церином и Эринчином. Однако есть некоторые об этом данные. "Грабежи у джунгар полностью не кончились, — указывалось, в частности, в указе Хун-ли от

8 июня 1755 г. — снова подвластные Дабачи были ограблены Бадма-Церином и казаком Бараном".¹⁵ Очевидно, не подчинившиеся Дабачи ойратские старшины использовали мнимого брата Галдан-Церина как законного претендента на трон джунгарского хана для сплочения всех недовольных Дабачи.

В то время, как Дабачи боролся с мятежной ойратской знатью, объединявшейся с казахскими владельцами, кашгарские ходжи Бурхан ад-Дин и Ходжа-Джихан, находившиеся в качестве заложников у джунгар, ждали момента, чтобы поднять здешних уйгуров против Дабачи. (Тогда их проживало в Илийском крае несколько тысяч семей. Предки их были переселены сюда из Кашгарии для обработки земли при хане Цэван-Рабтане, который закрепил джунгарское господство над Восточным Туркестаном).

Вторжение цинских войск в Джунгарию застало Дабачи врасплох. Причиной тому были не беспробудное пьянство и распутство, как явствует из сочинения цинского историка Вэй Юэня, а борьба с казахами, которых приводили Бадма-Церин и Эринчин. Ойрат Мындухашиха (человек Амурсана), в частности, сообщал: "... Великая армия движется, чтобы уничтожить Дабачи и его сторонников. Дабачи еще не знает об этом. Сейчас намеревается пойти против казахов. Собрал несколько тысяч воинов в местности Эби-нор. Приказал хойтскому тайджи Хэтунамогэню возглавить".¹⁶ Это свидетельство подтверждал и зайсан Цибахань: "Во 2-й луне нынешнего года (в марте 1755 г. — В.К.), Дабачи в связи с выступлением в карательный поход против казахов, приказал 5 цзисаям¹⁷ выставить 5 тысяч воинов".¹⁸

Вместе с тем столкновения с цинскими войсками явились неожиданностью для Дабачи и потому он поспешил отправить послов в Пекин с целью предотвращения войны. Однако послы Дабачи не достигли столицы Китая, т.к. в начале пути их перехватил авангард цинских войск.

Донесения, поступающие в Пекин с конца февраля до начала марта, свидетельствуют о интенсивных нападениях враждебных Дабачи ойратских князей и казахских предводителей, Батма-Церин, Эринчин с казахскими воинами действовали в Цире в окрестностях Бороталы. Казахы захватили склады с

зерном в Или и увели в плен местных жителей — уйгуров. В указе Хун-ли от 9 марта 1755 г. приводилось свидетельство ойрата Эньдаши, что казахи опустошили все ойратские улусы от Цира до Или.¹⁹

Налеты казахских отрядов, действовавших совместно с враждебными Дабачи ойратскими феодалами, внушали цинскому двору тревогу за судьбу его владений. "Очевидно, силы Дабачи истощились, у джунгар полный развал, — писал император 1 марта 1755 года членам Цзюньцзичу,²⁰ Если войска не будут быстро продвигаться, тогда казахи, благодаря счастливой возможности смогут поживиться".²¹ Видимо, в данном случае речь шла о возможности занятия казахами ойратских кочевий, а такая перспектива отнюдь не устраивала цинский двор. Расширение пределов империи было одной из причин, побудивших его на вторжение в Джунгарию. Вместе с тем, поначалу маньчжурский император проявлял некоторые опасения относительно возможного столкновения с казахами в случае вступления его войск в Илийскую область. Об этом свидетельствует следующая выдержка из указа от 5 марта 1755 г.: "Ныне Или — близкая местность. Если наши войска туда продвинулись, то может статься, что они встретят там казахов. Как тогда поступать? Повелеваем Баньди и Амурсане совместно обсудить и быстро доложить".²² Такая осторожность в определенной мере объяснялась отсутствием у цинского правительства исчерпывающих данных о казахских отрядах, расположенных вблизи джунгарских владений. В конечном же счете оно склонялось к мнению, что "силы казахов не очень велики".²³

Полученное вскоре известие о поражении, понесенном казахами и Бадма-Церином от Дабачи (хотя оно поначалу и ставилось под сомнение), побудило цинский двор форсировать занятие Илийской области. Император Хун-ли опасался, что разгром не обезкуражит казахов, и они не замедлят взять реванш. Это было чревато осложнением обстановки в Джунгарии. Цинское правительство также опасалось, что Дабачи может попасть в руки Бадама-Церина или действовавших с ним руке об руку казахов. С самого начала, не питая доверия к Амурсане, цинское правительство тревожилось, что с поиской Дабачи Бадма-Церином у Амурсана возникнут "своевольные намерения".²⁴

Они, в частности, могли проявиться в убийстве Дабачи, что не входило в расчеты маньчжурского богдыхана.²⁵ Не исключено, очевидно, было и то, что поимку Дабачи Бадма-Церином Амурсана мог использовать для того, чтобы запросить с Цинов больше обещанного или предпринять нежелательные комбинации.

Получив сообщение о разгроме Дабачи казахов и Бадма-Церина, Хун-ли следующим образом излагал перед членами Цзюньцзичу создавшуюся обстановку (указ датирован 9 апреля 1755 г.). "... Если силы казахов хоть немного увеличатся, (тогда) смогут схватить Дабачи. Поэтому во время наступления наших войск следует заблаговременно изыскать способ противодействовать в этом казахам.

В настоящее время они еще не захватили Или. Давно уже отступили после поражения. Наши войска наступают и истребляют людей Дабачи. Поэтому все это чрезвычайно облегчает успех..."²⁶

Короче говоря, складывалась весьма своеобразная обстановка. С одной стороны, нападения казахов и Бадма - Церина на владения Дабачи обескровливали его силы и потому были наруку цинскому командованию. С другой, - временный успех Дабачи упрощал Цинам задачу овладения Илийской областью, поскольку уменьшилась вероятность столкновения там с казахами. "Наступать, наступать и наступать!" - такой приказ отдает император Хун-ли, исходя из создавшейся ситуации.²⁷

В войне Цинов с Дабачи казахи явились своего рода третьей силой, с которой приходилось считаться обеим сторонам. Весьма примечательно, что наличие ее пытались по-своему использовать приверженцы Дабачи. Так, в начале апреля 1755 г. командующий экспедиционными силами Баньди докладывал трону о следующих показаниях пленного урянхайца Борбая: "Ныне Дабачи послал 4 тыс. воинов, которые вместе с 3 тыс. казахских воинов прибыли на Алтай. Урянхайский зайсан Бучжукэ также наступает с войсками..."²⁸ Это сообщение о совместном выступлении казахов и воинов Дабачи в Пекине расценили как уловку сторонников Дабачи. "Слова Борбая - ложь, - писал император Хун-ли, - Бучжукэ - приближенный Дабачи. Поэтому ложно распускает слухи, чтобы, преувеличив силы, задержать продвижение наших войск".²⁹

День спустя Хун-ли вновь вернулся к этому вопросу. "Мы думали о сказанном Борбеем: 3 тыс. казахских воинов совместно с 4 тыс. войска Дабачи прибыли, - писал император членам Цзюньцзичу (указ от 12 апреля 1755 г.). - Казахские воины, - возможно, воины, которых возглавляют казах Баран и Бадма-Церин, как говорил ранее перешедший на нашу сторону Кубань. Если действительно так, то тогда какой же резон Бадма-Церину, который является старшим братом Амурсаны, изменив Амурсане, объединиться с Дабачи? Эти слова Борбая совершенно безосновательны."³⁰

На этот раз Хун-ли оказался прав: при вступлении цинских войск в пределы Или казахи там действительно находились. Не примкнув к Дабачи, они ограбили здешних земледельцев-уйгур и ушли.

Участие казахских владетелей в междоусобицах, имевших место в Джунгарском ханстве, объективно содействовало его падению. В этом отношении примечательно суждение И.П. Шангина: "Он (Аблай-В.К.) способствовал также китайцам в изгнании калмыков в 1755 году из Зюнгари..."³¹

Сдержать продвижения войск Хун-ли Дабачи не смог. В июне 1755 г. обе цинские армии, направленные в Джунгарию, соединились на р. Боротола, в непосредственной близости от ставки Дабачи. Он было разослал зайсанов собрать ополчение, но они были схвачены в пути. Сам Дабачи попытался закрепиться в горах Гедун-Палур (на левом берегу р. Албан, притоке р. Текес), но ночная вылазка цинских лазутчиков заставила его бежать. Вслед за ним к бекам Аксу и Уч-Турфана были посланы доверенные люди Амурсаны, которые везли приказ с требованием охватить и выслать Дабачи, если он там появится. В г. Уч-Турфана Дабачи был схвачен беком Ходжа-Сы (Хочзисн) и выдан маньчжурскому командованию. Так кончилось правление последнего джунгарского хана.³²

Примечания

1. Судя по отсылкам, И.Н. Бичуриним были использованы: русские архивные материалы, "Станное уложение Бату-хунтайды" (50); "Сибирская история" И. Фишера (68, 64); А. Лешин "Уведомление о бывшей войне у китайцев с киргизами" (88); А. Лешин, Описание киргиз-кайыпских или киргиз-кайыпских орд и степей. СПб., 1882 и др.
2. И.Н. Влаткин, История Джунгарского ханства, М., 1964, стр. 5.
3. Историческое обозрение обротов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Сочинено монахом Иакинфом. СПб., 1884, стр. 5.
4. И.Н. Влаткин, "История Джунгарского ханства", стр. 6.
5. Историческое обозрение, стр. 22.
6. Там же, стр. 60.
7. Там же, стр. 7.
8. И. Фишер, например, пишет, что в 1643 г. обротекий хан Бату-хунтайда в 50 тысяч воюющих напал на казахского хана Батур-хунтайда. Последний, имея не более 600 человек, разгромил Бату-хунтайду до 10 тысяч калмыков. "Это чистая киргиз-кайыпская (казахская = В.К.) сказка", — с обоснованием заключает Бичурин = "Историческое обозрение...", стр. 55.
9. По указанию А. Лешина, посланного на донесение капитана Яковлева, Аблай шел "вслед за Амурсаном в Лобачев" (т.е. Дабачи = В.К.) врататься в Монголию" (А. Лешин, указ. соч. ч. II, стр. 210). Действительно, Аблай действовал одновременно с Амурсаном и Дабачи. Последний после отхода войск Сянь-Белэка и Шадири находился в землях кочевых рода Фанди-керей, которые всего ближе располагались от джунгарских владений, Дабачи при поддержке казахов предпринял вылазку, не дожидаясь вступления Аблая, см.: П.И. Гичков. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1867, стр. 28. Сюда же вероятно приводил и помощник командующего армией халхаский князь Цингуньжаб: "... немалой частью Дала-Даржа отпирала войска к казахам покарать Дабачи. Его (Дала-Даржа = В.К.) воины, изменив, объединились с Дабачи и, войдя в союз с казахскими воинами, оккупировали Дала-Даржу". См.: Да Цин Гао-цаун Чунь-хуань шилюэ, Токио, 1907-1908, т. 1, стр. 14а, (Далаэ = Цин Гао-цаун). Однако в некоторых китайских источниках по-прежнему излагается обстоятельство гибели Дала-Даржи. По данным Чунь Юань и Вэй Юань, Амурсана оккупировали в Джунгарии раньше Дабачи, см.: Чунь Юань шилюэ (Вэй Юань), 1772, т. 1, стр. 31а; Вэй Юань, Ши у цзи т. 1, стр. 31а. Прибыл в Тарбагатай, где было его прежнее кочевье, он убил хойтского тайши Шадири, своего старшего родственника, и вывел в подвластную толу людей, с 1600 воинов Амурсана вторгся в Илийский край и при поддержке некоторых

- обротекских феодалов убили Дала-Даржу (13 января 1788 г.). После этого здесь появились Дабачи. Составители же "Чунь-юань Шилюэ ши-люэ" Гонорет в единственном вторжении воинов Амурсана и Дабачи в Илий и усидели Дала-Даржу. См.: "Чунь-юань Шилюэ ши-люэ", С.М. 1821, т. 1, стр. 110.
10. И.Н. Влаткин, Русские архивные материалы об Амурсане, = Филателия и истории монгольских народов, М., 1968, стр. 296.
11. Сэй Сун, Сэй шуйдао цзи, С.М. 1828, т. 1, стр. 276.
12. Цин Гао-цаун, цз. 482, стр. 12 аб.
13. Сэй Сун, Указ. соч., т. 1, стр. 266 = 27а. По предположению И.Н. Влаткина, к моменту вступления китайских войск между Дабачи и Асином установился мир и прекратились военные действия. См.: И.Н. Влаткин, Русские архивные материалы об Амурсане, стр. 297. В свете приведенных нами фактов предположение И.Н. Влаткина выглядит недостаточно убедительным.
14. В документах рассматриваемого периода часто упоминается Баран, сын перешедшего на сторону китайского двора обротецкого владетеля Барин-Мунго. В 1784 г. во время предпринятого на аудиенцию к китайскому двору, Баран решил и перейти на сторону Дабачи, выведя на кочевья обротецких феодалов, не участвовавших в Дабачи и тех, кто несли последствия у китайских властей. Однако нет серьезных оснований считать его в числе казахских Баранов; во-первых, к нему не прилагается инициал "казах", во-вторых, нет указания, что он находился в казахских кочевьях.
15. Цин Гао-цаун, т. 1, стр. 487, стр. 96.
16. Там же, т. 1, стр. 487, стр. 216.
17. Царсай (манч.) = удел, который выделялся обротецким владетелям духовенству для его содержания. См.: Иакинф, Историческое обозрение обротов или калмыков с XV столетия до настоящего времени, СПб., 1884, стр. 160; Ци Юнь-ши, Си Чунь шилюэ, С.М. 1807, т. 1, стр. 13а.
18. Цин Гао-цаун, т. 1, стр. 487, стр. 206.
19. Там же, т. 1, стр. 461, л. 21а.
20. Цзиньцзинчу = Военный совет императора Тайного совета при китайском императоре, являлся важнейшим государственным делом, см.: А.Н. Кошкин, Цзиньцзинчу (Военный совет) и его место в политической системе китайского Китая = "Труды научной конференции "Общество и государство в Китае", Чаншань и Дунлюй, М., 1972, стр. 169-192.
21. Цин Гао-цаун, т. 1, стр. 461, л. 76.
22. Там же, т. 1, стр. 461.
23. Там же, т. 1, стр. 461, стр. 23а.
24. Цин Гао-цаун, т. 1, стр. 461, стр. 86.
25. Там же, т. 1, стр. 461, стр. 21а.
26. Там же, т. 1, стр. 461, стр. 22.

Письма Н.Я.Бичурина публиковались уже при жизни ученого, что, несомненно свидетельствовало о его популярности. Несколько писем русского китаевода использовал Н.Барсуков при написании многотомного труда, посвященного М.П.Погодину, однако в ряде случаев он искажил китайские названия, упоминаемые в переписке Бичурина с Погодиным².

Серьезный вклад в изучение эпистолярного наследия выдающегося русского ученого внес П.Е.Скачков, большой знаток истории русского китаеведения, опубликовавший 18 писем Н.Я.Бичурина, в том числе 16 из архива М.П.Погодина³. Мелкие погрешности и фактические ошибки, допущенные им при их публикации, с лихвой окупаются его заслугами в создании яркого творческого портрета русского востоковеда в советской историографии.

Если некоторым материалам личной переписки Н.Я.Бичурина благодаря публикациям П.Е.Скачкова посчастливилось увидеть свет и стать достоянием широких читательских кругов, то личным бумагам и документам, отложившимся в результате служебной и научной деятельности знаменитого востоковеда, пока приходится томиться под толстым слоем архивной пыли в ожидании исследователей. Между тем обращение к этому источнику исторических сведений могло бы пролить свет на многие мало известные страницы творческой биографии ученого, лучше представить его духовный мир и благородный облик.

Публикуемые ниже документы (из которых лишь два письма из архива М.П.Погодина известны по работам Н.Барсукова и П.Е.Скачкова) содержат некоторые новые данные о жизни и деятельности Н.Я.Бичурина в 30-40-х гг.

Внимание исследователей, очевидно привлекут выдержки из докладной записки, составленной русским востоковедом после поездки в Семипалатинск в 1832 г. В ней автор указывает на ограниченные возможности расширения русско-китайской

2. Н.Барсуков, Жизнь и труды М.П.Погодина, СПб, 1890, т. IV, стр. 125.

3. Письма Н.Я.Бичурина к М.П.Погодину" (публ.вступит.статья и примечания П.Е.Скачкова), - "Советское китаеведение", 1958, № 3, стр.141-154, "Письма Бичурина из Валаамской монастырской тюрьмы" (предисл. П.Е.Скачкова - "Народы Азии и Африки", 1962, № 1, стр.100-102.

караванной торговли с Сибирью в связи с ее полулегальным характером и предлагает свой план сбора надежных и верных сведений о ее состоянии путем посылки особого лица в Чугучак и Кульджу.

Интересны и ценны материалы, касающиеся прошения Н.Я.Бичурина в Синод относительно снятия с него монашеского сана. Как видно из приведенных документов, русский ученый сильно тяготился своим положением монаха и даже после отказа царя удовлетворить его просьбу о снятии духовного сана (указ от 20 мая 1832 г.) вновь намеревался возбудить перед ним данный вопрос.

Важное значение для изучения биографии Н.Я.Бичурина имеет его переписка с П.Л.Шиллингом, с которым русский китаевод поддерживал дружбу со времени пребывания в Валаамском монастыре.

Письма Н.Я.Бичурина к М.П.Погодину носят, как правило, деловой характер; в них русский востоковед сообщает о творческих планах, рассказывает об издании книг, делится суждениями по волнующим его вопросам.

О ценности других документов можно судить по их содержанию¹⁾

1) Автор считает приятным долгом поблагодарить Г.Н.Пескову (АВНР), С.И.Варехову (ЦГИА), З.А.Клочкову (ГАИО), Т.П.Прокопенко (ГАЧО) и многих других тружениц центральных и местных архивов за помощь в отыскании необходимых материалов. Особую благодарность выражаю руководству Историко-дипломатического управления МИД СССР: член-кор. АН СССР, проф. С.Л.Тихвинскому и В.И.Мазаеву за благожелательное отношение к данной работе. Автор благодарит также сотрудника Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР Л.И.Чугуевского за ценные советы относительно материалов, касающихся Н.Я.Бичурина, в Архиве востоковедов ЛО ИВ АН СССР.

I. МАТЕРИАЛЫ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н.Я.БИЧУРИНА В 30-х.гг.

I. Письмо Н.Я.Бичурина к П.Л.Шиллингу (28 августа 1831 г.).

"Ваше Превосходительство
Милостивый государь

Известно, что коканский хан нынешним летом отправил к нашему двору посольство, для препровождения коего в обратный путь без сомнения будут посланы чиновники с нашей стороны. В таком случае желательно, чтоб правительство назначило меня в свиту провожающих. Я нахожу сие нужным и полезным: во-первых, для того, чтоб узнать, нет ли в Кокане между пленными китайцами ученых; во-вторых, чтоб обозреть древние здания в киргизских степях, описанные в записках г.Броневского¹. Я предвижу возможность распознать, какому народу они принадлежат и приурочить время их существования к некоторым происшествиям, помещенным в китайской истории.

Часть имею быть с истинным высокопочитанием и совершенной преданностью.

Ваше Превосходительство
Милостивый государь
покорнейший слуга м.Иакинф²

август 28
1831"

АВ ЛО ИВ АН СССР, ф.56, оп.2, ед.хр.3, л.1 (автограф).

Примечания

1. См.: "Записки генерал-майора Броневского о киргиз-кайсаках Средней Орды. - "Отечественные записки", 1830, № 119, 120, 124.

2. м. Иакинф - монах Иакинф.

2. Из докладной записки Н.Я.Бичурина о русско-китайской торговле с Синьцзяном, составленной после поездки в Семипалатинск в 1832 г.

"Торговля, производимая Россией с Китаем на западных его пределах, подобна источникам, которые, перебираясь по болотистому месту, не имеют правильного течения. При довольно значительных выгодах для сибирской линии она не имеет еще основания, потому что производится без взаимных между правительствами условий и не ограждена постановлениями, которые бы силою законности обеспечивали прочность ее существования".

"Принимая в уважение, сколь необходима для поддержания сибирской линии торговля с городами Или, Чугучаком и при вершинах речки Чуи, надлежало бы привести оную в известность и, по возможности, дать ей законный и правильный ход, но недостаток полных и точных сведений о самом образе торговопроизводства не позволяет сделать нужных соображений по сему предмету... В сем отношении должно отправить при караване способного человека, который бы в состоянии был сделать правильное наблюдение над ходом нашей торговли в вышеупомянутых трех местах и доставить правительству верные сведения о точном положении оной".

"Но как невозможно в одно лето обозреть все три вышеизложенных пункта торговли, то в первое лето посетить Чугучак и Или, а по окончании торгова на зиму отправиться в Ташкент, а оттуда проникнуть в Бухару для собрания исторических материалов касательно западной части Средней Азии. Весною по возвращении из Бухары на линию, если время позволит, осмотреть развалины древних городов и зданий, находящихся в степях поблизости линии, не можно ли будет по образу строения определить какими народами они были построены. Сие тем более нужно, что некоторые из сих древних городов имеют отношение к китайской истории. По совершении сего обозрения отправиться к вершинам речки Чуи"х).

АВЛО ИВ АН СССР, ф.2, ед.хр.50, оп.1, л.,4 (автограф).

Примечание

Как явствует из архивных данных, Н.Я.Бичурин, предлагая направить человека в Синьцзян и на р.Чуя с целью ознакомления на месте с состоянием русско-китайской торговли, имел в виду себя. Об этом свидетельствует записка П.Л.Шиллинга, представленная Азиатскому департаменту в июле 1832 г. В ней, в частности, говорилось: "...весьма полезно было бы с одним из наших караванов отправить в Чугучак и Кульджу человека, знающего китайский язык, который мог бы доставить нам о сей торговле дальнейшие и основательнейшие сведения и открыть новые виды на оную. Я предложил бы на сей конец находившегося при мне монаха Иакинфа Бичурина, как человека весьма хорошо знающего не только китайский язык, но и все обычаи и законы сего странного народа. Он имеет потребную способность в обращении с азиатцами и глубокие его сведения в землепознании Средней Азии, могут принести не только торговле нашей, но и ученому свету существенную пользу". См: АВПР, ф.Биб-ка Азиатского департамента, оп.505, д.61, л.52.

Однако мечте Бичурина не суждено было осуществиться. Конкретные же предложения и советы относительно такой поездки, изложенные Н.Я.Бичуриным, впоследствии пригодились Н.И.Любимову, посетившему Синьцзян в 1845 г. См: Н.Веселовский, Поездка Н.И.Любимова в Чугучак и Кульджу под видом купца Хоросева, Спб., 1909.

3. Письмо Н.Я.Бичурина к П.Л.Шиллингу (1 марта 1835 г.).

Ваше Превосходительство
Милостивый государь

Вчера на утренней заре мы прибыли в Казань¹. До сего места я не имел времени писать к вам о нашем путешествии, Дорога от Новгорода до межи Нижегородской губернии на пространстве почти восьми сот верст — была чрезвычайно дурна. В некоторых местах даже по три верты в час не могли проезжать. Ваша повозка не выдержала дороги и на последней станции перед Казанью отпали все доски от головен, так что, пока ямщики не заметили сего, выпало несколько вещей, в числе которых находится и подарок ваш Петру Андреевичу.² Все это пропало. Починка повозки стоила 70 рублей и сегодня после полудня отправляюсь в дальний путь, который, как сказывают проезжие, до самой Перми чрезвычайно дурен. О неприятностях нашего пути не нужно и писать. В Москве мы остановились у Ивана Юрьевича Хачжикости, которым был принят весьма гостеприимно. В его доме мы нашли Иннокентия Дмитриевича, старшего брата Марфы Дмитриевны. Он собирался ехать в Петербург для свидания с своею сестрицею; из новостей кягтинских сообщил нам обстоятельные сведения о несчастном Языкове и другом происшествии, довольно странном в наш просвещенный век. Вы знаете Селенгинский заштатный монастырь, а может быть видали настоятеля сей обители игумена Израиля, который впоследствии произведен в архимандрита. Он хотя не был образован, но считался человеком умным и начитанным. В то время, как Вы находились в Кяхте, он тайно составлял новую веру, в которой восстановил древнее, по его мнению, богослужение. Христос и все другие лица, известные по истории сего спасителя, были живые и сам себя он представлял Христом дочь Луки Тимофеевича Молчанова³ имела титул деви Марии; крестьяне и некоторые из купцов пожалованы были апостолами, так что вся свита забайкальского жеспасителя состояла почти из 70 чел. Вы слышали о новой пустыни на кягтинской границе, покровительствуемой Игумновым.⁴ В прошлом году на Пасхе Израиль пришел в упомянутую пустынь ночью. Старик Парфений, начальник сей пустыни, впустил их во двор и в церковь. Израиль пошел прямо к алтарю, растворил ногою царские

двери, и, назвав прежние обряды нечестивыми, приказал своим ученикам и спутникам вынести кресты из алтаря и поставить среди церкви, потом сел он на престол и в первый раз все-народно совершил богослужение по новым обрядам; по окончании сей комедии сказал Парфений, настоятель пустыни, что он может донести о сем происшествии начальству и с сими словами отправился в Кягту для проповедания своего учения. Но как он шел медленно, то в Троицкосавске уже ожидали его — одни как Христа-спасителя живого, а начальство как ереси начальника. Котельников и некоторые другие кягтинские купцы уже решились было принять его новое учение, но Николай Матвеевич Игумнов своею решительностью удержал их от сей глупости. Таким образом взято было около 70 чел., представлявших различные святые лица времен Христа Спасителя и уже разосланы по монастырям. Мария Магдалина и сестра ея привезены в Казань, а богородица с родителем ея Молчановым отвезены куда-то в другое место. В Москве в доме Волынского я встретился с кавказским Ермоловым⁵⁾, который принял меня очень ласково и довольно говорил со мною. В Казани я навещал Ковалевского⁶⁾ и Попова⁷⁾. Первого не застал дома, а у последнего пил чай. В одно время со мною выехал из Москвы Соломирский⁸⁾ в Екатеринбург и Трапезников⁹⁾ в Ирбит. Последний дважды догонял меня под Казанью, но я не имел случая видеться с ним, потому что не имел излишних денег для уплаты 200 руб. — по препоручению Вашему. Исполню это по прибытии в Иркутск с переводом на Ивана Савича Вавилова¹⁰⁾. Есть много других новостей, но мало важных; и потому умалчивают об них.

По прибытии в Казань мы сделали новое распоряжение касательно подлежащего пути. Одну повозку уничтожили; вещи сдали Крупеникову для отправления оных в обозе, а сами едем в одной повозке. Трудность пути и позднее время необходимо требовали сего. Мы все здоровы. Приближается время к укладке; и потому спешу кончить сие письмо. Честь имею быть с истинным почтением и совершенною преданностью

Милостивый государь

Вашего Превосходительства

покорнейший слуга м.Иакинф

марта I 1835 Казань"

АВ ЛО ИВ АН СССР, ф.56, оп.2, ед.хр.3, л.2-3.

118

Примечания

1. Н.Я.Бичурин отправился во второй раз из Петербурга в Кягту вместе с К.Г.Крымским, который остался там учителем в Кягтинском училище китайского языка.
2. Петр Андреевич Петухов — глава пограничной администрации в Троицкосавске (близ Кягты).
3. Л.Т.Молчанов — кягтинский купец.
4. Николай Матвеевич Игумнов — кягтинский купец, на его деньги был построен дом для училища китайского языка в Кягте.
5. А.П.Ермолов (1777-1861) — известный русский генерал.
6. О.М.Ковалевский (1800-1878) — один из основоположников монголоведения в России. О нем см: А.Н.Хохлов, В.П.Васильев в Нижнем Новгороде и Казани — "История и культура Китая", М., 1974, стр.36 и др.
7. А.В.Попов (1808-1880) — специалист в области монгольских языков. См: "История и культура Китая", М., 1974, стр.42.
8. Владимир Дмитриевич Соломирский сопровождал П.Л.Шмелинга в качестве секретаря во время его поездки в Забайкалье в 1830-1831гг.
9. Трапезников — иркутский купец.
10. И.С.Вавилов — петербургский купец. См: АВ, ф.56, оп.2, л.18, л.1

II. ПРОШЕНИЯ Н.Я.БИЧУРИНА (ИАКИНФА) О СНЯТИИ С НЕГО
МОНАШЕСКОГО САНА

I. Прощение, поданное Н.Я.Бичуриным в Св.Синод (29 августа 1831 г.)

"В Святейший Правительствующий Синод
монаха Иакинфа
всепокорнейшее прошение

Числясь по сану в звании монашеском, а по должности в службе гражданской, я в необходимости бываю как по ученым занятиям, так и поручениям от начальства, находиться в долговременных отлучках от монастыря, что при всей благовидности причин противно приличию, а потому и для общего мнения сомнительно. Сверх того, как сие звание препятствует мне в полном удовлетворении обязанностям по службе; так, напротив, и пребывание в мире по делам службы отвлекает меня от упражнений духовных; слабости же, свойственные мне как человеку, поставляют меня в невозможность соблюдать обеты монашества во всей чистоте их. В сей причине, к несчастью, я убежден долголетним опытом своей жизни. Почему для успокоения совести я обратился к последнему средству всепокорнейше просить Святейший Синод снять с меня с монашеским саном те обязанности, выполнять коих с точностью и по совести я не в состоянии и позволить мне провести остаток дней в светском звании при тех должностях, к которым по своим способностям уже призван волею правительства.

Вашего Святейшества
всенижайший послушник м.Иакинф
Троицкосавск
августа 29 дня 1831 года
ЦГИА, ф.796, оп.112, д.837 (1831г.), л.1(автограф).

2. Письмо Н.Я.Бичурина к К.В.Нессельроде (13 сентября 1830 г.)

"Ваше Превосходительство
Милостивый государь!

При вступлении моем в Министерство Ин.дел, Вашему Превосходительству угодно было предложить мне о снятии сана монашеского, дабы чрез сие устранить затруднения, могущие произойти от противоположности звания со службою. Приняв с должною признательностью столь лестный знак внимания ко мне Вашего Превосходительства, я не решился оставить сан, в коем провел более 25-ти лет, надеясь избежать скромностью жизни от всех нареканий. Но четырехлетний опыт доказал мне, что никакие усилия не могут превозмочь общепринятого образа мыслей, а потому я не столько заботаюсь о себе, сколь о святости иноческого сана, коего обеты в самом глубоком уединении столь трудно выполнять, решился просить Ваше Превосходительство о исходатайствовании мне перемены звания, тем более, что я, учеными трудами своими, смею надеяться, уже доказал, что я ни в каком месте не могу служить Отечеству с большею пользою, как при Министерстве ин.дел.

Всею, что имею ныне, будучи наиболее обязан покровительству и благорасположению ко мне Вашего Превосходительства, осмеливаюсь предать Вашему попечению и участь настоящего дела в полной надежде, что, содействуя мне в перемене звания, не оставите сделать и то, что заблагоусмотрите нужным к обеспечению будущих дней моих.

С глубочайшим высокопочтанием и совершенною преданностью честь имею быть

Милостивый государь,
Вашего Превосходительства
всеподданнейший слуга м.Иакинф

сентября 13 дня
1830 года
Кяхта".

АВПР, ф.Главный архив IV-6, 1830-1836, д.1, л.128(автограф).

3. Проект официального представления, составленный Н.Я.Бичуриным для Азиатского Департамента относительно снятия с него духовного сана (после 1832 г.).

Монах Иакинф, находившийся в Балаамском монастыре, в 1826 г. Высочайше определен был на службу при Мин-ве Ин.дел. Дознав опытом, что при точном выполнении обязанностей по службе, по слабостям, свойственным человеку, трудно в ненарушимости соблюсти обеты монашества, посему в 1830 году обратился он чрез Мин-во ин.дел с просьбой в Синод о снятии с него монашеского сана. Св.Синод, находя причины монаха Иакинфа согласными с правилами святых отец, положил уволить его из духовного звания, но вместе с тем хотел, чтобы он по сложении с себя монашеского сана не имел пребывания в обеих столицах и устранен был от должностей по гражданской службе. Его Свят.-во г.Вице-канцлер граф Нессельроде, зная монаха Иакинфа как человека известного и в Европе по глубоким его познаниям в китайской литературе, особливим докладом просил Государя им-ра оставить его; по снятии монашеского сана, при прежней должности в Мин-ве Ин.дел. Его имп.Вел-во соизволил утвердить сие представление г.Вице-канцлера, но вслед затем, не желая отменить мнения Синода, высочайше указал оставить монаха Иакинфа по-прежнему в духовном звании. Почитая волю царя священной, но не менее внутренно сокрушаясь, что произвольным нарушением обетов монашества возмущает свою совесть, монах Иакинф намерен вторично утруждать е.и.в. всеподданнической просьбой об исключении его из духовного звания с оставлением по-прежнему при Мин-ве Ин.дел, где он имеет способ быть полезным отечеству по его обширным статистическим сведениям о Китае и других странах Востока".

АВ ДО ИВ АН СССР, ф.56, оп.2, ед.хр.89 (автограф Н.Я.Бичурина).

III. ПИСЬМА Н.Я.БИЧУРИНА ИЗ АРХИВА М.П.ПОГОДИНА
№ I (23 декабря 1832 г.)

"Милостивый государь

Михайло Петрович.

Посылав к Вам два экземпляра истории Тибета и Хухунора¹, только что вышедшей из типографии: один для вас, другой для г.Надеждина². Примите это знаком моего истинного к вам уважения. По долгу журналиста без сомнения вы сочтете обязанностью сказать что-нибудь о сей книге. Избавляя вас от тягостной скуки читать её, предварительно скажу, что она представляет события одного из древнейших в свете народов, со времени политического его рождения - в продолжении 30-ти веков. Вот все её достоинство. Впрочем, вы можете заглянуть в предисловие, и сего довольно, чтобы подать какое-нибудь понятие о самой книге. Нынче я занимаюсь продолжением китайской грамматики; но постоянного предмета для моих занятий не имею. Возвратившиеся к нам деятели восточной словесности с сожалением вспоминают о времени, проведенном в Пекине³. На них не обращают внимания. Правда, что они еще не опытни в практике издателей, но со временем могли бы быть хорошими работниками по восточной литературе. Один из них начал печатать кое-что в "Северной пчеле"⁴. Но, к несчастью, по эгоизму не хотел ни с кем посоветоваться и начал (в)здорить с истиною. Конечно, никто не будет возражать ему посредством журналов; со всем тем правительство очень видит слабость, или точнее сказать, шаткость его сведений о Китае и молча выводит невыгодные заключения. Теперь в Петербурге находятся пять человек, возвратившихся из Китая, и из всей коллекции ориенталистов много бы доброго составить можно было, но обстоятельства не в их пользу и, можно сказать, сами причиною тому. Далее покрыто завесою тайности. Извините сия болтливость происшедшую от искренности.

Имею честь быть с истинным почтением и преданностью.

Ваш покорнейший слуга м.Иакинф.

Декабря 23

1832

СПетербург

Податель сей записки Сергей Никанорович Навроцкий
есть мой сосед — человек военный и ученый. Обласкайте его.

ГБЛ, ф.231, разр.П, п.13, ед.хр.43, л. 1-2 (автограф).

Примечание

1. "История Тибета и Хухунора, с 2.282 года до р.х. до 1227 года по р.х.", СПб, 1833.
2. Н.И.Надеждин (1804-1856) — русский критик, журналист, ученый, издавал в Москве журнал "Телескоп" с приложением газеты "Молва", в которых сотрудничал В.Г.Беллинский.
3. Имеются в виду члены Пекинской духовной миссии, находившиеся в Китае в 1820-1831 гг. (П.И.Каменский, Д.Сивиллов, З.Л.Леонтьевский, К.Г.Крымский, О.П.Войцеховский и др.
4. Речь идет, судя по всему, о З.Л.Леонтьевском.
5. См. прим.3

№ 2 (Май 1841 г.)

"Зиму провел я в болезнях и не имел оных заниматься. В мае прогулками на чистом воздухе совершенно оправился от болезни, но силами еще слаб. Вот почему запоздал статью, обещанную (?) в ваш журнал. При отправленной к вам статье были чертежи, но я оставил их у себя; потому что издание их дорого будет стоить. Ваш журнал как дитя — день ото дня лучше становится. Если далее будет расти таким же образом, то "Москвитинин"¹ одоляется красавцем пред (нашими) современными журналами. Я решился печатать статистику Китая на свой счет². Требуется 7 т. Кажется, что и половины этой суммы воротить трудно будет. Мой Китай³ доказательством этому. Наши ученые от всей души согласны лучше брать, нежели нужное и дельное читать. У вас Корн⁴, у нас Соколовский и Устрялов⁵ — доказательство тому. Им, как детям, более нравятся врачи французские, нежели правда русская. Те с вычурами и звонками, а эта просто одета. Но что глупее всего: у нас ученые еще гордятся вралью потому, что они говорят отличное от других. — Ожидаю вашего мнения на счет посланных к вам опитов литографированных китайских букв для словаря. — Через месяц кончу изложение китайского земледелия со чертежами всех земледельческих орудий⁵. Мне хотелось было написать изложение всего сельского хозяйства в Китае, но оно не принесет пользы ни мне, ни читателям, потому что Китай лежит от 40° до 24°, а Россия от 40° до 64° северной широты: вот почему отложил я это дело в сторону".

ГБЛ, ф.231, разряд П, п.13, ед.хр.43, л. (автограф).

Примечания

1. "Москвитинин" издавался М.П.Погодиным при участии С.П.Шевырева
2. "Статистическое описание китайской империи", ч. I-2, СПб, 1842.
3. "Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение", СПб, 1840

4. Е.Ф.Корш (1810-1897) - русский журналист, переводчик; в 1843-1848 гг. редактировал "Московские ведомости".
5. Н.Г.Устрялов (1805-1870) - русский историк, автор "Русской истории", изданной в 1836 г. и дополненной в 1842 г.
6. Н.Я.Бичурин, Земледелие в Китае, СПб., 1844-
В отделе редкой книги Государственной библиотеки СССР им. В.И.Ленина имеется экземпляр этой книги, подаренный автором А.П.Заблоцкому, редактору "Журнала Министерства внутренних дел", с личным автографом русского востоковеда: "Андрею Парфеновичу Заблоцкому. Издатель. Февр. 4"

№ 3 (14 ноября 1841 г.)

"Милостивый Государь

Михайла Петрович

На последних днях минувшего м-ца в прибавлениях к С.Петербургским ведомостям припечатано объявление о издаваемой мною книге: Статистическое описание китайской империи. Издатель книги есть коллежский советник Мициков. Покорнейше прошу повторить это объявление в вашем журнале к 1-му декабря. Сим много обяжете Вашего покорнейшего слугу Иакинфа

ноября 4
1841
С.П.-бург

Весною нынешнего года я послал к вам образцы китайского словаря, предназначенного к печати. Не можно ли возвратить их? Потому что эти два листка принадлежат Азиатскому департаменту".

ГБЛ, ф.231, разряд II, п.13, ед.хр.43, лл.3-4 (автограф).

Примечание

I. Эта же фамилия указана на титульном листе книги Н.Я.Бичурина "Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение", изданной в 1840 г. в Петербурге. В связи с тем, что автор книги не был указан на титуле, Бичурин на экземплярах этой книги после слова "сочинение" иногда добавлял "монаха Иакинфа". Об этом свидетельствует экземпляр данной книги, отправленный Н.Я.Бичуриным в Иркутск В.Н.Баснину и находящийся в настоящее время в отделе редкой книги и рукописей библиотеки Иркутского государственного университета. На нем имеется автограф русского ученого: "Василию Николаевичу Баснину от сочинителя. Сент. 12 1841".

"Г.Погодину

В прошлом году я посылал к вам объявление на подписку¹⁾. Впрочем, это объявление бесполезно было. Во всей России подписался один чиновник в Варшаве. Это решило издателя ограничиться в числе экземпляров так, что экземпляр книги ему самому стоит 8 1/2 рублей серебром. Если он и потеряет, то не более 5000 рублей ассигнациями.

Если вы на Пасхе будете в Питере, то по приезде оставьте записку о вашей квартире швейцару в Министерстве Иностранных дел. Он живет при самом входе".

ГБЛ, ф.231, разр.П, п.13, ед.хр.43, л.7 (автограф).

Примечание

1) См: письмо № 3 (4 ноября 1841 г.)

"Милостивый государь
Михайла Петрович

Через вашего комиссионера г.Кингмейстера¹⁾ хотел было я отправить к вам экземпляр изданной мной Статистики Китая, но мне сказали, что надобно с неделю подождать.²⁾ По этому обстоятельству я решился отправить по почте, а вас взаимно прошу приложенное здесь объявление напечатать в вашем журнале. При этой просьбе я опасаясь только, что вы - при ученой заботливости - забудете исполнить мое препоручение. Время дорого для вас. Простите. Остаюсь вашим покорнейшим слугою

Иакинф

декабрь 4

1842

С.П.бург

ГБЛ, ф.231, разд.П, п.13, ед.хр.43, л.6

Примечание

- 1) Ю.А.Кингмейстер - владелец книжного магазина в Петербурге.
- 2) Среди книг В.Ф.Одоевского, находящихся в Государственной библиотеке СССР им. В.И.Ленина, есть экземпляр книги Н.Я.Бичурина "Статистическое описание китайской империи" с дарственной подписью автора: "Его Сиятельству князю Владимиру Федоровичу Одоевскому в знак от личного уважения и памяти. Сочинитель. Майя 12 1846".

На прошедших днях отправлено к Вам 15 экземпляров Статистики Китайской империи для продажи на условиях, изложенных в объявлении вашей книжной конторы¹⁾. Цена книги — 10 р. серебром. — Я очень долго был болен, теперь несколько оправился. Но на совершенное выздоровление нет надежды. Впрочем, моя болезнь при строгой диете не очень опасна; даже по временам исподволь могу заниматься кое-чем. Простите и будьте здоровы. Остаюсь ваш

Покорнейший слуга

Иакинф

ГБЛ, ф. 231, разд. П, п. 13, ед. хр. 43, л. 7 (автограф)

Примечание

1) См: письма № 3 и № 4.

IV. ЗАМЕТКА Н.Я. БИЧУРИНА О ХАРАКТЕРЕ КИТАЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ
(август—сентябрь 1845 г.)

"Давно уже жалуются, что при чтении исторических книг, переводимых с китайского языка, чувствуют скуку и даже отвращение от чтения. Сию жалобу нахожу основательною и чувство скуки отнюдь не приписываю причудливости вкуса.

Китайцы историю представляют зеркалом, отражающим тень событий, происходивших в какой-либо стране. Сии события извлекаются из государственных совр. бумаг, в которых в отношении к действовавшим лицам наблюдается особенный тон выражений соответственно образу их действий. Сей тон переливается в самую историю, и производя собою (для нас европейцев, не для китайцев) шероховатость в слоге, делает оную скучною. Но не должно забывать, что сей самый тон составляет существенное качество истории, ибо он дает некоторым словам такое значение, которое изображает самый характер событий. Измените сей тон, тогда каждое переменное слово должны будете заменить объяснением, разрывающим единство повествования, а без сих объяснений события потеряют существенную часть исторической в ней истины, ибо государственными постановлениями определено употреблять известные слова для событий, воследовавших на основании общих законов, и другие слова для подобных же событий, воследовавших от случайных или предосудительных причин. Сей тон в первом случае называется историческим положением, а во втором — изменением исторического положения. Кхун-фу-цзы, живший во времена великих беспорядков в Китае, первый употребил особенный способ исторического писания для усмирения мятежных вассалов и вельможей. В его краткой летописи под названием "Чунь-цзю", что значит "весна и осень", по уверению ученых китайцев одно в похвалу сказанное слово блистательнее всякого пышного одеяния; одно в порицание сказанное слово колчею всякого острого оружия. Пример сего славного мудреца одобрен был всеми учеными, а потом и самим правительством. На сем основании впоследствии постановлены были разные положения, характеризующие китайскую историю.

Любопытнейшие из них суть те, которые употребил Чжу-си в знаменитой своей истории Китая, изданной под названием "Тхун-цзянь ган-му".

ГПБ, библиотека Александро-Невской лавры А-27-6, л.121 (автограф)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть II

Л.И.Думан ✓	О труде Н.Я.Бичурина "Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена"	3
П.М.Кожин	Некоторые данные о древних культурных контактах Китая с внутренними районами евразийского материка	24
С.Кучера	Некоторые проблемы истории Турфана в ханьскую эпоху (III в. до н.э. - III в. н.э.)	42
О.В.Зотов ✓	О политических и культурных контактах между Кашгарией и Китаем во II в. до н.э. - VIII в. н.э.	66
Д.Д.Васильев	К вопросу о культурно-письменных центрах тюркского каганата	79
К.Ш.Хафизова	Некоторые данные о расселении казахов в VIII в.	83
В.С.Кузнецов	Джунгарское ханство в 1745-1755 гг.	95
А.Н.Хохлов	Новые материалы к биографии Н.Я.Бичурина	III

Подписано к печати 6/IX-1977 г. А-02953
Объем 8,25 п.л. Уч.-изд.л. 7,14 Тир. 500 экз.
Зак. 322. Цена 70 коп.
Офсетное производство 3-й типографии
издательства "Наука"
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1